

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева»

На правах рукописи

Конухова Анастасия Валерьевна

**НЕНАСИЛИЕ КАК ИДЕАЛ И ПРИНЦИП ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

09.00.11 – социальная философия

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук,
профессор Минеев В. В.

Красноярск – 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	с. 4
Глава 1. Принципы насилия и ненасилия: сравнительно-исторический и категориальный анализ	
1.1. Основные этапы осмысления проблемы насилия и ненасилия в истории социально-философской мысли.....	с. 16
1.2. Идеал ненасилия в отечественной культурной традиции.....	с. 44
1.3. Концепция ненасилия в современной философии и науке.....	с. 69
Глава 2. Диалектика насилия и ненасилия в современном мире	
2.1. Насилие и ненасилие на уровне социальных отношений.....	с. 93
2.2. Насилие и ненасилие на уровне межличностных отношений.....	с. 114
2.3. Ненасилие как фактор консолидации общества и социального прогресса.....	с. 134
Заключение.....	с. 158
Список литературы.....	с. 161

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена глубинными тенденциями общественного развития и, соответственно, формированием комплекса разнообразных, но вместе с тем взаимосвязанных социальных, социокультурных, этических, геополитических, педагогических и иных проблем, решение которых требует переосмысления феноменов насилия и ненасилия.

Глобальную угрозу сложившемуся миропорядку и самому существованию человечества несёт эскалация разнообразных проявлений насилия в современном мире. Множатся политические конфликты, решаемые далеко не мирным путём (Косово, Чечня, Ирак, Ливия и др.). Следует особо отметить, что данные конфликты возникают на фоне благополучия, стабильности, укрепления идеалов гуманизма в наиболее развитых регионах планеты, такова парадоксальность современной ситуации. Активны пацифистские движения, ширятся антивоенные акции, миротворческая деятельность и призывы к разоружению государств. Очевидно, одним из важнейших элементов решения межконфессиональных и межнациональных проблем, напрямую связанных с процессом глобализации и угрозой терроризма, могло бы стать укрепление принципа ненасилия.

Столкновение противоположных тенденций придаёт исследованию особую актуальность. С одной стороны, история рассматривается как движение в царство свободы и отсутствия насилия. С другой стороны, по мнению многих ведущих мыслителей, таких как З. Фрейд, Э. Фромм, А. Маркузе, А. Маслоу, отчасти М. Фуко, имеется тенденция к оформлению насилия как тотального феномена человеческого бытия: насилие над природой, над ближними (наблюдается вал публикаций, свидетельствующих о насилии в семье, в школе), насилие со стороны средств массовой информации, пресловутый диктат производителя над потребителем, одержимость кино и литературой, изобилующими сценами садизма,

убийства. Все это тем более странно, что научно-технический и социальный прогресс давно уже создали предпосылки для качественного снижения уровня биологической, а может быть, и социальной агрессии. Увы, последствия научно-технической революции неоднозначны. Прогресс в области биомедицинских технологий создал предпосылки не только для развития системы здравоохранения и для увеличения продолжительности жизни, но и для более изощренной эксплуатации человеческого тела, физических и умственных способностей человека, для манипуляции сознанием и управления биополитическими процессами в интересах лишь отдельных групп населения.

«Но где опасность, там вырастает и спасительное» (Ф. Гёльдерлин). Эскалация насилия в современном обществе закономерно вызывает усиление противоположных тенденций, развитие сдерживающих механизмов и, соответственно, рост интереса к альтернативному способу социальных взаимодействий.

С одной стороны, сегодня учёные переосмысливают опыт ненасилия XX века в связи с крупными социальными событиями и потрясениями прошедшего столетия – революциями, Первой и Второй мировыми войнами, холодной войной, локальными конфликтами, «цветными революциями». С другой стороны, у современных исследователей возникают разнообразные, оригинальные, неоднозначные концепции, касающиеся ненасилия.

Наш мир, прежде всего, является единым диалектическим целым. Взаимодействие «насилия» и «ненасилия» отражает одно из многих диалектических противоречий, являющихся неотъемлемой и важной частью нашего бытия. В онтологическом и семантическом плане понятие «ненасилие» противостоит «насилию», «мир» – «войне», а «добро» – «злу»... Ибо все эти понятия органически взаимосвязаны, одно не может существовать без другого, и вместе они составляют гармонию мира. Диалектика исследуемых противоположных начал плавно перетекает в диалектику «добра» и «зла». Вечное взаимодействие, существование и

противостояние данных этических категорий определяет их постоянную актуальность: эти проблемы интересовали человечество со времён зарождения мира и по сей день. Именно поэтому многие исследователи, отмечая рост насилия в современном мире, пишут о необходимости популяризации вечных ценностей этики ненасилия: миролюбия, добра, любви к ближнему.

Степень разработанности темы исследования. Принцип ненасилия вызревает на протяжении тысячелетий. Мудрость этого принципа, его вечная истина сохранились до наших дней. Более того, концепция ненасилия становится всё более популярной. Во-первых, как тема научных исследований (появилось большое количество диссертаций, защищённых по данной тематике за последние два десятилетия, есть новые монографии, книги, научные статьи, посвящённые этому вопросу); во-вторых, как составляющая интернет-пространства (многочисленные сайты по этой проблеме, интернет-статьи, библиографии, сведения в интернет-энциклопедиях, статьи в виртуальных базах данных); и, в-третьих, как политическая модель, в соответствии с которой происходят, например, так называемые «цветные революции».

Этика ненасилия – учение, проповедующее отказ от зла и применения силы по отношению к ближнему, проходит в своем развитии несколько важнейших эпох.

Первую из них правомерно обозначить как эпоху становления предпосылок концепции ненасилия в древности и в Средние века. Мысль о ненасилии присутствует во многих религиях – джайнизме, буддизме, индуизме и, конечно же, в учениях философских. Проблема осмысливалась Сократом, Платоном, Аристотелем... В христианстве, под знаменем которого протекает развитие европейской культурной традиции, принцип получил выражение в словах Нагорной проповеди: «Вы слышали, что сказано: «око за око и зуб за зуб». А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою

и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду»¹ (15, Мф. 5; 38-41). Христос отрицает принцип талиона, обязывающий мстить врагу за совершенное зло, и провозглашает новый нравственный закон – закон любви.

Вторая большая эпоха стартует в период Возрождения и охватывает Новое время. Её лейтмотивом становятся прогрессирующий антропоцентризм и связанные с ним индивидуализм и наделение человеческой жизни наивысшей ценностью. К данной теме обращались многие мыслители – от Эразма Роттердамского до Ж.-Ж. Руссо и И. Канта.

Но начало ненасилию как движению, которое стало бурно развиваться в связи с социальными преобразованиями конца XIX – начала XX века, положила, прежде всего, философия Л.Н. Толстого и его учение «о непротивлении злу силою». Это учение открывает новую, третью эпоху в осмыслении проблемы. Толстой считает, что ненасилие – это тот принцип, который объединяет все мировые религии. Использовать насилие и агрессию по отношению к ближнему нельзя ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах. По мнению Толстого, люди на протяжении веков неправильно понимали Евангелие. Существование в мире войны и военной службы – свидетельство порочности человечества, его отступления от главной заповеди. Великий русский писатель не только обосновывает теоретические принципы ненасилия, но и вдыхает жизнь в еще одно особое направление гуманитарной мысли – в педагогику ненасилия.

Многие мыслители XIX–XX вв. вели полемику с Толстым, с его учением о непротивлении злу силою. Это, прежде всего, представители русской религиозной философии – И.А. Ильин, В.С. Соловьёв, Н.О. Лосский, Л. Шестов, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов, С.Л. Франк, В.Ф. Эрн и другие; мыслители русской эмиграции, военные А.А. Керсновский, А.Л. Мариюшин, Н.Н. Головин; политики и публицисты советского периода – В.И. Ленин, С.Г. Шаумян и множество других.

¹ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета, канонические. М.: Российское библейское общество, 2001. С.5.

В дальнейшем теорию ненасилия Толстого разрабатывает и дополняет индийский философ и политик Махатма Ганди. Новаторством теории Ганди заключается в том, что он рассмотрел и использовал на практике принцип ненасилия как эффективную политическую модель. Центральными понятиями в концепции ненасилия Ганди применительно и к политическому, и к межличностному общению являются «ахимса» и «сатьяграха». «Ахимса» (санскр. «ахимса» – «невреждение») – непричинение вреда живым существам; «сатьяграха» – оригинальная техника политической борьбы, целью которой является улучшение отношений с врагом, достижение гармонии в отношениях различных людей и групп. С помощью «ахимсы» и «сатьяграхи», чётко продуманных ненасильственных действий, Ганди удалось провести несколько успешных политических кампаний, итогом которых стало достижение независимости индийским народом.

Настолько же эффективной оказалась и деятельность М.Л. Кинга, который успешно использовал методы М. Ганди в борьбе за независимость цветного населения в США 60-х годов XX века. Мартин Лютер Кинг развил концепцию ненасилия, создав чёткий алгоритм ненасильственных действий, сидячих демонстраций, массовых протестов. Результат его деятельности – отмена системы угнетения темнокожего населения США, появление льгот для афроамериканцев.

В XX веке движения толстовства, гандизма, пацифизма набирают силу. Так, пацифизм, в свою очередь, имеет множество видов и форм, которые рассматриваются в данной диссертационной работе. Его особая популярность в XX веке связана с протестом против войн, которых в прошедшем столетии было очень много. Кроме первой и второй мировой войны, появилось оружие массового уничтожения, терроризм, межнациональные конфликты и другие мировые проблемы, которые пытаются решить активисты этого движения.

Неудивительно, что свое развитие концепция ненасилия по-настоящему получает именно в XX веке. К ней обращаются А. Швейцер,

Дж. Шарп (теории А. Швейцера и Дж. Шарпа иногда включаются в список деятелей ненасилия), Г. Пейдж, исследователи пацифизма Д. Кэди, А. Форчун, Р. Нибур...

Таким образом, практическая разработка идей ненасилия ознаменовала начало современного, четвертого этапа в развитии философии ненасилия. Приёмы ненасилия доказали свою успешность в решении политических проблем. Сформировался широкий спектр разнообразных подходов, учений, направлений.

В первом приближении можно выделить следующие направления, связанные по преимуществу с определенными областями научно-философской мысли: социобиологическое направление, объединяющее очень широкий круг существенно различающихся авторов, рассматривающих феномены насилия и ненасилия с точки зрения их места в эволюции живых существ, человека, общества (П.А. Кропоткин, З. Фрейд, К. Лоренц, А.П. Назаретян, Н.Н. Моисеев); этическое направление (А. Швейцер, А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян и др.); историческое, фокусирующее внимание на уже исторически состоявшемся опыте ненасилия (Э.Л. Нитобург, Ф.Н. Юрлов, Е.С. Юрлова и др.); психолого-педагогическое (М. Монтессори, Ю.М. Орлов, Н.И. Макарова, Н.В. Наливайко и др.); политико-правовое (Дж. Шарп, А.Н. Чумаков, Т.Н. Москалькова, Д. Кэди, В. Мейерс и др.). С другой стороны, в зависимости от того, как трактуется ненасилие, можно противопоставить, в частности, подходы абсолютистский (представлен трудами А.А. Гусейнова) и так называемый прагматический (к нему обычно относят Р.Г. Апресяна).

Среди авторов последних лет можно выделить таких исследователей как А.А. Гусейнов, У.Р. Миллер, Т.Н. Москалькова, Е.С. Юрлова, В.С. Степин, Е.Д. Мелешко, М. Эгути, А.Е. Зимбули. Для них характерен основательный, глубокий анализ классических теорий ненасилия и, как правило, позитивная оценка опыта ненасилия в основном преобладает над негативной. С их точки зрения, ненасилие – это и эффективное средство

политической борьбы, и мудрая система нравственных категорий, необходимая для грамотного и мирного взаимодействия отдельных индивидов и масс.

Необходимо отметить и плеяду авторов (последних двух десятилетий), которые исследуют концепцию ненасилия в неразрывной связи со сложной общественной жизнью рубежа XX–XXI веков: А.М. Ковалёв, А.В. Перцев, Л.Н. Вшивцева, И.В. Корельский, О.Ю. Шахова, В.А. Жданкин, Н.Г. Пряхин, Р.Т. Усанов, Ф.Н. Юрлов, А. Форчун, И. Чернус, В. Мейерс. Они переосмысливают опыт ненасилия XX века. Им свойственны и взгляд на данную концепцию как на утопию, и поиск «золотой середины» на шкале «насилие – ненасилие», и признание этики ненасилия как единственно верного и эффективного способа для решения проблем в современном мире.

С другой стороны, отдельный пласт исследований представляет собой литература о насилии. Насилие и ненасилие связаны между собой диалектически, поэтому глубоко проанализировать концепцию ненасилия без анализа понятия насилия не представляется возможным. Насилие – это тема, к которой мыслители постоянно обращаются с античных времён. Эстафета осмысления насилия передается от Платона через Г. Гроция к И. Канту, Г. Гегелю, Ф. Ницше, Р. Жирару. Рассмотреть все исследования подробно в пределах данного исследования не представляется возможным. Однако упускать из виду преемственность современными дискуссиями классических нельзя. Отметим новый взгляд на природу насилия, представленный в работах А.П. Назаретяна, который убедительно доказывает наличие определенных «циклов», «волн» насилия в природе и человеческой истории, в соответствии с которыми насилие то усиливается, то утихает; концепцию А.М. Ковалева, подчёркивающего неразрывность насилия и ненасилия, их постоянное взаимодействие в природе и обществе.

Важный штрих в эту картину добавляют также работы по психологии насилия и агрессии (Л. Берковиц и др.). Всё большую популярность набирает и другие, относительно новые направления – психология ненасилия

(Ю.М. Орлов, В.А. Ситаров, В.Г. Маралов и др.) и педагогика ненасилия (М. Липман, Н.И. Макарова, Н.В. Наливайко). Смысл последней сводится к тому, чтобы научить родителей и педагогов общаться с детьми спокойно, тактично и без давления: при выполнении любой познавательной деятельности необходимо прежде всего заинтересовать, а не заставить. Труды исследователей по педагогике ненасилия дополняют классическую теорию ненасилия и дают новый конкретно-практический опыт.

Таким образом, ощущается потребность в философской работе, обобщающей результаты разнообразных изысканий, рассматривающей феномены насилия и ненасилия во всей их сложности и многообразии, что и определило предмет и цель предпринятого диссертационного исследования.

Объектом исследования выступают феномены насилия и ненасилия во всей их сложности и многообразии.

Предметом исследования является ненасилие как принцип и идеал человеческого бытия.

Цель исследования состоит в том, чтобы обобщить весь комплекс знаний о ненасилии, разработав теоретико-методологические основания для его изучения в условиях современного мира и, соответственно, для практики.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть концепцию ненасилия в её развитии от истоков до наших дней;
- особо обратить внимание на отечественную традицию, раскрыть смысл полемики вокруг наследия Л.Н. Толстого с точки зрения её актуальности для современной эпохи;
- вскрыть основные особенности современных концепций ненасилия, обозначить тенденции их развития;
- развить представление о насилии и ненасилии как о фундаментальных способах социального взаимодействия, предпринять категориальный анализ понятий «насилие» и «ненасилие»;

- провести анализ основных принципов педагогики и психологии ненасилия в связи с их местом в системе социальных преобразований в направлении создания общества гармонии;

- раскрывая диалектику насилия и ненасилия на уровне социальных отношений, представить принцип ненасилия как фактор консолидации общества и социального прогресса.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют принципы диалектического подхода, сравнительно-исторический и герменевтический методы, этико-философские идеи отечественных и зарубежных авторов. Нашими приоритетными источниками, в частности, являются концепция ненасилия, представленная трудами прежде всего Л.Н. Толстого, М. Ганди и М.Л. Кинга, точнее, её философская составляющая; классическая фундаментальная теория сотрудничества, созданная великим русским ученым и философом П.А. Кропоткиным; этико-философские работы А.А. Гусейнова; развитое А.П. Назаретяном представление об эволюции ненасилия, об антропологической перспективе человечества; концепция ограничения насилия, тщательно обоснованная Р.Г. Апресяном.

Использовались также общенаучные методы: логический анализ и синтез, сравнение и обобщение, сравнительно-исторический подход, структурно-функциональный и системный анализ.

Научная новизна диссертации заключается в том, что разнообразные социальные явления, их историческая эволюция, их роль в жизни общества рассматриваются сквозь призму представлений о ненасилии как идеале и принципе человеческого бытия.

1. Показано, что насилие и ненасилие являются диалектически взаимосвязанными, исторически эволюционирующими, фундаментальными принципами человеческого бытия и должны исследоваться в тесной взаимосвязи и в самых различных аспектах (этическом, политическом, психологическом и т. д.).

2. В результате обращения как к классической концепции ненасилия, так и к современным подходам, а также обобщения обширного конкретно-научного материала развито представление о возрастающей роли принципа ненасилия в истории общества. Показано, что сущность ненасилия не сводится к формальному отсутствию насилия, а раскрывается через положительное содержание категорий сотрудничества, терпимости, солидарности, любви, свободы, равенства.

3. Уточнен терминологический аппарат, связанный с исследуемой проблематикой, уточнено содержание понятий «насилие», «принуждение», «ненасилие», «толерантность», «терпимость» и т. д. В результате переосмысления собственно этического принципа ненасилия в более широком социально-философском ключе предлагается определение ненасилия как принципа и идеала, согласно которому функционирование и развитие общества должно в максимально возможной степени исключать любые проявления насилия.

4. Предпринята классификация современных концепций ненасилия, осуществлён сравнительный анализ классических концепций и современных подходов, для чего разработана специальная шкала насилия и ненасилия.

5. Принцип ненасилия переосмыслен как идеал общественного развития, воспитания личности, системы межличностных отношений с учётом различных традиций и особенностей, характерных для индивидуалистического и коллективистского типов обществ.

6. Предпринята попытка проследить неоднозначную связь теории ненасилия с цветными революциями и некоторыми другими явлениями современной политической жизни, пока ещё не получившими адекватной научной оценки, рассмотреть трансформацию принципа ненасилия в условиях глобализации.

7. Продемонстрирована диалектика насилия и ненасилия на материале важнейших социальных явлений, определяющих структуру и динамику современного мира: экологических проблем, глобализации, дегуманизации

общественных отношений (кризис традиционных ценностей, проблемы биоэтики, социальные последствия научно-технической революции и т. д.).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Насилие и ненасилие являются диалектически взаимосвязанными, исторически эволюционирующими принципами человеческого бытия.

2. Роль, значение принципа ненасилия в истории общества возрастает.

3. Сущность ненасилия не сводится к абстрактно мыслимому, формальному отсутствию насилия, а раскрывается через положительное содержание категорий сотрудничества, терпимости, солидарности, любви, свободы, равенства.

4. Ненасилие следует рассматривать как принцип и идеал, согласно которому функционирование и развитие общества должно в максимально возможной степени исключать любые проявления насилия.

5. Концепция ненасилия сохраняет в современном мире свое влияние, трансформируясь в новые разновидности.

6. В современных условиях психология и педагогика ненасилия становятся важнейшим источником философии ненасилия, способствуют интеграции разнообразных научных и философских знаний.

Достоверность и обоснованность выводов обеспечивается обращением к широкому кругу социальных явлений, привлечением большой совокупности научных источников и применением адекватных методов познания.

Научно-теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования.

Полученные результаты исследования позволяют вскрыть существенные связи между разнообразными социальными явлениями, имеют значение для понимания широкого спектра философских проблем, в числе которых – идеалы общественного развития, идеалы воспитания, социальная справедливость. Выводы могут послужить отправной точкой при принятии конкретных социально-политических решений, при организации

мирных ненасильственных акций и протестов, при подготовке специалистов для работы в конфликтных регионах, при отстаивании интересов тех или иных социальных групп либо для противодействия процессам перерождения ненасильственных акций в замаскированные формы политического насилия.

Результаты исследования могут применяться при подготовке учебных пособий по этике, философии, литературоведению, педагогике, политологии, дипломатии, богословию, религиоведению, при разработке лекционных курсов по этим предметам. Материалы, касающиеся философии Л.Н. Толстого и его полемики с русскими религиозными философами, могут быть использованы филологами, культурологами, специалистами различных направлений. Исследование может быть полезно для организаторов выставочной деятельности (библиотеки, музеи), в культурных мероприятиях по данной тематике, при обучении психологическому общению людей разных рас и народов, для педагогов, заинтересованных в применении специальных практических методик, для специалистов этнокультурных, международных центров. Полученные выводы могут быть положены в основу разработки политических программ для мирного взаимодействия различных этнических групп, методов политического анализа, военного прогнозирования с использованием опыта ненасилия не только XX, но и XXI столетия (современных исследований, опыта «цветных революций»).

Апробация. Основные идеи, положения, результаты исследования нашли отражения в ряде научных публикаций, были представлены в рамках следующих международных, всероссийских и региональных научных конференций: «Предотвращение межэтнических и межконфессиональных столкновений как одна из важнейших задач современной цивилизации» (г. Пенза, 2011 г.); XII и XIII Всероссийские (с международным участием) научно-практические конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодёжь и наука XXI века», секция «Философия» (г. Красноярск, 2011 г., 2012 г.); III Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов, молодых ученых и школьников «Социализация и межкультурная

коммуникация в современном мире» (г. Красноярск, 2013 г.); Всероссийская научно-практическая конференция аспирантов, студентов и молодых ученых «Актуальные проблемы социальной философии и социологии» (г. Красноярск, 2013 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Этика меняющегося мира: теория, практика, технологии» (2013 г.); Всероссийские научно-практические конференции аспирантов, студентов и молодых ученых «Актуальные проблемы социальной философии и социологии» (г. Красноярск, 2013 г., 2014 г.). Диссертация обсуждалась на кафедре философии и социологии Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.

Структура диссертации определяется логикой исследования, отражает последовательность решения поставленных задач. Текст состоит из введения, двух глав, разбитых на шесть параграфов, заключения, библиографического списка.

ГЛАВА 1. ПРИНЦИПЫ НАСИЛИЯ И НЕНАСИЛИЯ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

1.1. Основные этапы осмысления проблемы насилия и ненасилия в истории социально-философской мысли

Современные представления о насилии и ненасилии являются плодом длительной исторической эволюции.

Греческое «*bia*», немецкое «*Gewalt*», английское «*violence*», польское «*przemoc*», как и соответствующее русское слово, так или иначе связывают феномен насилия с силой, волей, принуждением, хотя каждый язык, каждая культура и, очевидно, эпоха обнаруживают некоторое своеобразие.

Неудивительно, что идеал ненасилия видоизменяется на протяжении истории. Неизменно одно – стремление к искоренению насилия, поскольку осознается связь между ним и человеческим страданием, физическим или моральным. На протяжении всей истории социально-философской мысли, так или иначе, менялось и представление о самом идеале: от универсальной нормативности, радикально противопоставляемой существу, недостижимой в реальности (И. Кант), до инструмента практического преобразования мира (К. Маркс)². В данной работе, исходящей из возможности переосмысления этического принципа в более широком социально-философском ключе, целесообразно опираться на определение идеала «как наиболее общего, универсального и, как правило, абсолютно нравственного представления (о благом и должном)»³.

В философских словарях понятие ненасилия раскрывается, прежде всего, как этическое, связывается преимущественно с религиозными доктринами, пацифистскими движениями и определёнными социальными

² Философия: энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 195.

³ Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2006, С.296.

взглядами. Более того, часто этика ненасилия выносится «за скобки» истории философии⁴. Отметим этот важный момент, так как он свидетельствует об особом месте ненасильственного движения в истории философской мысли. Философия ненасилия постепенно оформилась в своеобразное движение.

Если под принципом ненасилия понимается нравственный принцип, согласно которому более этичным является выбор, максимально возможно уменьшающий насилие и зло в мире, то под этикой ненасилия логично понимать систему нравственных представлений, в основе которой лежит принцип ненасилия. С другой стороны, в узком смысле слова под этикой ненасилия условимся понимать конкретную совокупность учений и социальных движений в истории этико-философской мысли (от учения о непротивлении злу насилием Л. Н. Толстого к теориям М. Ганди и М.Л. Кинга и к современным концепциям).

Идея ненасилия впервые кристаллизуется в древних восточных религиях – джайнизме и буддизме. Она принадлежит к числу важнейших в большинстве мировых религий и выражается в проповеди любви ко всем живым существам. В индийской религиозной традиции считается, что всякое существо обладает душой и, нанося вред другому, человек ухудшает свою карму, свою жизнь и судьбу, «прилепляется» душой к страстям, а, следовательно, наносит вред и себе. Нельзя повредить даже цветок или травинку, убивать животных, тем более нельзя покушаться на жизнь человека. В основе подобных учений лежит представление о круговороте зла, которое всегда возвращается тому, кто его содеял. Таким образом, идеал ненасилия, знакомый Востоку (буддизм, джайнизм, индуизм), предполагает непротивление злу, невреждение всему живому.

⁴ История этических учений: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки и специальности «Философия» / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. 911 с.

В гимнах Ригведы говорится о рите – законе праведной жизни, основа которого – стремление к абсолютному добру и любовь к человеку⁵. Эти установки получают развитие в последующих индийских религиозных концепциях. Стремление к добру является и основой Упанишад, однако в них уже «зло не реально в том смысле, что оно связано с возможностью превращения его в добро. Оно реально по размерам тех усилий, которые потребуются для его преобразования»⁶.

В «Бхагавадгите» подчеркивается важность невреждения. Однако убийство человека допускается в том случае, если речь идет об исполнении долга, например, если человек относится к касте, связанной с воинским служением. «Если ты, погрузившись в самость, помышляешь: «Не буду сражаться!» – тебя, Партха, природа заставит, ибо ложно твое решенье»⁷. В остальных же случаях невреждение предпочтительно. «Ахимса» (санскр. «ахимса» - «невреждение») – «это избежание убийства и причинения вреда действием, словом и мыслью всем живым существам; основополагающая, первая добродетель, согласно всем системам индийской «практической философии»⁸.

В развитых системах индуизма ахимса сохраняет ключевое положение. Под «невреждением» подразумевается непричинение морального и физического вреда как человеку, так и животному. Индуисты традиционно являются вегетарианцами. А главный идеолог ненасильственного движения М. Ганди был приверженцем строгого вегетарианства даже в периоды проживания в Европе⁹. В системе йоги ахимса остается первостепенной добродетелью.

В джайнизме идея ненасилия оформляется окончательно и достигает своего апогея, так как одна из составляющих праведной жизни –

⁵ Радхакришнан С. Индийская философия. М.: Академический проект : Альма Матер, 2008. С.70

⁶ Там же, с. 154.

⁷ Бхагавадгита. Пер. с санскрита, исслед. и примеч. В. С. Семнцова. М. Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. С. 94.

⁸ Этика : энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.М.: Гардарики, 2001.С.30.

⁹ Ганди М. К. Моя жизнь. М.: Наука, 1969. С. 291.

«безвредность, или ахимса, которая является не просто негативным воздержанием, а положительной добродетелью в отношении всего созданного»¹⁰. Если в индуизме ахимса только один из важнейших принципов дхармы, то в джайнизме – основополагающий принцип. Поэтому серьезным грехом считается уничтожение животного, вне зависимости от причины и цели поступка. Однако это правило доходит в джайнизме до абсурда: «Чтобы не повредить чьей-либо жизни, некоторые джайнисты при ходьбе подметали перед собой землю, ходили под покрывалом из боязни вдохнуть какой-нибудь живой организм, фильтровали воду и даже отказывались от мёда»¹¹. Тем не менее, в джайнизме не считается грехом самоубийство – оно допускается либо для очень слабого человека, который не может бороться со своими страстями, либо для уже очистившегося и подготовившего себя к уходу в другой мир.

В буддизме императив ненасилия по-прежнему имеет первостепенное значение, однако претерпевает некоторые изменения. На первый план выступают не мелочно регламентированное соблюдение буквы закона, а любовь, альтруизм и сострадание по отношению ко всему живому. С точки зрения буддиста тот, кто спасает человека от смерти, пусть даже используя физическую агрессию, на самом деле совершает ненасильственный поступок.

Отметим, что уже в индуизме и буддизме, так или иначе, осознается диалектическая взаимосвязь насилия и ненасилия. Ещё отчётливее прослеживается она в китайской традиции.

У Конфуция (приблизительно 551 – 471 г. до н. э.) легко найти изречения о человечности. Примером могут служить такие суждения: «Устремленность к человечности освобождает от всего дурного»; «В пути Учителя одно лишь сострадание до глубины души»¹². Встречаем и вечное золотое правило нравственности: «Чжунгун спросил, что такое человечность.

¹⁰ Радхакришнан С. Индийская философия. М.: Академический проект : Альма Матер, 2008. С. 185.

¹¹ Там же, с. 210.

¹² Конфуций Изречения. Книга песен и гимнов [пер. с кит. и примеч. И. Семененко и А. Штукина]. М.: АСТ: Хранитель, 2007. С. 30.

Учитель ответил: – Это когда ведут себя на людях так, словно вышли встретить важную персону, руководят народом так, словно совершают важный жертвенный обряд; не делают другим того, что не хотят себе...»¹³.

Один из ключевых терминов Конфуция – «жэнь» (человечность, служение, посредничество)¹⁴. «Чтобы достигнуть жэнь, действительно нужен нравственный подвиг, который может потребовать от благородного мужа даже пожертвовать собой. Пожертвовать, но не унизиться»¹⁵. Тем не менее, как считает А. Маслоу, есть и примеры жестокости, связанные с жизнью Конфуция (казнь по его приказу некоторых людей), а понятие «жэнь» далеко от того, что на Западе называют «гуманностью», и обозначает, скорее, некое правильное посредничество между небом и землёй.

На наш взгляд, за «человечностью» в изречениях Конфуция скрывается более тонкое понимание, чем у предшественников. Он делает один из первых шагов к формированию практически действенного идеала, хотя отождествлять «жэнь» Конфуция с современным гуманизмом действительно было бы неправильно. Когда Конфуцию кто-то задаёт вопрос, о том, нужно ли на зло отвечать добром, Учитель отвечает: «А чем же за добро платить? Плати за зло по справедливости, а за добро плати добром»¹⁶.

Глубоко проникается диалектикой добра и зла, насилия и ненасилия Лао-Цзы (VI – V вв. до н.э.): «Тот, кто ведет за собой людей, сам следуя Дао, не применяет оружия, чтобы навязать свою волю. Ибо насилие всегда приводит к непредвиденным бедам. После начала войны всегда следуют тяжелые годы. Искусный военачальник наносит решающий удар – и останавливается»¹⁷. Мудрость мыслителя заключается в раскрытии взаимозависимости полярных начал. При определённых условиях насилие и

¹³ Там же, с. 73.

¹⁴ Маслоу А. «Я ничего не скрываю от вас» (Предисл.) // Конфуций. Суждения и беседы. Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. С. 9.

¹⁵ Там же, с. 75.

¹⁶ Конфуций Изречения. Книга песен и гимнов [пер. с кит. и примеч. И. Семененко и А. Штукина]. М.: АСТ: Хранитель, 2007. С. 89.

¹⁷ Лао-Цзы. Дао дэ цзин : Книга о пути и его Силе / [пер. с кит. Дж. Макдональда; пер. с англ. А. Костенко]. М.: София, 2012. С.59.

ненасилие перетекают одно в другое, грани между ними стираются. Разобраться в подтексте даосской философии очень непросто: «Аналогия с миром человеческих поступков, целесообразностью силы в отношениях между людьми, напрашиваются здесь сами собой: сила оказывается бессильной против зла; зло победимо только нежностью и уступчивостью. Вместе с тем Лао-Цзы замечает, что при всей очевидности этой закономерности, люди не могут осуществить этот принцип в жизни. Одним из главных условий такого осуществления и является провозглашаемый Лао-Цзы принцип неделания... При этом смысл неделания заключается не в устранении от дел и пассивном созерцании жизни, а в переоценке значимости самого действия... совершенномудрый, делая добро, не думает о награде, откуда и вытекает возможность неравного милосердного воздаяния добром за зло»¹⁸.

Принципы Лао-Цзы, как сообщает он сам в «Даодэцзин», одновременно очень просты и очень сложны для понимания. Как и в других религиозных трудах, это притчи, которые можно истолковать по-разному. В частности, к известной интерпретации их Толстым стоит отнестись с осторожностью. С его точки зрения, «основа учения Лао-Тзе одна и та же, как основа всех великих, истинных религиозных учений». Это, конечно, верная мысль. «Но... каждый человек ощущает себя еще и бестелесным духом, таким же, какой живет во всяком существе, и дает жизнь и благо всему миру»¹⁹, в чем и заключается, согласно Толстому, смысл учения Лао-Цзы. И такой взгляд русского мыслителя был бы абсолютно правильным, если бы он излагал в своей статье о китайском философе лишь одну из сторон учения. Но Толстой абсолютизирует эту сторону, подменяя многообразие, объемность и глубину притч Лао-Цзы своим собственным односторонним, так сказать, «метафизическим» подходом. Более того, такой

¹⁸ Мелешко Е. Д. Философия непротивления Л. Н. Толстого : Систематическое учение и духовный опыт : диссертация доктора филос. наук : 09.00.05. М., 1999. С. 33.

¹⁹ Толстой Л. О Лаоцзы // Лао-Цзы. Книга о пути и добродетели (Даодэцзин) / Лаоцзы, сост., [пер. с древнекитайского и нем., предисл., коммент. И.И. Семененко]. М.: Терра-Книжный клуб, 2008. С. 319.

односторонний подход превалирует у Толстого в его собственной теории ненасилия.

Но, конечно, нельзя и умалять важность данного – крайнего – выражения принципа у Лао-Цзы. Ведь он – основоположник системы даосизма, один из важнейших обетов которой – не убивать живых существ. Недаром сам А. Швейцер утверждает следующее: «для Лао-Цзы речь идет о том, чтобы человек посредством элементарного мышления пришел к духовному отношению к миру и сохранил в ходе всей своей жизни это единение с ним»²⁰.

Императив ненасилия на востоке имеет глубокий духовный смысл. Как для мировоззрения отдельной личности, так и для общества в целом. Восточная традиция, особенно индийская, демонстрирует первую ступень развития концепции ненасилия. Проследим эволюцию этой концепции в европейском сознании.

В дохристианский период, в языческом, античном мире ненасилие как таковое, конечно, не упоминается (хотя при желании в «зачаточном» состоянии его распознать можно). Скорее, наоборот, в трудах античных философов на первый план выдвигаются образы борьбы, войны, принуждения, господства и подчинения; можно отметить только наличие определенных предпосылок для формирования этого понятия.

Позицию Сократа можно реконструировать по сообщениям Платона и Ксенофонта. О принципе ненасилия у Сократа мы можем судить по диалогу Платона «Критон» (хотя Сократ ещё не использует термин «ненасилие»): «не должно ни воздавать за несправедливость несправедливостью, ни делать людям зло, даже если бы пришлось и пострадать от них как-нибудь»²¹. И далее пояснение: «Делать людям зло или нарушать

²⁰ Швейцер А. Размышления о философии Лаоцзы // Лао-Цзы. Книга о пути и добродетели (Даодэцзин) / Лаоцзы, сост., [пер. с древнекитайского и нем., предисл., коммент. И.И. Семененко]. М.: Терра-Книжный клуб, 2008. С. 359.

²¹ Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т.1. С.105.

справедливость – одно и то же»²². Философию добра и зла Сократ видит сквозь призму справедливости и несправедливости, закона. А.Ф. Лосев и А.Ф. Тахо-Годи пишут о смерти Сократа: «...смерть надо встретить достойно и не противиться злу, которое наносит ему родной город. Нельзя воздавать злом за зло, переступив законодательство и обычаи старины»²³.

Принцип Сократа «не плати злом за зло» ближе христианскому, новозаветному ненасилию, а не ветхозаветному возмездию. При этом у Сократа учитывается диалектическое взаимодействие добра и зла, насилия и ненасилия. Ф.Х. Кессиди отмечает, что, по мнению Сократа, «...каждый человек, субъективно стремясь к добру (благу) может принять за добро то, что объективно является злом»²⁴. Поэтому Сократ пытается понять истинный смысл насилия и очертить границы его допустимости. Его взгляд на насилие и меру наказания находим в диалоге «Протагор»: «Никто ведь не наказывает преступников, имея в виду уже совершенное беззаконие: такое бессмысленное мучительство было бы зверством. Кто старается наказывать со смыслом, тот казнит не за прошлое беззаконие – ведь не превратит же он совершенное в несовершившееся, но во имя будущего, чтобы снова не совершил преступления ни этот человек, ни другой, глядя на это наказание»²⁵.

Ксенофонт в «Воспоминаниях о Сократе» исследует отношение Сократа к насилию. Насилие идет от слабости, а не от силы; нужна определенная доля смелости и мудрости, чтобы отказаться от него: «...кто осмеливается действовать насилием, тому нужно иметь сообщников, и немало; а кто может убеждать, тому не нужно никого... Да и к убийствам прибегать таким людям приходится очень редко: кто захочет убивать человека вместо того, чтобы он, оставаясь в живых, был его послушным

²² Там же, с. 104.

²³ Лосев А.Ф. Платон. Аристотель / А.Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 300.

²⁴ Кессиди Ф. Х. Сократ / Ф. Х. Кессиди. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. С. 226.

²⁵ Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т.1. С.434.

орудием?»²⁶. В дальнейшем эту идею будут развивать идеологи ненасилия. Сократ подчеркивает, что человек делает выбор сам: «...нередко человек, зная, что зло есть зло, и имея возможность его не совершать, все-таки совершает его, влекомый и сбитый с толку удовольствиями, и будто он, ведая благо, не хочет творить его, пересиленный мимолетными удовольствиями»²⁷. Но какой выбор делать следует? Очередную трактовку золотого правила встречаем у Платона: «Если кто станет утверждать, что воздавать каждому должное – справедливо, и будет понимать это так, что справедливый человек должен причинять врагам вред, а друзьям приносить пользу, то говорящий это вовсе не мудрец... ведь мы выяснили, что справедливо никому ни в чём не вредить»²⁸. В этой формулировке – первые ростки ненасильственных взглядов, которые так и не получили своего развития во время Платона. Языческое государство, описанное Платоном, полностью основано на насилии. Мудрый правитель наблюдает за подчиненными и распространяет необходимые убеждения. Он ведёт войны, ведь для государства первостепенно важно воспитать хороших воинов и для завоеваний, и для защиты. Основное правило военных – железная дисциплина, для выработки которой Платон советует воспитывать воинов с детства по определённым жёстким правилам и отдельно от родителей. Таким образом, Платон отдаёт привилегии насилию, по меньшей мере, дважды: а) одобряет войну; б) внедряет принуждение в педагогику как основной закон. Так красной нитью через «Государство» и «Законы» проходит оправдание аппарата насилия.

И всё же, по мнению Платона, нужно опасаться чрезмерного властолюбия, которое неизбежно ведёт к тирании, по Платону – худшей из форм правления. Образцом же для философа является аристократия. Разгадку же отрицательного отношения к тирании можно отыскать в произведениях

²⁶ Ксенофонт. Апология Сократа и другие сочинения / Ксенофонт [сост. Н. Саркитов; пер. с древнегреч. С. Соболевского, С. Ошерова]. М.: Терра-книжный клуб, 2009. С. 29.

²⁷ Платон. Собрание сочинений : в 4 т. М.: Мысль, 1990. Т.1. С.469.

²⁸ Там же, с. 123.

Аристотеля, во всех направлениях развертывающего скрытые и явные интенции платоновского учения.

Аристотель считает, что всякие отношения основываются на насилии. Наличие господства и рабства естественно в обществе, но «полезно рабу и господину взаимное дружеское отношение, раз их взаимоотношения покоятся на естественных началах»²⁹. В государстве Аристотеля насилие изредка дополняется ненасилием. Это же просматривается в его осуждении тирании, поскольку Аристотель осуждает не насильственную сторону такого правления, а его неразумие! Основой государства, как он верно отмечает, всегда является насилие, а формы правления отличаются по своей рациональности (это же мы видим и у Платона), соответственно лучшие из них – царская власть, аристократия, полиция. Неповиновение власти неизбежно приводит к войне. Термин «насилие» античные философы, как правило, не используют, но подразумевают, прежде всего, говоря о власти.

О возмездии и правосудии Аристотель пишет так: «во взаимоотношениях обмена связующим является именно такое право – расплата, основанная, однако, не на уравнивании, а на установлении пропорции. Дело ведь в том, что и государство держится на пропорциональном ответном даянии. В самом деле, либо стремятся [делать] зло в ответ на зло, а [вести себя] иначе кажется рабством, либо добро [за добро]...»³⁰. Закон воздаяния в этике Аристотеля никогда не уступает место максиме милосердия.

Едва очерченное в античный период, понятие ненасилия постепенно кристаллизуется в течение последующих эпох.

Глубоко укоренен принцип ненасилия в христианстве. Уже в «Ветхом Завете», например, в библейском сюжете об Иосифе, проданном в Египет и впоследствии спасшем от голода своих братьев, предписывается «не платить

²⁹ Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1983. Т.4. С. 165.

³⁰ Там же, с. 155.

злом за добро» и, более того, высоко оценивается милосердие. Сначала Иосиф упрекает братьев за то, что они отплатили ему злом за добро, но, тем не менее, отдает им зерно бесплатно, дважды возвращая им мешки с серебром. Отметим евангельскую цитату: «Должно ли воздавать злом за добро?»³¹ (15, Иер. 18:20). Не должно мстить и убившему непреднамеренно³² (15, Втор. 19: 4-21). Сравним также коннотации слов «воин» и «убийца»; в отличие от убийства, битва всегда освещается Господом³³ (15, Втор. 20: 1-11). Упоминание о том, что необходимо воздавать злом за добро встречается неоднократно. Но в целом в жизни действующих лиц Ветхого Завета главенствует принцип «око за око и зуб за зуб», принцип талиона.

Новый Завет свидетельствует о начале радикального изменения представлений о справедливости. Приведем важный фрагмент Нагорной проповеди: «...Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую, и отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку. Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твое не требуй назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними»³⁴ (15, Лк.6: 27-31). Таким же образом излагается проповедь и в Евангелии от Матфея³⁵ (15, Мф. 5; 38-41). Важно иметь в виду и текст Евангелия от Луки. Очевидна неразрывная связь принципа непротivления и золотого правила нравственности. Е.Д. Мелешко их противопоставляет: «Как видно, золотое правило нравственности в силу равенности воздаяния, так же несовместимо с заповедью непротivления, как и закон талиона, и несовместимо именно потому, что воздаяние добром за зло предполагает момент неравенства»³⁶. Позволим себе не согласиться с данным

³¹ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета, канонические. М.: Российское библейское общество, 2001. С.755.

³² Там же, с. 211.

³³ Там же, с. 212.

³⁴ Там же, с. 70.

³⁵ Там же, с. 5.

³⁶ Мелешко Е. Д. Философия непротivления Л. Н. Толстого : Систематическое учение и духовный опыт : диссертация доктора филос. наук : 09.00.05. М., 1999. С. 27.

утверждением. Эти правила действительно не тождественны, но взаимосвязаны. Их сопричастие и в христианских, и в восточных религиях свидетельствует о глубинной взаимосвязи. Зло, сделанное человеком, возвращается к нему, иначе говоря, от греха (порока) страдает сам человек, что отмечается в большинстве мировых религий. Следовательно, творя зло по отношению к ближнему, мы творим зло себе. Все мировые религии говорят о важности любви к ближнему. Именно она отвращает нас от зла, предотвращает возникновение проблемы в одном случае и решает в другом. Ненасилие и золотое правило нравственности предстают в качестве проявлений одной и той же сущности. «Любовь да будет непритворна; отвращайтесь зла, прилепляйтесь к добру; ...благословляйте гонителей ваших, благословляйте, а не проклинаяте... Никому не воздавайте злом за зло, но пекитесь о добром перед всеми человеками. Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь». Итак, если враг твой голоден, накорми его... Не будь побежден злом, но побеждай зло добром»³⁷ (15, Рим., 16: 12).

На протяжении веков богословы и философы истолковывали евангельские слова по-разному, что приводило к спорам. Кроме того, принцип ненасилия стал основным в учениях некоторых сект, ересей, таких как манихейство, общины богомилов, вальденсов, альбигойцев, катаров. Как пишет Е.Д. Мелешко, «гностико-христианский подход к непротивлению характеризуется в целом двумя основными особенностями: 1) этико-метафизическим дуализмом добра и зла..., что предполагает радикальную борьбу с материально-телесным началом мира как источником и носителем зла; 2)...буквальное следование заповедям Христа, провозглашенным в Нагорной проповеди»³⁸. То есть крайние степени разграничения добра и зла и крайние формы абсолютного ненасилия (зачастую доходящие до абсурда)

³⁷ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета, канонические. М.: Российское библейское общество, 2001. С. 199.

³⁸ Мелешко Е. Д. Философия непротивления Л. Н. Толстого : Систематическое учение и духовный опыт : диссертация доктора филос. наук : 09.00.05. М., 1999. С. 45.

являются признаками ереси. Дело в том, что «при всей кажущейся элементарности заповеди «не противься злему» она фактически оказалась наиболее сложной из всех евангельских заповедей, причем не только в плане исполнения, но прежде всего в плане её адекватного понимания»³⁹.

Одним из первых богословов, глубоко задумавшихся над соотношением добра и зла, насилия и ненасилия, был Августин Аврелий. В работе «О граде Божием», рассматривая представление о справедливости, Августин приходит к выводу, что нельзя совсем обойтись без войны, ибо необходимо защищать государство. Он подчеркивает, что Рим постоянно ведёт войны, государство построено на завоеваниях и насилии. А раз необходима защита, значит, христианам позволено брать в руки меч – всем, кроме монахов и священников, которым положено защищаться молитвой. Однако самоубийство запрещено, и его ничто не оправдывает, даже желание избежать большого греха (например, при угрозе причинения насилия). «В самом деле, не случайно же в священных канонических книгах нельзя найти божественного предписания или дозволения на то, чтобы мы причиняли смерть самим себе даже ради приобретения бессмертия или ради избежания и освобождения от зла. Когда закон говорит «Не убивай», надлежит понимать, что он воспрещает и самоубийство...»⁴⁰.

В «Исповеди» рассказывается, как будучи наивным юношей, Августин попал к манихеям и был соблазнён их учением. Позднее он отошёл от манихейства и резко выступал против него. Августин отмечает, что обманчивость и опасность этой «псевдорелигии» заключается в неправильном понимании добра и зла, в их разрыве: «И так как даже моё жалкое благочестие заставляло меня верить, что ни одно злое существо не могло быть создано благим Богом, то я и решил, что существует две величины, одна другой противоположные, обе они бесконечны, только злая

³⁹ Этика : энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С.312.

⁴⁰ Августин А. Творения: в 4 т. СПб. : Алетейя; Киев: Уцимм-Пресс, 1998. Т.3. С. 34.

поуже, а добрая пошире»⁴¹. Первоначально Августин склонялся к буквальному непротивлению злу как противоположной, отдельной субстанции. Отрѣкшись от манихейства, он обращается к сложнейшей проблеме теодицеи и решает её по-своему: зло не противоположное начало, не субстанция. Показывает взаимодействие добра и зла на примерах из собственной жизни (описывает испытания, которые постепенно привели его к укреплению веры). «Ибо в мироздании, как в художественном произведении, борьба контрастов составляет необходимое условие эстетического наслаждения. Как диссонанс в музыке, зло не нарушает гармонии целого, а напротив, является в нём существенным и необходимым звеном»⁴². Августин предполагает, что насилие и ненасилие (хотя он не употребляет этой терминологии), как и добро и зло, не существуют одно без другого. Ибо «всякое человеческое страдание свидетельствует о горнем, небесном мире, о его справедливости и благости»⁴³.

Смотря на мир через призму чёткого «добра и зла», человек «утрачивает единство космоса, поскольку он признаёт две манихейские субстанции и видит в мироздании результат противоречия»⁴⁴. Это приводит к длительным размышлениям и формированию новых взглядов. «Всё, что создано Богом, благо и согласуется с его замыслом. Стало быть, зло вовсе и не было создано. Его на самом деле не существует... Ни об одной вещи нельзя сказать, что она является злой или доброй по природе. Зло же – всего лишь недостаток добра»⁴⁵. Таким образом, по Августину, зло может способствовать иногда развитию доброты (у Августина нет «непротивленчества» в его классическом, более позднем понимании). Развитие мировоззрения Августина, по сути своей идущее от

⁴¹ Августин А. Исповедь. М.: Канон+, 1997. С. 80.

⁴² Августин: pro et contra: Личность и идейное наследие блаженного Августина в оценке русских мыслителей и исследователей / Рос. Акад. образования, Сев.-Зап. Отделение РХГИ. СПб.: РХГИ, 2003. С. 127.

⁴³ Там же, с. 128.

⁴⁴ Там же, с. 104.

⁴⁵ Долгий А. Г. Антропологический смысл полемики о природе добра и зла в русской духовно-философской традиции : Л. Н. Толстой, И. А. Ильин, Н. О. Лосский : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. СПб., 2009. С. 39.

метафизических представлений к диалектическим, показывает опасность, методологическую неплодотворность разрыва проявлений добра и зла, насилия и ненасилия.

В период средневековья отношение к основополагающим принципам неоднозначное. С одной стороны, в европейском мире культивируется приверженность христианским канонам, с другой – постоянно ведутся разрушительные захватнические войны. Не удивительно, что именно в это время появляется «Жалоба мира» Эразма Роттердамского (1469 – 1536), одно из первых популярных произведений с пацифистским уклоном.

Эразм сокрушается о том, что люди средневековья, так почитающее христианство, отвергли столь важный принцип ненасилия. Поэтому семейные, межконфессиональные, межгосударственные отношения перестали быть мирными. А ведь война, как подчеркивает Эразм, вовсе не идёт на благо человечеству, ибо мир – «источник, отец, кормилец, умножитель и защитник всего самого лучшего, что когда-либо существовало в небе и на земле»⁴⁶. Мир материально и морально выгоден любому государству, тем более христианскому государю (ибо умение жить в мире является одной из высших христианских добродетелей). Идея ненасилия, стремление к миру, полное отвержение войны – это то, к чему должны стремиться все народы. Во многом благодаря усилиям Эразма осуществляется поворот к антропоцентризму, характерному не только для эпохи Возрождения, но и для западной традиции в целом. Закладывается фундамент нового мировоззрения, предполагающего уважение к личности, к ее свободе, к ее разуму, равноправный диалог (личности с властью, государства с государством, нации с нацией и т. д.). Однако надо отметить и существенную ограниченность воззваний Эразма: трактат не содержал какой-либо практической программы по достижению мира.

⁴⁶ Роттердамский Э. Воспитание христианского государя. М.: Мысль, 2010. С. 109.

Как известно, у истоков философии и науки Нового времени стоят Фрэнсис Бэкон (1561 – 1626) и Рене Декарт (1596 – 1650). Несомненно, их взгляды повлияли и на эволюцию представлений о насилии и ненасилии, хотя, пожалуй, главным образом косвенно. В данном случае уместно сослаться на реконструкцию эпохи, осуществленную в трудах Мишеля Фуко.

Бэкон – основоположник эмпирического подхода – сыграл решающую роль в трансформации идеала познания. Знание стало рассматриваться как средство завоевания природы. Знание – сила. Ученый, экспериментатор не стремится просто следовать, подражать природе, а покоряет ее в своих интересах. Выпытывает её тайны клещами, принуждает, преобразует. Хотя Декарт, второй родоначальник философии и науки Нового времени, во многом отличается от своего старшего современника, их подход во многом созвучен. Декарт также прокладывает путь инструментальному отношению человека к миру. Природа, а в перспективе и другие люди – это объекты приложения силы, власти, объекты манипуляции. Парадоксальность позиций Бэкона и Декарта заключается в том, что власть, принуждение, подчинение разуму, цели (а значит, в той или иной степени насилие) рассматриваются как путь к свободе человека, к освобождению от природной необходимости посредством её познания и преобразования. Неоднократно упоминал Декарт и о важности употребления насилия над собой. Философия Декарта стала необходимой предпосылкой глобальной трансформации культуры, предпосылкой оправдания насилия в политических, социальных, философских концепциях Нового времени⁴⁷.

Томас Гоббс (1588 – 1679) исходил из того, что «естественное состояние человечества – война всех против всех». «Согласно английскому философу, каждый индивид по природе порочен и эгоистичен»⁴⁸. Гоббс

⁴⁷ Декарт Р. Сочинения: в 2 т. / Рене Декарт; перевод; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. Т.1. С. 283.

⁴⁸ Назаретян, А. П. Антропология насилия и культура самоорганизации : очерки по эволюционно – исторической психологии. М.: URSS: Издательство ЛКИ, 2008. С. 236.

отмечает, что желанием любого человека является безопасность. Безопасность призвано обеспечить государство: «иными словами, при установлении государства люди руководствуются стремлением избавиться от бедственного состояния войны»⁴⁹. С целью обеспечения безопасности существует институт армии и институт права. Следовательно, необходимо создавать законы, которые определяют критерии добра и зла для государства; помимо них существует ещё законы, которые Гоббс называет естественными (этические, они и прописаны в христианской религии как десять заповедей). Последние, на его взгляд, все проистекают из золотого правила нравственности. Законы государства установлены властью, которой поданные обязаны подчиняться. Таким образом, по Гоббсу, государство основано на насилии и насильственно насаждает законы; однако законы ведут людей к добру и обеспечивают их безопасность в целом. Итак, и у Гоббса мы видим диалектическое противоречие насилия и ненасиления: власть построена на насилии, необходимом для того, чтобы сохранить мир и привить нравственное, отрицающее убийство мировоззрение гражданам, сдерживать агрессию в обществе.

Гуго Гроций (1583 – 1645) также пишет о естественном законе, справедливости и насилии, но раскрывает каждое из этих понятий по-своему.

В отличие от животных, которые вредят друг другу ради собственной выгоды, человек разумен и не должен вредить другому. Считая так, Гуго Гроций делает шаг к применению принципа непротивления. Однако в книге второй своего трактата, продолжая разговор о естественном праве, он обосновывает необходимость защиты и самозащиты для каждого живого существа. Соответственно, любое существо, будь то животные или человек, имеет право на убийство в качестве самозащиты или защиты. Естественный нравственный закон – закон самосохранения: «...может ли какая-либо война быть справедливой, или, иными словами, дозволено ли когда-либо воевать...

⁴⁹ Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т.2. С.192.

Марк Тулий Цицерон... называет первичными побуждения природы, например, то, что живое существо немедленно же после своего рождения дорожит собой, заботится о собственном самосохранении и о собственном благосостоянии»⁵⁰. Гуго Гроций доказывает право государства на войну, если это война справедливая. В его работе появляется представление о необходимости международного права, показана важность защиты и самозащиты. Насилие у мыслителя получает оправдание только при справедливом его применении, в остальных же случаях оно осуждается. Но это оправдание можно назвать чрезмерным, так как любая захватническая война является насильственной, а защита и самозащита возможны в более мягких, ненасильственных формах. Об этом речь пойдет в последующих главах исследования. Отметим, что И. Кант критиковал Г. Гроция: «На Гуго Гроция, Пуфендорфа, Ваттеля и многих других всё ещё простодушно ссылаются для оправдания военного нападения, хотя созданный ими философский и дипломатический кодекс не имеет, да и не может иметь ни малейшей законной силы»⁵¹.

Лейбниц (1646 – 1716) подходит к диалектической проблеме насилия и ненасиления через философское объяснение взаимодействия добра и зла в своей «Теодицеи». Лейбниц продолжает линию Августина. На его взгляд, зло – это лишь меньшая степень добра, сам человек часто не понимает, что зло может обернуться добром. «Г.В. Лейбниц объяснил зло как необходимую ступень разнообразия совершенства в предустановленной гармонии мира»⁵². У Лейбница это хорошо показано в притче об античном правителе, который хотел завоевать Рим так сильно, что ослушался богов, и это своеволие обернулось для него в итоге злом, а не добром. Лейбниц считает, что «метафизическое зло состоит в несовершенстве, физическое зло

⁵⁰ Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М.: Ладомир, 1994. С. 84.

⁵¹ Кант И. «К вечному миру» И. Канта / ред., пер., предисл. А. Гулыга. М.: Московский рабочий, 1989. С. 35.

⁵² Москалькова Т.Н. Противостояние злу в русской религиозной философии. М.: Прспект, 1999. С. 28.

– в страдании, а моральное – в грехе»⁵³. По Лейбницу, только Бог видит, что есть добро, а что зло для человека; Бог всегда желает человеку добра, хотя человек может этого не понимать, как ребенок не понимает родителя, который дает ему наказание. Именно это мы видим в притче об античном правителе: насилие (воля Бога, выраженная в форме жесткого приказания) в итоге могло бы привести к ненасильственным последствиям.

В эпоху Просвещения рассматриваемый идеал исследуется Ж.-Ж. Руссо (1712 – 1778). «Важнейшим открытием Руссо стала ценность человека, то есть представление о его достоинстве»⁵⁴. По мнению Руссо, любое насилие накладывает негативный отпечаток на душу человека. Образование, культура и общество, построенные на насилии, несут жестокость и агрессию. Необходимо пересмотреть взаимоотношения людей, особенно процесс воспитания, отношения учителя к ученику. Только преодолев насилие в воспитании и образовании, можно изменить общество в целом. Нужно организовывать обучение на природе, что способствует развитию естественных потребностей учеников (к педагогическим воззрениям Руссо вернемся в главе второй). Свои идеи Ж.-Ж. Руссо излагает в произведениях «Исповедь», «Эмиль, или о воспитании», «Об общественном договоре», где он говорит о значимости человеческой личности, о важности роли народа в выборе власти, о создании новой системы образования. «Человек по природе добр и миролюбив, утверждал Руссо, но несправедливое частнособственническое общество портит его, превращая в жестокого эгоиста»⁵⁵. Гуманизм Руссо прокладывает путь ненасильственной идеологии. Однако развитие эта идеология получит намного позже. И здесь стоит подчеркнуть, что линия Руссо выражает гуманистическо-индивидуалистические традиции запада.

⁵³ Лейбниц Г. В. Сочинения : в 4 т. М.: Мысль, 1989. С.144.

⁵⁴ Занин С.В. Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское просвещение XVIII века. СПб. : Мирь, 2007. С. 197.

⁵⁵ Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации : очерки по эволюционно – исторической психологии. М.: URSS: Издательство ЛКИ, 2008. С. 235.

Особую роль в формировании этического идеала ненасилия играет философия И. Канта (1724 – 1804). Кант излагает свои основные взгляды на исследуемую проблему и природу войны и мира в работах «К вечному миру», «Метафизика нравов». «Человек по природе зол, – утверждал Кант. Вместе с тем человек обладает задатками добра, и именно моральное воспитание призвано привести к победе добра над человеческой склонностью ко злу»⁵⁶. Кант считает, что люди по природе хотят согласия, стремятся к миру, но на практике у них не получается сохранить его. Люди создали государство и систему его охраны, институт армии именно для сохранения мира. Термины «насилие» и «ненасилие» Кант ещё не использует, однако он глубоко анализирует данные категории. Институт армии сам по себе является насильственным, так как подразумевает убийство врагов в случае нападения, но ведёт в итоге к ненасильственному существованию государства – к миру. Для того, чтобы урегулировать отношения между странами и народами, Кант предлагает учредить специальную систему законов. Его система является первым опытом создания международного права: «...вопрос уже не в том, реален ли вечный мир или нереален и не обманываемся ли мы в нашем теоретическом суждении, когда допускаем первое; вопрос уже не в том, что мы должны поступать так, как если бы было реально то, чего, быть может, нет, должны содействовать обоснованию его и принятию такого строя, который представляется нам для этого наиболее пригодным <...> , дабы установить вечный мир и положить конец преступной войне...»⁵⁷. Более того, сама конечная цель учения о праве и заключается в вечном мире, который может существовать только благодаря наличию государственных законов и повиновению им. Война несёт зло человечеству, хотя на определённом этапе необходима. Кант признаёт необходимость войны. Однако продуманные

⁵⁶ Кант И. «К вечному миру» И. Канта / ред., пер., предисл. А. Гулыга. М.: Московский рабочий, 1989. С. 10.

⁵⁷ Немецкая классическая философия : сборник / сост. и вступ. ст. В. В. Шкоды. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. С. 163.

законы международного права, которые выполняют все государства, приведут к установлению вечного мира.

В этом заслуга Канта. Если у Эразма встречаются лишь размышления о мире, изложенные в теории, то Кант создает целую практическую систему государственных законов и предполагаемых действий, которые впоследствии должны привести к существованию мира на земле. «Выступив против войны, И. Кант не просто предложил ей ненасильственные альтернативы, но главное, одним из первых заговорил о ненасильственном диалоге народов, а также предложил вполне реальную мирную программу, ставшую первым шагом на пути современного прагматического ненасилия»⁵⁸. Кант рекомендует установить законы для сохранения мира между государствами. Он поднимает вопрос о том, как следует ограничивать насилие, а этот неоднозначный вопрос актуален по сей день и рассматривается современными исследователями.

К. Маркс (1818 – 1883), напротив, доказывает, что создание ненасильственного общества является ни чем иным как утопией. По его мнению, само экономическое устройство общества построено на насилии, исторически государствами велись войны для обогащения и двигали прогрессом. Сама государственная система суть насилие; одним из грубых видов насилия является колониальная система. «Насилие является повивальной бабкой старого общества, когда оно беременно новым»⁵⁹ – нет более известной цитаты К. Маркса, которая столь точно выражала бы историческую и экономическую сущность насилия. Исследование Маркса, несомненно, выявляет недостатки теории ненасилия как концепции построения нового общества, однако не учитывает моральной эффективности этической стороны теории ненасилия и возможности её успешной практической разработки. Последняя набирает силу лишь в XX столетии. С

⁵⁸ Вшивцева Л. Н. Ненасилие в культуре современного российского общества : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13. Ставрополь, 2008. С. 4.

⁵⁹ Маркс К. Капитал : критика политической экономии / соч. Карла Маркса. – Москва, Эксмо, 2011. Т. 1, кн.1. С. 730.

этого времени можно говорить об опыте ненасилия – последовательности исторических событий, связанных не только с развитием учений, но и с практической деятельностью идеологов ненасилия (и их последователей).

Собственно философия ненасилия как особенное течение в историко-философской мысли оформляется лишь в первой половине XX века. Сначала в России, в теории Л.Н. Толстого, который по праву считается первейшим идеологом ненасилия, затем в Индии, в учении М. Ганди, чуть позже в Америке в практической философии М. Л. Кинга. Несмотря на то, что два последних являлись видными религиозными деятелями своего времени (хотя и принадлежали к различным конфессиям), каждый из них представлял ненасилие не только как религиозный, но и как социальный идеал.

Ганди заново открывает и активно использует в своем учении древнее понятие «ахимса», более того, переводит его из разряда религиозных в разряд общественно-политических. «Ахимса – основа для поисков истины... Вполне допустимо осуждать систему и бороться против неё, но осуждать её автора и бороться против него – все равно, что осуждать самого себя и бороться против самого себя. Третировать человеческое существо – значит третировать эти божественные силы и тем самым причинять зло не только этому существу, но и всему миру»⁶⁰. Именно ахимса как нравственная установка отдельной личности, по мнению Ганди, может помочь любому человеку в борьбе с врагами и необходима индийскому народу в условиях колониальной зависимости. Ахимса для Ганди – это идеал поведения, которому он учит других людей и который превращается в принцип не только политической деятельности, но и его собственной жизни. К практическому использованию идеи ахимсы Ганди шел долгим путем. В частности, огромное воздействие на его мышление оказало знакомство с работой Г.Д. Торо «Гражданское неповиновение». Торо считает, что необходимо наполнить политику нравственностью. А если политика

⁶⁰ Ганди М. К. Моя жизнь. М.: Наука, 1969. С. 250.

государства аморальна, значит, народ имеет право ей не подчиняться и тем самым воздействовать на власть: «Как надлежит человеку в наше время относиться к американскому правительству? Я отвечу, что он не может связать себя с ним, не навлекая на себя позора. Я ни на миг не согласен признать своим правительством политическую организацию, которая является правительством раба»⁶¹. Что-то подобное происходило в то время и в Индии. Осмысляя произведение Торо, Ганди размышляет о том, какими должны быть идеи и методы политической работы, чтобы стать эффективнее. Ганди разрабатывает, по сути, свою систему нравственных законов, особенно глубокую, основанную на лучших человеческих ценностях, но при этом и практически действенную.

У Ганди «объем понятия ахимса расширяется фактически до гуманизма как такового»⁶². Ганди считает, что следование ахимсе как непреложному этическому закону даст практический результат индийскому народу. Он добавляет к нему свое, оригинальное понятие – «сатьяграха» («твердость в истине»). Этот термин, как он считал, передает активный характер ненасилия, подчеркивает тот момент, что оно представляет собой позитивную силу и выражает истину высшего порядка»⁶³. По сути, «сатьяграха» является оригинальной техникой политической борьбы, целью которой является уничтожение конфликтов, достижение гармонии в отношениях различных людей и групп. По мнению Ганди, ахимса и сатьяграха могут стать принципами международной политики и вести к мирному урегулированию взаимоотношений стран. С помощью чётко продуманных ненасильственных действий Ганди удалось провести несколько успешных политических кампаний сатьяграхи, итогом которых стало достижение независимости индийским народом. Напомним две успешные акции: отказ от сотрудничества с английскими властями – несогласие

⁶¹ Торо Г.Д. О гражданском неповиновении // URL: <http://inliberty.ru/library/classic/508>

⁶² Этика : энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 31.

⁶³ Там же, с . 309.

покупать английские товары, в том числе ткани (индийцы стали производить их сами), и «Соляной поход» 1930 года, протест против соляной монополии.

Все кампании сатьяграхи были организованы без применения физической агрессии протестующими, без единой капли крови. Таким образом, теория ненасилия получила применение на практике. Ганди с помощью данных акций показал, что именно ненасильственный подход является возможным путем выхода индийского народа из колониальной зависимости и эффективным способом решения политических проблем. Отметим, что Ганди создает свою теорию ненасилия, познакомившись с учением Толстого о непротивлении злу силою (подробнее об этом будет сказано в параграфе втором). Продолжая традиции Толстого, Ганди говорит о необходимости искоренения жестокости и всякого зла по отношению к ближнему. Но новаторством теории является то, что Ганди сделал принцип ненасилия практическим. Для Индии того времени, да и для всего мирового сообщества такое применение ненасильственного подхода было событием, ибо до Ганди активный политический протест был, как правило, неразрывно связан с агрессией и кровопролитием. Каждый шаг был продуман как ненасильственный, в том числе, его голодовки с призывом сохранить мир между различными религиозными конфессиями в Индии. Он стал не просто правителем, но наставником, учителем народа, Махатмой. Итог деятельности Ганди – достижение Индией независимости в 1947 году, освобождение страны от английских колонизаторов, что доказало практическую эффективность теории ненасилия.

То же самое можно сказать и о деятельности другого идеолога ненасилия – М.Л. Кинга. Его концепция базируется на разработках Толстого, Ганди, Торо. Кинг и Ганди считают, что ненасилие – путь смелых людей, которые твердо решили спокойно, но настойчиво, без какой бы то ни было физической агрессии, отстаивать свои права и бороться с унижениями и оскорблениями. С самого детства Кинг тонко чувствует и остро переживает ущемление прав темнокожих. Он навсегда запомнил слова своей матери,

которая, объясняя Мартину, почему темнокожим детям нельзя играть с белыми, подчеркивала: «Не позволяй таким людям себя огорчать. Не верь, что ты хоть чем-то хуже белых. Ты точно такой же, как и все остальные, и никогда этого не забывай»⁶⁴. Положение афроамериканцев в США 50-х годов было достаточно тяжелым. Всё ещё действовали Ку-Клукс-Клан и законы Кроу. Кроме того, темнокожие постоянно подвергались унижению в различных сферах жизни: в системе образования (раздельное обучение темнокожих и белых), на производстве (цветным было гораздо тяжелее устроиться, и работы для них были в основном низкооплачиваемые), в сфере услуг (проезд на транспорте, отведение отдельных мест для темнокожих на вокзалах, в отелях и ресторанах и т.п.), касательно избирательных прав и других областей жизни. Случай с Розой Паркс, уважаемой женщиной, которую оскорбили в автобусе, стал поводом к первым серьезным шагам протеста. Тогда Кинг и его соратник И.Д. Никсон призвали чернокожих горожан к бойкоту автобусов. Цветное население Монтгомери перестало пользоваться общественным транспортом. С этого момента Кинг привлекает массы, используя дар ораторского искусства (такая работа с аудиторией впоследствии станет одной из самых эффективных методик ненасилия). Бойкот оказался успешен: сферы транспорта и торговли (а значит, и белокожие магнаты), терпели значительные убытки. А в конце 1956 года он закончился победой: Верховный суд США принял закон о десегрегации в автобусах. В 1957 году М.Л. Кинга избирают президентом «Конференции южного христианского руководства» (КЮХР). В роли руководителя этой организации Кинг проводит многочисленные ненасильственные акции протеста. Назовем основные из них: молодежные марши (1958 – 1959 гг.), сидячие демонстрации, в том числе с присоединением белого населения к протесту темнокожих (1960 г.), автомобильные демонстрации (1961 г.),

⁶⁴ Миллер У.Р. Мартин Лютер Кинг : жизнь, страдания и величие. / Уильям Роберт Миллер; пер. с англ. В. Т. Олейника. М.: Рудомино : Текст, 2004. С. 19.

компания в Олбани (1961 – 1962 гг.), демонстрации в Бирмингеме (1963 г.). Деятельность Кинга является успешной: темнокожие получают права, свободы и льготы, которых давно добивались. Это происходит благодаря продуманному, четкому алгоритму действий Кинга, который выглядит примерно так:

1. Не применять никакого насилия, физической и вербальной агрессии по отношению к врагу.

2. Сохранять вежливость и уважать своего противника, даже если он унижает и оскорбляет тебя.

3. Производить сопротивление без применения физического и вербального насилия, для чего требуется определенная доля смелости и мужества.

4. Не стремиться победить или унижить противника, но стараться вести переговоры с ним и наладить с ним мирные отношения.

5. Необходимо бороться со злом, которое сотворили люди, но не с самими людьми.

6. Быть готовым терпеть ожесточенные выпады противника, не отвечая на них, а также принимать последствия (тюремное заключение, преследования).

7. Использовать разнообразные и оригинальные формы протеста в общественных местах – сидячие забастовки, бойкоты.

8. Проявлять терпение и проводить протест настолько длительно, насколько потребуется.

Данный алгоритм изложен в работах Кинга, наиболее значимые моменты отражены в статье «Паломничество к ненасилию»⁶⁵.

Главная роль в алгоритме отводится действию. Даже названия акций производны от глаголов, например «ситтинг», (англ. sitting) – сидячая забастовка, «ридинг» (англ. reading) – посещение библиотек и читален для

⁶⁵ Кинг М. Л. Паломничество к ненасилию // Ненасилие: Философия, этика, политика / А.А. Гусейнов, В.С. Степин, Ж. Госс и др., Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Наука, 1993. С. 183.

белых и т. п.⁶⁶. Это свидетельствует об оригинальности методики Кинга. Неважно, где проводится демонстрация, главное, чтобы она была ненасильственной. «Первоначально целью студенческих демонстраций было добиться ликвидации сегрегации в местах общественного питания, но уже к лету 1960 г. «сидячие», а затем и «лежачие», «коленипреклоненные», «купальные» демонстрации стали проводиться и в бассейнах, библиотеках, театрах, церквях»⁶⁷.

Несмотря на ненасильственный характер такого рода протестов, отсутствие физической агрессии, афроамериканцы боролись очень настойчиво. Сидячие демонстрации и бойкоты длились столько, сколько требовалось, то есть пока не приобреталась нужная льгота или отмена сегрегации для темнокожих в этой области (места общественного питания, транспорт, торговля, сфера услуг).

Ганди и Кинг создают свои, отдельные концепции ненасилия, базирующиеся на теориях Толстого и Торо. Ганди и Кинг – создатели целостной системы ненасилия, синтезирующей идеологию с практикой. Концепция Ганди является твердым фундаментом ненасилия, к которому добавлены начала практики. Он сумел доказать, что ненасилие – не просто мировоззрение, приближающее к древнеиндийскому идеалу, а эффективная политическая модель урегулирования конфликтов. Кинг, в свою очередь, оттачивает практическую сторону ненасилия до совершенства, разрабатывая алгоритм ненасильственных действий. Методика ненасилия оказывается успешной в преодолении международных и межрасовых разногласий. Хотя именно благодаря опыту Ганди и Кинга отчетливо выявляются плюсы и минусы концепции ненасилия в целом. С одной стороны, эта концепция обнаруживает отчасти утопический характер. Вспомним негативные последствия, волны агрессии, следовавшие за гибелью Ганди или Кинга. С другой стороны, напротив, способствует налаживанию мирных отношений

⁶⁶ Чёрные американцы в истории США (1917 – 1985 гг.) : в 2 т. Т.2. М.: Мысль, 1986. С. 112.

⁶⁷ Нитобург Э. Л. Афроамериканцы США : XX век : этноисторический очерк. М.: Наука, 2009. С. 332.

среди различных групп (стран, народов, рас, конфессий) и, следовательно, является средством дипломатии, а доказательство ее эффективности – обретение независимости Индией, гражданских прав – темнокожим населением США.

К идеологии ненасилия можно отнести и философию Альберта Швейцера (1875 – 1965). Во второй половине XX века он вновь привлекает внимание человечества к проблеме, считая, что с помощью принципа ненасилия возможно не только создать мир во всем мире, но и улучшить нравственную и экологическую атмосферу в обществе. Идея милосердия, невреждения живым существам в концепции Швейцера приобретает новое этическое звучание: жизнь является одной из высших ценностей; человечеству следует помнить об этом, особенно после прошедших мировых войн и изобретения ядерного оружия. Философию Швейцера, посвятившего жизнь практическому служению идеалу, правомерно считать связующим звеном между классической философией ненасилия и современной.

В данном параграфе рассмотрены работы мыслителей, в той или иной степени затрагивавших исследуемую проблему. Концепция ненасилия формировалась, главным образом, в религиозно-этическом и социально-политическом аспектах. Выделены основные этапы в развитии представлений о насилии и ненасилии (античность, средневековье, эпоха Возрождения, Новое время). Показано место ненасилия в духовном контексте, в жизни общества. Если для восточных цивилизаций характерна связь идеала ненасилия с особенностями восточных обществ, с их патриархальностью, консервативностью, коллективизмом, то в истории западной цивилизации прослеживается взаимосвязь идеала ненасилия с западным типом мышления, с антропоцентризмом, гуманизмом, индивидуализмом, со стремлением к личной свободе.

Собственно философией ненасилия, или классической идеологией ненасилия, уместно называть учения Л.Н. Толстого, М. Ганди и М.Л. Кинга. Конечно, данное объединение условно, ибо в основе каждого из этих учений

лежат различные религиозные традиции, но объединяет их общий принцип. Ганди и Кинг не только провели дальнейшую разработку этической теории ненасилия, но и создали уникальные практические методы ненасилия, представили новую политическую модель.

Исследование показало, что развитие представлений о насилии и ненасилии шло в следующем направлении.

Во-первых, насилие постепенно перестаёт отождествляться с силой, а ненасилие – с бессилием. Происходит разделение понятий «сила» и «насилие».

Во-вторых, насилие и ненасилие всё в большей степени мыслятся не только как акты (поступки), не только как отдельные события, но как отвлечённые принципы, каждый из которых может проявиться различным образом. Ненасилие может проявиться и в форме пассивного непротивления, и в форме активного сопротивления.

В-третьих, ненасилие как принцип всё глубже связывается с разумностью, следовательно, со способностью к самоограничению, к целеполагающей деятельности, с господством над чувственностью, с утверждением положительной свободы, со справедливым устройством общества, то есть рассматривается как идеал общественного устройства. Сфера применения принципа ненасилия становится всё более широкой.

Наиболее чёткое выражение охарактеризованные тенденции получили в отечественной социально-философской мысли, к рассмотрению которой целесообразно перейти.

1.2. Идеал ненасилия в отечественной культурной традиции

К отечественной культурной традиции следует обратиться по двум причинам. Во-первых, для нашей страны, для русского народа она имеет

наибольшую значимость. Во-вторых, интересующая нас проблема оказывается в центре внимания русской философии, причем ненасилие осознается именно как принцип и идеал. В связи с дискуссиями о насилии и ненасилии поднимаются вопросы о роли государства, православия и социализма в истории русского народа, об исторической миссии России, об экономическом отставании страны, о становлении гражданского общества...

В той или иной форме идея ненасилия присутствовала в отечественной культуре и ментальности с древнейших времен. Русская традиция понимания ненасилия обусловлена в значительной мере православным мировоззрением. Слова о непротивлении Иисуса Христа из Нагорной проповеди неразрывно связывались с любовью к ближнему. «Сотворить добро по отношению к подвергающемуся нападению я могу только избавлением его от угрожающего ему зла. Но где предел этому противлению? Должен ли я противиться злему с самоотвержением, с опасностью для моей и его жизни? На эти вопросы отвечает сам Христос, говоря: «Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих» (Иоанна, XV, 13)»⁶⁸. Такое понимание существенно отличается от трактовки ненасилия в некоторых ответвлениях индийской традиции, склонной к проповеди невреждения всем живым существам.

С точки зрения христианского мировоззрения, человек имеет право защитить слабого, который по каким-либо причинам подвергается нападению, и это вовсе не идёт вразрез с содержанием Нагорной проповеди. Разве можно оставить без защиты слабого, немощного человека, женщин и детей? В православной трактовке такое ненасилие скорее является насилием. Ведь оставляя слабых без защиты, мы предоставляем возможность злу бесчинствовать. В таком подходе к проблеме, одобряемом православной традицией (тесно связанной с задачами выживания народа, с культом служения государству), мы видим признание диалектического

⁶⁸ Гладков Б.И. Толкование Евангелия. М.: Столица, 1991. С. 227.

взаимодействия противоположных начал. Допускается применение физического насилия в случае защиты ближнего или самозащиты⁶⁹. Принцип же ненасилия остается непоколебимым в ситуациях, не связанных с защитой и самозащитой человека. Императив ненасилия ярко проявляется в ситуации разрешения конфликтов или реакции на вербальное ненасилие (например, не отвечать бранью на брань). Такое видение проблемы можно связать с коллективистской организацией русского общества, в котором потеря нескольких человек оправдана, если спасено общество в целом.

Как известно, основными сферами распространения легитимизированной насильственной смерти являются сфера правосудия (смертная казнь), армия (война), медицина (аборт, эвтаназия и т.п.). Отношение к смертной казни в России никогда не было однозначным. Например, императрица Елизавета Петровна отменила смертную казнь на время своего правления, хотя пытки в том или ином виде применялись.

Военная служба считалась и считается благословенной. История русской церкви знает немало примеров, когда священники становились воинами, участвовали в крупных отечественных войнах 1812 г. и 1941–1945 гг.⁷⁰. Так, отец Василий Васильковский за свою верную службу в период войны 1812 г. получил «офицерскую награду – орден Св. Георгия Победоносца»⁷¹. Однако вспомним, что были и захватнические крестовые походы. «Есть православие, а есть мифы о нем... Вот именно в числе таких мифов находится и распространенное мнение о том, что в отличие от католиков... православный мир не знал ни инквизиции, ни крестовых походов, ни костров... Крестовых походов вообще не было бы, если бы о них не просила и в них не участвовала православная Византийская империя. И преследование еретиков, и сожжения колдунов также были в

⁶⁹ Там же, с. 234.

⁷⁰ Григорьев А.Б. Вера и Верность: очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. Жуковский; Москва : Кучково поле, 2005. С. 220.

⁷¹ Там же, с. 238.

православной истории»⁷². Но подчеркнем, что крестовые походы – это явление временное, характерное для средневековья, для периода религиозного фанатизма. Убийство в любом случае считалось грехом и только в случае защиты Отечества от нападения врагов – грехом меньшим. Любовь к родной стране, желание её защитить оценивалось исключительно положительно. Православная церковь чтит подвиги А. Невского, А. Суворова, Ф. Ушакова и других героев России, многие из которых причислены к лику святых, и призывает уделять внимание воспитанию воинов в духе христианской веры и любви. Особенно ценится патриотизм, храбрость, готовность к самопожертвованию. Считается, что послушание воина говорит о его верности Отечеству и православной вере, а не о рабском безволии. Важно, что в русской армии поддерживалась атмосфера веротерпимости, солдаты иного вероисповедания (мусульмане) служили наравне с православными. При этом существовали единые для всех правила нравственного поведения воина, в том числе по отношению к врагам: не начинать войну без крайней необходимости, т. е. без явного и неодолимого вызова; не нападать во время войны на тех, кто не имеет оружия (на мирных жителей, на пленных и раненых, на священников, на врачей и медицинских сестёр); не применять во время боя каких-либо средств, причиняющих излишнее страдание; не грабить и не осквернять храмы, не мародерствовать и не оскорблять народной нравственности⁷³.

О необходимости защиты слабого напоминает А. Кураев: «Одни святые подставляли щёку, другие святые же вынимали меч. Здесь нужно или обостренное совестное чувство или же хорошо воспитанный разум, чтобы уметь различить – в каких случаях и как надо себя вести. Иногда уйти от драки будет грехом, особенно когда под угрозу поставлена честь или жизнь другого человека»⁷⁴. Любовь и жертвенность человека, желание спасти

⁷² Кураев А. Мои ошибки. Красноярск : [КАСС], 2008. С. 12.

⁷³ Григорьев А.Б. Вера и Верность: очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии. Жуковский; Москва : Кучково поле, 2005. С. 26.

⁷⁴ Кураев А. Мои ошибки. Красноярск : [КАСС], 2008. С. 66.

ближнего пусть даже ценой своей жизни становятся важнейшей частью понятия о ненасилии в отечественной традиции. «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как я возлюбил вас»⁷⁵ (15, Ин.15:12). Итак, принцип непротивления, соединенный, вместе с тем, с признанием необходимости самозащиты и гуманным отношением к ближнему помогает уменьшить насилие и двигает человечество по направлению к этике любви.

Собственно философия ненасилия в отечественной традиции берёт свой отсчёт с учения Л.Н. Толстого о непротивлении злу силою. Отметим, что большинство исследователей считает, что ненасилие как отдельное учение начинается именно с философии Л.Н. Толстого (А.А. Гусейнов, Т.Н. Москалькова, Е.Д. Мелешко и многие другие).

Свои взгляды Толстой изложил в ряде философских работ: «В чем моя вера?», «Исповедь», «Закон насилия и закон любви», «Царство Божие внутри нас», «Любите друг друга», «Не убий никого» и в некоторых других произведениях. Пережив кризис, он переоценивает ценности, обращается к Евангелию, изучает религии. Он приходит к выводу, что главнейшей заповедью во всех религиях считается «не противься злему» и что согласно ей должна быть построена жизнь каждого отдельного человека. Мыслитель считает, что использовать насилие и агрессию по отношению к ближнему нельзя ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах. Толстой также обращается к идеям мудрецов древности: к Лао-Цзы, Конфуцию, Заратустре, Будде, Сократу, Христу, Магомету и другим. Рассматривая все жизненные проблемы с позиций непротивления, Толстой понимает, что насильственная борьба со злом не уничтожает, но умножает зло, что это умноженное зло переходит, в конечном счёте, на сторону того, кто пытается искоренить его силой. Успешно противостоять злу можно только с опорой на противоположное начало – добро. Доказательство тому – то, что в течение тысячелетий люди отвечали злом на зло, вопреки новозаветному правилу,

⁷⁵ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета, канонические. М.: Российское библейское общество, 2001. С. 121.

однако от этого в мире не стало меньше зла. Толстой создаёт своё евангелие, считая, что люди на протяжении веков неправильно понимали Священное писание. Существование в мире войны и военной службы – свидетельство порочности человечества, его отступления от главной заповеди. По Толстому, именно с помощью непротивления можно избежать войны. И здесь самое главное – соблюдение этой заповеди и нравственное самосовершенствование каждого человека. «Правители думают насилем заставить людей жить доброй жизнью. А они первые этим самым насилем показывают людям пример дурной жизни»⁷⁶.

По мнению Толстого, есть свидетельства того, что церковь начиная с первых веков своего существования вынуждена была идти на компромисс с государством. Он обращается к трудам первых пап – Тертуллиана, Оригена и др. (отметим: отношение к их учениям по сей день среди христианских богословов неоднозначное). По их мнению, истинный христианин не должен служить на войне и защищать государство. Но государство-то было в первую очередь заинтересовано в приобретении новых территорий. Только так можно объяснить тот факт, что церковь официально разрешила христианам участвовать в войне, несмотря на существование заповеди «Не убий».

Логично предположить, что Толстой выступает в первую очередь против фарисейства, законничества, обрядности, укоренившихся в церковной практике того времени. «Но человек нашего круга, который не учится больше и не находится на государственной службе, и теперь, а в старину ещё больше, мог прожить десятки лет, не вспомнив ни разу о том, что он живет среди христиан и сам считается исповедующим христианскую православную веру»⁷⁷. Великий русский писатель обращается не только к изучению различных религиозных систем, но и к философскому наследию, особенно к идеям Шопенгауэра. Неудивительно, что поначалу он приходит к выводу,

⁷⁶ Толстой Л.Н. Путь жизни : сборник. М.: Республика, 1993. С. 167.

⁷⁷ Толстой Л.Н. Не могу молчать. М.: Сов. Россия. 1985. С. 40.

что «жизнь есть зло и бессмыслица»⁷⁸ Но далее, по ходу рассуждений, появляются мысли о важности человечности и сострадания, которые уменьшают зло жизни. Таким образом, нравственные поиски ведут к идеалу ненасилия. В своих работах Толстой подчеркивает, что сам институт церкви противоречит евангельским заповедям, а иначе, почему разрешена война и убийство? Самая главная заповедь – о любви к ближнему – всячески искажается. И не только наличием воинской службы и разрешением христианам участвовать в военных действиях от церкви, но и презрительным отношением различных конфессий друг к другу. По мнению Толстого, наличие таких противоречий и фанатизма приводит к соблазну отойти от религии, по крайней мере, от религии в искаженной форме. «...Нам, образованным людям, жившим в странах, где исповедуются разные веры, и выдавшим то презрительное, самоуверенное, непоколебимое отрицание, с которым относиться католик к православному и протестанту, православный к католику и протестанту и протестант к обоим, и такое же отношение старообрядца, пашковца, шекера и всех вер, что самая очевидность соблазна в первое время озадачивает»⁷⁹.

Более простой, незамысловатой, настоящей Толстому кажется вера простых людей. Так возникает его теория опрощения, сыгравшая огромную роль в развитии общества того времени. Здесь он развивает идеи Руссо, а они оказываются созвучными периоду конца XIX – началу XX века, когда социум был настроен на перемены. Нравственные принципы обычных людей воспринимаются легче. Поэтому он связывает религию и нравственность: все этические принципы связаны с религиозными, причем прописаны более четко и ясно. «Попытки основать нравственность помимо религии подобны тому, что делают дети, которые, желая пересадить нравящееся им растение, отрывают от него не нравящийся им и кажущийся им лишний корень и без корня втыкают растение в землю. Без религиозной основы не может быть

⁷⁸ Там же, с. 64.

⁷⁹ Толстой Л.Н. Не могу молчать. М.: Сов. Россия. 1985. С. 91.

никакой настоящей непритворной нравственности, точно так же как без корня не может быть настоящего растения»⁸⁰. Конечно, религия и нравственность неразрывно связаны, однако они имеют и много существенных различий, они нетождественны.

Одна из ошибок Толстого заключается в том, что он представляет религию, прежде всего, как путь нравственного самосовершенствования (то есть как этику), тогда как христианство идентифицируется с путем к спасению. Таков один из моментов, ключевых для русских религиозных философов, полемизирующих с учением Толстого. Ещё один момент – это отрицание Толстым значения личности Христа и неверие в его божественную сущность. Но Христос для представителей христианских конфессий не просто человек, а богочеловек: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего, Единородного...»⁸¹(15, Ин. 3:16). Только так можно понять, что такое любовь к ближнему, безусловная любовь, прощение, жертвенность. Самосовершенствование же, этические поступки не гарантируют человеку возрастание в любви. Учение Толстого осуждали как ересь не только православные священники, но и католики, старообрядцы. Названные особенности мировоззрения повлекли отлучение Толстого от церкви, с точки зрения которой Толстой неправильно трактовал Евангелие, не придавал смысла таинствам и церковным обрядам, в качестве главной заповеди выдвинул непротивление (однако в Евангелии как непреложные законы представлены десять заповедей, и все они важны). Непротивление в его абсолютном варианте является потворством греху, умножает, а не искореняет зло в мире. Толстой идеализировал заповедь непротивления, существенно преувеличив её значение, сделав её основополагающей в ущерб

⁸⁰ Толстой, Л. Н. Религия и нравственность // Толстой Л.Н. Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. С. 54.

⁸¹ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета, канонические. М.: Российское библейское общество, 2001. С. 103.

другим заповедям. Кроме того, и её, эту самую главную, по словам Толстого, заповедь, он понимал слишком буквально.

В Евангелии немало примеров, где сам Иисус Христос исполняет заповедь непротивления, но не буквально: иудеи хотят побить камнями Иисуса, Христа перед казнью допрашивает первосвященник Анна (Христос не подставляет щеку, а отвечает кроткими вопросами), Христос изгоняет торговцев из храма⁸². Так, в примере, приведенным самим Толстым, где он советует молиться за разбойника, нападающего на ребенка, «принесение христианином самого себя в жертву будет бесцельным... Заповеди Иисуса о пожертвовании жизнью своею для блага ближних он этим не исполнит, потому что никакого добра не сделает ни разбойнику, ни ребёнку; напротив, доведя разбойника до двойного убийства, он тем самым ему же причинит зло, возложив на душу его новый грех; при том, имея возможность спасти жизнь ребёнка, и несмотря на это, предоставив разбойнику беспрепятственно убить его, он тем самым как бы соглашается на причинение ребёнку зла, и через это становится повинным в смерти его»⁸³. Иными словами, толстовское ненасилие в итоге оборачивается насилием. В частности, поэтому церковь утверждала, что толстовское учение опасно для духовного здоровья человека и отравляет умы людей. Конечно, существует точка зрения, что если Толстой изобличал церковное фарисейство, то логичны нападки со стороны церкви на его учение; однако на самом деле причины отлучения Толстого были намного более глубокими и основательными. А. Мень, говоря о справедливости отлучения Толстого от церкви, отмечает, что философские искания Толстого были важным этапом его жизненного и творческого пути. Однако именно духовные ошибки Толстого и парадоксальность привели его к трагедии. В одном Толстой был прав: в том, что Отечеству необходимы социальные изменения. «...Россия, независимо от литературных произведений Толстого, должна была гордиться таким человеком... Потому

⁸². Гладков Б.И. Толкование Евангелия. М.: Столица, 1991 С. 224.

⁸³ Там же, с. 227.

что Толстой отчаянно смело выступал против установившихся беззаконий, унижений человеческого достоинства, против того, что царило в обществе»⁸⁴.

Толстой подчеркивает, что непротивление не есть пассивное принятие зла, а напротив, наиболее плодотворное средство борьбы со злом. Не противиться – это не означает бороться с человеком, ибо это противодействие только против того, что есть злого, порочного, в человеке. Такая борьба уничтожает корень зла, так как она способна пробудить добрые чувства и в том, кто совершил зло, и в том, кто претерпел его. Непротивление злу силою для Толстого – важнейший закон. Он считает, что никакие обстоятельства не могут оправдать насилия, соответственно, отрицает возможность защиты и самозащиты при нападении. Единственное, что может помочь – молитва и слово, физическая агрессия недопустима. Мыслитель задается вопросом – почему обычный человек наделяется правом решать за Бога, кто достоин смерти, а кто нет? Идеал Толстого – жизнь людей в любви и согласии, которого можно достичь только исключая всякое насилие. Поэтому Толстой отрицает и сам институт государства с его насаждением власти, войны, авторитетов. И не случайно толстовство становится популярным. Общество того времени созрело для значительных социальных изменений, идея отмены всякого несовершенства власти созвучна настроениям народа. К.Г. Исупов пишет о социальной роли учения Толстого в предисловии к книге «Л. Толстой: pro et contra: личность и творчество Л. Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей»: «Его этика морального экстремума смогла породить идеологию крайностей: либо анархизм (отрицание власти и государства), либо новый нигилизм (отрицание цивилизации, а с ней – науки), культуурофобию... Всему чему угодно могла способствовать проповедь Толстого, только не укоренению в русской жизни принципа «золотой середины»⁸⁵. Более того, существует

⁸⁴ Мень А. Русская религиозная философия. М.: Фонд Александра Меня, 2003. С. 98.

⁸⁵ Исупов К. Г. Чары троянского наследия : Лев Толстой в пространствах приязни и неприязни // Толстой Л.Н. Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. С. 27.

точка зрения, что именно философия Толстого подводила общество к революционным идеям. А впоследствии – к упадническим настроениям.

Активно критиковали Толстого представители марксизма, в частности, В.И. Ленин. Он писал о Толстом: «...в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», ...его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т.п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред»⁸⁶. В. И. Ленин считает учение Толстого утопией, оно неприменимо на практике и не может принести пользы (ни морально-этической, ни политической).

Но сам Толстой, напротив, видел в идее ненасилия общественное предназначение. Он был уверен, что с ее помощью можно разрешить не только личные, но и общественные конфликты, изменить отношения государства и народа. Позднее эта идея развивается и разрабатывается практически в философии М. Ганди и М.Л. Кинга, о которых говорилось выше. Чей прогноз оказался верным – самого Толстого или Ленина? Каждый по-своему прав: опыт ненасилия Ганди и Кинга, построенный на теории Толстого, в итоге обернулся волной агрессии после смерти идеологов ненасилия, но опыт был политически успешным.

«Двойственность» толстовского принципа непротивления проявляется во многом. На первый взгляд добродетельное и нравственное, учение таит в себе много подводных камней. Чтобы глубже понять позицию Толстого, необходимо рассмотреть её в контексте русской религиозной философии. Полемику с ним вели многие: И.А. Ильин, Н.А. Бердяев, В.С. Соловьёв, Н.О. Лосский, Л. Шестов, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов и другие.

И.А. Ильин в работе «О сопротивлении злу силою» критикует учение Толстого за абсолютное отрицание насилия и войны. Ильин говорит об особой нравственной ценности мужественности и героизма, подчёркивая, что

⁸⁶ Ленин В. И. Статьи о Толстом. М.: Художественная литература, 1988. С. 40.

эти добродетели важны: «Идея о том, что государственный властитель носит меч именно в качестве Божьего слуги для наказания преступников и злодеев и для заграждения уст безумных людей есть идея Апостольская, древнехристианская и православная, и православный человек, желающий её отвергнуть и не желающий здесь ничего ни «додумать», ни «дочувствовать», должен пересмотреть вопрос о своей принадлежности к православию»⁸⁷. Отлучение Толстого от православной церкви состоялось, но дело не только в этом. Сама идея непротивления, по мнению Ильина, подрывала духовное здоровье нации, приводила к потворству злу и греху, к отказу от борьбы с ними. Ильин «не предписывает в качестве обязательного сопротивление злу силою, не навязывает одного типа поведения при встрече со злом <...> чтобы не ошибиться и правильно уловить, что повелевает та или иная конкретная ситуация в данный момент, надо знать, что ответ может быть в принципе разным... Какой из этих ответов и в какой ситуации мы услышим – зависит от нашей внимательности, нашей нравственной интуиции»⁸⁸.

У Ильина борьба со злом, то есть с грехом, как правило, является насильственной, и она только во благо. Здесь отражается диалектическая взаимосвязь насилия и ненасилия, у Ильина максимально близкая православной традиции. Именно насильственное, волевое сопротивление – стремление побороть грех, защитить женщину и ребенка, выступить против врагов, нападающих на Отечество, – в итоге ведут к уничтожению зла. Ильин считает, что человеку необходимо духовное понуждение. Оно может включать насильственный порыв, ведь необходимо заставить себя или другого. Волевое понуждение может даже вести к страданию, но ради блага. Следовательно, в этом случае насилие ведёт к ненасилию. Физическое понуждение, по мнению Ильина, является крайностью.

Принцип сопротивления злу силою, выдвигаемый Ильиным, стал результатом своеобразного диалектического видения. «Духовная любовь

⁸⁷ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 291.

⁸⁸ Москалькова Т.Н. Противодействие злу в русской религиозной философии. М.: Проспект, 1999. С. 73.

имеет силу остановиться на стойком «нет». ...духовная любовь знает, что между основными заповедями Христа может возникнуть лишь внешний конфликт именно тогда, когда любовь к Богу требует беспощадного и жёсткого отношения к людям... Так, духовная любовь, поставившая себе задачу искоренения зла как такового, приходит к необходимости института смертной казни», – пишет С. Варшавский о концепции Ильина⁸⁹. Ильин допускает смертную казнь. На наш взгляд, его отношение к преступнику является слишком жёстким. «Но одновременно Ильин выступает и с резкой критикой идеологии и практики всякого рода тоталитаризма, абсолютизовавших роль насилия и государственных институтов жизни общества; он резко критикует характерные для них попытки возвести силу в ранг этической добродетели»⁹⁰. То есть Ильин выступает за ограничение насилия: насильственное принуждение допускается, но не в виде принуждения физического; физическое – в самом крайнем случае, каковым является угроза жизни человеку. В отличие от идеологов ненасилия, Ильин ратует за защиту и самозащиту. Если подходить к ним рационально, то они могут быть рассмотрены в качестве способов противления насилию (а не видов насилия, как у Толстого). Поэтому, на наш взгляд, точка зрения некоторых мыслителей (например, Н.А. Бердяева), будто бы Ильин потворствует злу, преувеличена. Однако доля истины в ней есть: не всегда человек на практике способен отличить зло от добра, хотя формальные критерии различия известны. Более того, здесь есть некоторое противоречие. Д. Пасманик пишет об этом так: «...каковы выводы из этих положений: во имя духовной любви можно и должно уничтожать (лектор употребил термин «казнить») врагов Божьих, врагов отечества, растлителей малолетних... четко и звучно формулировалась линейная черно-белая мысль. И мне стало вдруг очень ясно: большевистский яд отравил лучших. Ильин проповедовал

⁸⁹ Варшавский С. «О противлении злу» // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. С.75

⁹⁰ Москалькова Т.Н. Противодействие злу в русской религиозной философии. М.: Проспект, 1999. С. 75.

мораль чекистов, только навыворот»⁹¹. Также негативно характеризует концепцию Ильина М. Кольцов⁹². Противоречие состоит в том, что Ильин пытается опереться на православную традицию. Но не учитывает того, что с точки зрения христианской, любой человек может исправиться, даже злодей, потому что каждый является образом Божиим; и потому никто не вправе убивать другого, кроме как в случае защиты или самозащиты. Соответственно, мы подходим к обратной стороне инвектив Ильина: он резко критикует учение Толстого, не замечая достоинств толстовской концепции ненасилия. А момент ценности любой человеческой жизни очень важен.

Кроме того, несмотря на глубину и четкость анализа Ильина, он чужд социальных прогнозов, связанных с принципом непротивления (опять же, отрицая достоинства концепции ненасилия), не видит положительной возможности его использования в виде политической модели, мирного протеста или «бескровной» (ненасильственной революции). Ильин не предполагает эффективного развития теории Толстого на практике. Можно поспорить с таким утверждением Ильина: «Так случилось, что учение графа Л.Н. Толстого и его последователей привлекало к себе слабых и простодушных людей и, придавая себе ложную видимость согласия с духом Христова учения, отравляло русскую религиозную и политическую культуру»⁹³. Идеологи ненасилия М. Ганди и М. Л. Кинг – отнюдь не безвольные люди. Для использования ненасилия на практике, то есть для борьбы без оружия и физического насилия, необходимы смелость и духовное мужество. Тоже можно сказать и о массах, которые шли за Ганди и Кингом. Надо признать, что принцип ненасилия в политике впоследствии оказался не менее, а более эффективным, чем насильственный. Обратная сторона взаимодействия насилия и ненасилия заключается в том, что ограничение социального насилия также ведет к установлению ненасилия, и по Ильину

⁹¹ Пасманник Д. Черно-белое // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 280.

⁹² Кольцов М. Омоложенное Евангелие // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 282-284.

⁹³ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 34.

это делается из любви, а не из долга. Воин жертвует собственной жизнью из любви к Отечеству, и это приводит его родную страну к миру⁹⁴. Таким образом, Ильин устанавливает чёткие рамки ограничения насилия, которые в итоге приводят к возрастанию ненасилия в мире. Но некоторые русские религиозные мыслители критиковали концепцию Ильина.

Бердяев не согласен ни с И.А. Ильиным, ни с Л.Н. Толстым: «Удушение добром было и у Л. Толстого, обратным подобием которого является И. Ильин... Добро И. Ильина очень относительное, отяжелевшее, искажённое страстями нашей эпохи, приспособленное для целей военно-походных. И. Ильин перестал быть философом, написавшим в более мирные времена прекрасную книгу о Гегеле. Он ныне отдал дар свой для духовных и моральных наставлений организациям контрразведки, охранным отделениям, департаменту полиции, главному тюремному управлению, военно-полевым судам»⁹⁵. Бердяев, впоследствии отошедший от марксистского мировоззрения, видевший ужасы революции и гражданской войны, не придерживается крайних точек зрения в полемике о ненасилии. Как справедливо отмечает Бердяев, ошибка Толстого, как и Ильина, кроется в неправильном подходе к философии добра и зла. Бердяев подчёркивает, что Толстой по своей природе глубоко антиномичен: великий писатель отрицает высокую роль искусства, гневный и страстный человек проповедовал вегетарианский идеал непротivления, стремился к трансцендентному, но не мог до конца его осознать. «Наконец, самая разительная толстовская антиномия: проповедник христианства, исключительно занятый Евангелием и учением Христа, он был чужд религии Христа, был лишён всякого чувствования личности Христа». Он «...заставил христианский мир задуматься над своей нехристианской, полной лжи и лицемерия жизнью.

⁹⁴ Ильин И. А. Духовный смысл войны // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 248.

⁹⁵ Бердяев Н. А. Кошмар злого добра // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 370.

Он – страшный враг христианства и предтеча христианского возрождения»⁹⁶. Можно сказать, что Толстой принимает Ветхий завет, но не Новый.

Бердяев проницателен, он глубоко «просматривает» философию Толстого и видит его главную ошибку: «Для Толстого нет ни греха, ни покаяния, возрождающего человеческую природу. Для него есть обессиливающая, безблагодатная рефлексия, которая есть обратная сторона бунта против божественного миропорядка»⁹⁷. Бердяев отмечает, что дух Толстого свойственен русскому народу, это дух мятежа, дух революции, с одной стороны, с другой стороны – дух покорности, «непротивленчества». И эти два противоположных начала способствуют неприятию мира, исходящему из гордыни (которая была характерна для Л.Н. Толстого), стремлению переделать привычный порядок вещей, желанию масштабных социальных изменений, которые, как известно, в России не прошли ненасильственно, а наоборот, стали огромной разрушительной силой. Поэтому, как справедливо отмечает Бердяев, толстовское обличение лжи, в которой живёт общество, было на данном этапе необходимо.

И он же хорошо прочувствовал диалектику насилия и ненасиления, необходимость поиска новых подходов к пониманию ненасиления (не зря он одинаково скептически относится и к непротивлению Толстого, и к «сопротивлению злу силою» Ильина): «Толстой требует немедленного и полного осуществления абсолютного, абсолютного добра в этой земной жизни, подчинённой законам грешной природы, и не допускает относительного, истребляет всё относительное»⁹⁸. Эти мысли он продолжает развивать в работе «Судьба России: опыты по психологии войны и национальности», ибо именно приверженность к абсолютному, нежелание идти на компромисс, как правило, является причиной войны. Работа написана в 1918 году, после Первой мировой войны и переосмысления

⁹⁶ Бердяев Н.А. Собрание сочинений. Париж : YMCA-PRESS, 1989. Типы религиозной мысли в России. 1989. Т.3. С. 124.

⁹⁷ Духовная трагедия Л. Толстого. М.: Отчий дом, 1995. С. 286.

⁹⁸ Духовная трагедия Л. Толстого. М.: Отчий дом, 1995., С. 287.

Бердяевым происходящего в России. Он понимает неизбежность происходящих изменений в стране, традиции которой он будет хранить до конца жизни, уже эмигрировав. Но мыслитель не принимает тоталитарность нового режима, его насильственное начало. Войны можно избежать, но если уж она наступает, то является всего лишь следствием «разложения» общества и печальной необходимостью. Бердяев выступает также против распространившегося ещё в начале XX века движения пацифизма. Его размышления о войне мудры и проницательны: «Природа войны как материального насилия чисто рефлексивная, знаковая, симптоматическая, несамостоятельная. Война не есть источник зла, а лишь рефлекс на зло, знак существования внутреннего зла и болезни»⁹⁹. Такова взаимосвязь насилия и ненасилия в мире.

Несмотря на то, что Бердяев считает необходимым уважение к врагу, он ни в коем случае не выступает против войны. Впрочем, не выступает и за: по его мнению война – тяжёлая необходимость. Но течение толстовства сыграло свою роль в подготовке народного сознания перед войной¹⁰⁰. По мнению Бердяева, Толстой гениален как художник, а не как философ. Философская система Л. Толстого не продумана; создавая симбиоз из различных религиозных учений, он исключает важнейшие моменты, искажает принципиально важные понятия. «Ясно, что религия Толстого есть религия самоспасения... Гордыня Л.Толстого в том, что он не нуждается в благодатной помощи Божьей для исполнения воли Божьей. Коренное в Л.Толстом то, что он не знает греха, не видит непобедимости зла естественным путем»¹⁰¹. Бердяев отмечает, что необходима борьба с грехом, не обязательно с помощью насилия; но не бороться с грехом означает потворствовать злу.

⁹⁹ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Философское общество СССР, 1990. С. 177.

¹⁰⁰ Там же, с. 189.

¹⁰¹ Бердяев Н. А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // Толстой Л.Н. Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. С. 259.

Однако Бердяев не отрицает и достоинств концепции Толстого. Призыв к непротивлению, милосердию, добру, его оригинальная философская система привлекли общественное внимание не только в России, но и во всем мире и имели социальные последствия в виде стремления социума к переменам. Ибо «...своей критикой, своими исканиями, своей жизнью Л. Толстой пробуждал мир, религиозно заснувший и омертвевший»¹⁰²

В.В. Розанов глубоко анализирует взаимоотношения Л.Н. Толстого и русской церкви, приходя к выводу, что правда была на стороне церкви¹⁰³. Однако Розанов признает, что толстовская критика церковных порядков и особенно фарисейства была справедливой. Толстой неправильно понимает Евангелие, придает избыточную значимость заповеди непротивления: «...что касается слов Спасителя, на которых Толстой пытается основать свое учение, он, без всякого на то указания в Евангелии, понял их усиленно, чрезмерно; он поработил все Евангелие одной строке в нем...»¹⁰⁴. Да, Толстой искажает, заблуждается, но при этом ищет... Этим объясняется двойственное отношение Розанова к отлучению Л. Толстого от церкви, он подчеркивает, что учение Толстого нельзя закрашивать исключительно черным» цветом¹⁰⁵. Судить не может ни Синод, ни общество, ни человек, один лишь Бог. Розанов отмечает серьезные ошибки духовенства, его неумение приучить к порядку русский народ.

С.Н. Булгаков в целом выступает против толстовского непротивления и не принимает его «опрощения». Однако отмечает и положительные стороны этого учения – критику современного общества, столь близкую

¹⁰² Там же, С. 263.

¹⁰³ Розанов В. В. Религия. Философия. Культура. М.: Республика, 1992. 399 с.

¹⁰⁴ Розанов В. В. Еще о гр. Л. Н. Толстом и его учении о непротивлении злу // Толстой Л.Н. Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. С. 266.

¹⁰⁵ Розанов В. В. Еще о гр. Л. Н. Толстом и его учении о непротивлении злу // Толстой Л.Н. Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. С. 264-274.

социалистическим взглядам¹⁰⁶. То есть социальную сторону теории Толстого оценивает положительно; а религиозные заблуждения – отрицательно. Булгаков обличает толстовскую «самоправедность», подчеркивает его ошибки в истолковании христианской религии, ибо нет спасения без таинств. У Толстого же спасение в нравственном поступке как таковом, в некоторой степени – в аскетизме, что противоречит самому духу христианства и русского православия, где главное – любовь к ближнему. Булгаков верно замечает, что толстовское ненасилие метафизично, однобоко; он видит только одну сторону ненасильственного поступка, не замечая, что может тем самым потворствовать насилию.

Природу насилия С.Н. Булгаков подробно исследует в статье «Расизм и христианство». Борьба за чистоту расы, своеобразная «религия» фашизма противопоставляются у него истинной христианской религии. Не удивительно, что тем сильнее отторжение Булгакова от толстовского «непротивления»: если не сопротивляться, зла в мире будет только больше. Булгаков говорит о том, что теория ненасилия Толстого далека от реальности и утопична, хотя мы не находим у него слова «утопия», а видим этот смысл в подтексте: «...у Толстого обличительная сила его писаний совершенно не соответствует его практическим указаниям, практическим рецептам для разрешения социального зла – но это обличение и представляет главную силу, посредством которой он властвует над обществом»¹⁰⁷. Ненасилие для Булгакова – это не толстовский аскетизм, а милосердие, христианская любовь, умение увидеть в каждом человеке образ Божий. Булгаков видит и достоинства, и недостатки учения Толстого, считая нужным отметить его ошибки – ибо теория Толстого в конечном итоге может навредить и обществу в целом, и отдельной личности.

¹⁰⁶ Булгаков С. Н. Простота и опрощение // Толстой Л.Н. Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. С. 296.

¹⁰⁷ Булгаков С. Н. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 177.

С.Л. Франк также отмечает односторонность идей Толстого. Жёсткий догматизм Толстого не приемлет иных вариантов поступков или мышления; однако, как верно замечает Франк, не все ненасильственные поступки ведут к ненасильственным результатам, всё зависит от ситуации. Более того – Толстой в своих философских воззрениях отразил характерную для русского человека метафизичность мышления: «...основная посылка толстовского рассуждения, именно моральная принципиальность, отрицание компромисса, недопущение поступков, которые дурны сами по себе, но преследует благую цель, – есть символ веры, можно сказать, фундаментальная аксиома русской интеллигенции»¹⁰⁸. По мнению Франка, русскому человеку необходимо наладить гибкость, диалектичность мыслительного процесса; тогда вопрос о ненасильственном результате деятельности будет решаться верно. Только тогда общество сможет преодолеть настроение политического радикализма. Однако Франк отмечает и достоинства концепции Толстого: поиск истины, отрицание фарисейства, самосовершенствование, призыв для общества стремиться к нравственному прогрессу, умение творить добро. Насилие, на его взгляд, необходимо в определенных пределах; насилие может вести к ненасилию. Данные воззрения выводятся логически из его оправдания войны. Война не является злом, если в итоге приводит к добру, причем война может привести к благим последствиям не только защищавшуюся от нападения сторону, но и страну-противника¹⁰⁹. Этот диалектический подход Франка проявляется также в том, что он раскрывает этику войны, её нравственные и духовные основы, отмечая не только её отрицательный, но и положительный эффект для общества (единение, сплочение народа, усиление национального самосознания).

Н.О. Лосский считает, что с помощью ненасилия нельзя обрести настоящей свободы, которую ищет Толстой. Ненасилие – свод законов,

¹⁰⁸ Франк С. Л. Нравственное учение Л. Н. Толстого (К 80-летию юбилею Толстого 28 августа 1908 г.) // Толстой Л.Н. Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 2000. С. 300.

¹⁰⁹ Франк С.Л. Непрочитанное...: статьи, письма, воспоминания. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 191.

этическая теория, призывающая отказаться от насилия; на самом же деле отказаться от насилия и приобрести истинную свободу помогает только любовь. Но обучения любви в теории ненасилия Лосский, как и большинство русских религиозных философов, не видит¹¹⁰. Отмечает метафизичность философских построений Толстого. Однако справедливой считает критику распространившегося государственного насилия.

Наиболее взвешенной представляется точка зрения В.С. Соловьёва. В статье «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями» он в аллегорической форме раскрывает достоинства и недостатки учения Толстого. В разговорах участвуют Генерал, Политик, Князь, Дама и Г-н Z. Князь представляет точку зрения Л.Н. Толстого, Генерал ратует за этику войны, Дама представляет абстрактно-рациональный взгляд, а Г-н Z излагает точку зрения автора статьи (как отмечает сам Соловьёв). По мнению господина Z, война как явление нашей действительности неразрывно связана с вопросами добра и зла, в их взаимодействии и кроется причина войны. «Зло действительно существует, и оно выражается не в одном отсутствии добра, а в положительном сопротивлении и перевесе низших качеств над высшими во всех областях жизни»¹¹¹. Истинный взгляд на философию добра и зла господин Z видит в христианском учении, при этом он не считает, что правдивый религиозный взгляд на войну кроется в непротивлении и пацифизме. «Окрасить войну сплошь чёрною краскою, а мир – одною белую никак невозможно»¹¹². Всё доброе есть от Бога, а зло – от Дьявола и свойственно слабой человеческой натуре. Зло как бы «разгрызает» человека изнутри, но это совсем не значит, что бесполезно с ним бороться. Зло противно Богу, следовательно, не только разрешается, но даже необходимо использовать защиту и самозащиту против злого человека: «...Я должен помочь тем, кого обижают. ...воля Божья тут в том, чтобы я спас эту жертву,

¹¹⁰ Лосский Н. О. Бог и мировое зло : сборник. М.: Республика, 1994. С. 237.

¹¹¹ Соловьёв В.С. Избранное. М.: Советская Россия, 1990. С. 368.

¹¹² Там же, с. 255.

по возможности щадя злодея, но ей-то я помочь должен во что бы то ни стало и во всяком случае: если можно, то увещаниями, если нет – то силой, ну а если у меня руки связаны, тогда только тем крайним способом... именно молитвою, то есть тем высшим напряжением доброй воли, что, я уверен, действительно творит чудеса, когда это нужно»¹¹³.

В религии добро неразрывно связано с личностью Христа. Толстой же абсолютизировал принцип непротивления злу силою, взятый из Нагорной проповеди, и личность Иисуса Христа не только уходит у него на второй план, но и отрицается им. А значит, отрицаются и основы самой христианской веры. Господин Z говорит об этом: «Наша опора одна: действительное воскресение. Мы знаем, что борьба добра со злом ведётся не в душе только и в обществе, а глубже, в мире физическом. И здесь мы уже знаем одну победу доброго начала жизни – в личном воскресении Одного – и ждём будущих побед в собирательном воскресении всех. Тут и зло получает свой смысл или окончательное объяснение своего бытия в том, что оно служит всё к большему и большему торжеству, реализации и усилению добра: если смерть сильнее смертной жизни, то воскресение в жизнь вечную сильнее и того и другого. Царство Божие есть царство торжествующей через воскресение жизни – в ней же действительное, осуществляемое, окончательное добро»¹¹⁴.

В этом точка зрения Соловьева совпадает с канонической точкой зрения Русской Православной Церкви. Да и в целом мировоззрение Соловьева близко каноническому взгляду церкви, хотя и расхождение с ним тоже есть. Обратимся и к данной позиции, чтобы проанализировать особенности толстовского учения с разных сторон и показать его нюансы. В определении Святейшего Синода о графе Льве Толстом сказано: «...он проповедует с ревностью фанатика ниспровержение всех догматов Православной Церкви и самой сущности веры христианской: отвергает

¹¹³ Соловьёв В.С. Избранное. М.: Советская Россия, 1990. С. 264.

¹¹⁴ Там же, с. 369.

личного Живого Бога, во святой Троице Славимого, Создателя и Промыслителя вселенной, отрицает Господа Иисуса Христа – Богочеловека, Искупителя и Спасителя мира...»¹¹⁵.

Далее путём логических рассуждений господин Z показывает, что за идеями ненасилия скрывается личность Антихриста. Заметим, что в конце третьего разговора Князь уходит, не дослушав повести об Антихристе. Отсюда можно сделать вывод: в битве многочисленных точек зрения на этику войны и философию ненасилия, представленных в статье В.С. Соловьева, Князь проигрывает. А ведь Князь – подчеркнём ещё раз – представляет взгляды Л.Н. Толстого. Апогеем критики толстовского учения становится обсуждение шуточного стихотворения А. Толстого «Камергер Деларю», которое в очередной раз доказывает, как глубоко можно проанализировать сложную проблему с помощью художественных средств – аллегории, гиперболы, сатиры. В утверждениях господина Z слышна критика взглядов Толстого. Но Соловьев отмечает и положительные стороны толстовской этики с помощью реплик Князя, Политика и Дамы. Патриарх софиологии ни в коем случае не отвергает значение ненасилия в урегулировании политических отношений и, тем более, не отрицает того, что к войне нужно прибегать в самых крайних случаях. В работе «Национальный вопрос в России» он пишет о глубоком уважении России к другим народам. Сравнивает Россию и Индию, «идеал святости», который есть у русских и индийцев.

В произведении «Оправдание добра» Соловьев возвращается к теме, говоря о любви и уважении одного народа к другому. Только так, исключительно по-христиански, могут быть построены взаимоотношения. То есть, по сути, он пишет о принципе ненасилия, примененном в общении между народами и отдельными личностями. Однако у Соловьева этот принцип не распространяется на отношение к войне. Он подчеркивает это

¹¹⁵ Духовная трагедия Л. Толстого – М.: Отчий дом, 1995. С. 71.

в двух последних главах работы, особенно в истории о благочестивом центурионе Корнелии, которого не принуждали отказываться от военной службы, несмотря на его глубокие христианские воззрения.

По мнению Соловьёва, государство неизбежно связано и с насилием, и с ненасилием. «Но государство даже в самых нормальных своих проявлениях неизбежно бывает безжалостно. Жалея мирных людей, которых оно защищает от хищных насильников, оно с этими должно поступать безжалостно. Такая односторонняя жалость не соответствует нравственному идеалу»¹¹⁶. В своих работах В.С. Соловьёв последовательно раскрывает достоинства и недостатки учения Л.Н. Толстого как с точки зрения здравого смысла, так и с точки зрения христианской религии.

Н.Ф. Федоров, как и другие русские религиозные философы, критикует Толстого за отрицание личности Христа и его воскресения, за неправильное представление о добре и любви к ближнему. Он подчеркивает, что Толстой, проповедуя ненасилие, доводит поиск зла, которому надо противиться, до абсурда¹¹⁷. Федоров пишет в статье «Что такое добро?»: «Подобно тому как у Соловьёва под «оправданием добра» оказывается осуждение и отрицание лишь порока, так и у Толстого»¹¹⁸. По мнению Федорова, необходима более продуманная и содержательная система, а не просто формальный отказ от насилия.

Л. Шестов считает, что Толстой заблуждался; подчеркивает, что Толстой является философом в большей степени в художественных произведениях. У Толстого «Бог умышленно подменяется добром; а добро – братской любовью людей»¹¹⁹. Критикует его за те же недостатки, что и остальные русские религиозные философы (искаженное понимание веры, добра, любви к ближним).

¹¹⁶ Соловьёв, В. С. Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. С. 403.

¹¹⁷ Федоров Н. Ф. Собрание сочинений : в 4 т. М.: Прогресс, 1995. Т.2. С. 354.

¹¹⁸ Федоров Н. Ф. Что такое добро? // Толстой Л.Н. Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. С. 188.

¹¹⁹ Шестов Л. Избранные сочинения. М.: Ренессанс, 1993. С. 72.

Естественно, что против учения о непротавлении злу силою и распространившегося на основе этой концепции пацифизма выступают в начале XX века русские военные, впоследствии ставшие классиками военной мысли: А.А. Керсновский, А.Л. Мариюшин, Н.Н. Головин, П.Н. Краснов, которые делают упор на военные добродетели, считая их необходимыми для поддержания мира в стране¹²⁰.

Генерал П. Н. Краснов считает, что в XIX веке настроение общества «было патриотическое»¹²¹, благодаря чему русский народ и сумел победить в войне с Наполеоном. Но наряду с ним отмечает разочарование в обществе перед Первой мировой войной, утрату веры, любви к ближнему, особенно выделяет такую черту, как внушаемость толпы. Подчеркнем, что именно в эту эпоху творил Толстой, более того, имел определенное влияние на общество и формирование пацифистских взглядов. «Идея вечного мира и арбитража – сладкая, вредная и опасная утопия...»¹²².

В то же время тот факт, что учение Толстого так привлекло внимание философов, говорит о многогранности и глубине его концепции.

Резюмируя сказанное, перечислим главные обвинения в адрес учения Толстого со стороны большинства упомянутых выше русских религиозных философов: 1) абсолютизируется заповедь о непротавлении в ущерб другим заповедям, создает свое Евангелие, отрицает божественную сущность Христа как богочеловека; 2) неправильно понимается любовь к ближнему; 3) отрицается всякое насилие, что может привести не к добру, а напротив, ко злу.

Самоотверженность противостоит эгоизму. А что такое эгоизм, как ни скрытое насилие? Большинство существующих пороков, так или иначе, связано с эгоизмом. Чрезмерная привязанность человека к себе и своим эгоистическим желаниям порождают массу негативных эмоций, несущих

¹²⁰ Философия войны : Сборник / Под общ. ред. А.Б. Григорьева. М.: Анкил-воин, 1995. С. 160.

¹²¹ Краснов П. Н. Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооружённой силы. М.: Русский путь, 1997. С. 104.

¹²² Там же, с. 153.

агрессию¹²³. Смирение и самопожертвование способны устранить их, привести к ненасилию. Поэтому для защиты можно использовать насилие, но только в том случае, если необходимо спасти ближнего (возможно, даже пожертвовать собственной жизнью). Принцип же ненасилия в его абсолютном варианте является скорее правилом общения, необходимым в ситуациях, не связанных с непосредственной физической защитой и самозащитой человека (не отвечать бранью на брань).

Данное понимание зиждется на глубокой духовной основе, подтверждено философскими, этическими и психологическими научными исследованиями и даже самим историческим опытом нашей страны. Отсюда и тяготение к коллективистскому мышлению: жертвы оправданы, если спасено общество в целом. Однако Россия не Западная Европа и не Азия. Если для восточных цивилизаций характерна связь идеала ненасилия с особенностями восточных обществ, а в истории западной цивилизации прослеживается взаимосвязь идеала ненасилия с западным типом мышления, с антропоцентризмом, гуманизмом, индивидуализмом, со стремлением к личной свободе, то для русской культуры и ментальности характерно несколько иное, своеобразное представление о гуманизме и ценности каждой человеческой жизни – представление более органичное и взвешенное. К тому же, на наш взгляд, отечественная традиция более реалистична: невозможно достигнуть состояния абсолютного ненасилия, но есть вероятность уменьшить количество насилия в мире с помощью любви к ближнему и нравственного самосовершенствования отдельной личности.

Итак, в рамках отечественной философской мысли четко выявилась диалектическая взаимосвязь проявлений насилия и ненасилия и, соответственно, различных религиозно-этических и философских доктрин.

1.3. Концепция ненасилия в современной философии и науке

¹²³ Орлов Ю. М. Восхождение к индивидуальности. М.: Просвещение, 1991. С. 9.

Проявления насилия многообразны. Множатся политические конфликты, наблюдается вал публикаций, свидетельствующих о насилии в семье и школе, констатируются факты недопустимого давления со стороны средств массовой информации и пресловутого диктата производителя над потребителем. Бесчисленные беды продолжаются на фоне благополучия отдельных регионов мира или слоев общества. Однако эскалация насилия в современном обществе закономерно вызывает усиление противоположных тенденций, развитие сдерживающих механизмов и, соответственно, рост интереса к альтернативному способу социальных взаимодействий.

В современном мире опыт ненасилия переосмысливается. В научной литературе, СМИ, интернет-источниках идут активные дискуссии по проблемам насилия и ненасилия, пацифизма, ведутся споры о достоинствах и недостатках методов ненасильственного протеста.

В нашей стране интерес к проблеме резко усиливается начиная с 1990-х годов, когда в науке становятся популярными темы, прежде табуированные или препариовавшиеся в строгом соответствии с идеологическими догмами.

Кроме того, в постсоветский период начинается новый духовный поиск, который зачастую приводит к спиритическим увлечениям, сектам – то есть к тому, что ранее не было доступно. Конечно, это было опасно для духовного здоровья российского человека, ибо народ остался без религиозно-этической опоры (а взамен ничего предложено не было). Не удивительно, что на этой почве либо возникают еретические учения, либо вновь становятся актуальными учения прошлого – такие, как толстовское «непротивление злу силою». С другой стороны, в период перестройки народ жаждет перемен, реформ, кардинальных изменений в жизни страны. Таким желанием легко объяснить научный интерес, возникший к практической стороне ненасилия – опыту М. Ганди и М. Л. Кинга.

Достаточно серьезные изменения в обществе продолжаются и в последующем десятилетии – в 2000-х годах. С 2000 по 2014 год появляется множество научных статей, посвященных проблемам насилия и ненасилия.

Последние же пять лет интерес к теме ненасильственного сопротивления усиливается в связи с протестными настроениями в обществе и волной ненасильственных революций, прокатившихся по всему миру.

Данная тема становится всё более популярной в различных отраслях научного знания, что отражается в появлении большого количества диссертационных работ: по онтологии (Мелешко Е.Д., Вшивцева Л. Н.), социальной философии (Пряхин Н.Г.), культурологии, гендерологии (Шалимова Т.П.), политологии (Корельский И.В.), педагогике (Макарова Н.И., Ситаров В.А., Маралов В.Г. и др.). Все исследователи обращаются к классическим концепциям ненасилия, стараясь оценить этот опыт с точки зрения его приложения к реальной жизни. Многие, по сути, создают свои собственные теории (А.А. Гусейнов, Р. Г. Апресян, А. Ковалев, В. Мейерс, А.В. Перцев). Присоединяясь к большинству исследователей, условимся понимать под классическими концепции Л.Н. Толстого, М. Ганди, М.Л. Кинга.

Напомним, что ненасилие в данной работе разграничено в узком и широком смысле слова. В данном параграфе речь пойдет, прежде всего, о ненасилии в широком смысле, которое включает в себя разнообразные научные концепции и точки зрения. Совокупность точек зрения можно образно представить как соединение нескольких пластов, среди которых можно выделить три основных. Первый – собственно философия ненасилия, о ней уже сказано выше. Второй пласт – различные явления, максимально близкие теории ненасилия: пацифизм, теория благоговения перед жизнью Швейцера, концепции, ратующие за максимальное ограничение насилия и др. Третий пласт – сумма разнообразных дискурсов, касающихся «философии ненасилия», интерпретаций, аллюзий, полемика, которую ведут философы и учёные, оспаривая или принимая опыт движения ненасилия, да и саму идею непротивления как таковую. Одни считают теорию ненасилия практически неприменимой, называют ее утопией, другие – этическим идеалом. Всеобъемлющая, пригодная на все случаи систематизация

современных взглядов едва ли возможна. Поэтому целесообразно строить исследование, отталкиваясь от конкретных концепций (и используемых ими классификаций), получивших наибольшее внимание и признание.

В современной отечественной научно-философской литературе центральное положение занимает концепция, разрабатываемая А.А. Гусейновым. Он считает, что противиться злу можно исключительно ненасильственными методами. «Когда насилие не получает адекватного ответа, оно, как правило, гаснет, уменьшается; когда оно наталкивается на противонасилие, оно наращивает массу и становится изощреннее»¹²⁴. Подход, который выступает за ограничение насилия, А.А. Гусейнов называет прагматическим, а взгляд, радикально отрицающий насилие, – абсолютистским.

Именно к абсолютистскому взгляду относятся классические концепции ненасилия, к нему же близка точка зрения самого А.А. Гусейнова. По мнению Гусейнова, насилие ничем нельзя оправдать. Да и каковы критерии ограничения насилия? Эти критерии слишком относительны: для того, чтобы не попустительствовать насилию, нужно отказаться от него совсем. Но это не означает, что не нужно сопротивляться. Сопротивление возможно, но только ненасильственными способами. С помощью ненасильственных методов можно разрешать политические конфликты без капли крови; опыт Ганди и Кинга, по мнению Гусейнова, это вполне доказывает. То, что идеал ненасилия сложно реализовать на практике, не говорит о его утопичности. Многие этические системы, как верно отмечает А.А. Гусейнов, сложно воплотить в жизнь. Природа человека амбивалентна, он может повернуться как к добру, так и к злу. Сознательно ограничивая свое стремление ко злу, можно повернуться к добру¹²⁵. Но для этого нужны нравственные силы. А.А. Гусейнов подчеркивает, что ненасилие – это путь смелых и сильных людей,

¹²⁴ Гусейнов А.А. Ненасилие как правда жизни // Опыт ненасилия в XX столетии : Социально-этические очерки. / Под ред. Р. Г. Апресяна. М.: Аслан, 1996. С. 264.

¹²⁵ Гусейнов А.А. Этика ненасилия // Вопросы философии, 1992. №3. С. 76.

решивших сопротивляться несправедливости без агрессии и оружия. Однако при этом необходимо и смирение, умение любить и уважать оппонентов.

Таким образом, применить данный принцип на практике очень сложно: нужно прийти к определенному уровню нравственного совершенствования и продумать организацию ненасильственных действий так, чтобы отстоять свои интересы без физического и морального ущерба для врагов. Требуется определенное мужество для употребления ненасилия, но общество, построенное на этих мирных принципах, возможно.

В опыте ненасилия А.А. Гусейнов видит потенциал к достижению нового общества без агрессии, стремление к развитию лучших человеческих качеств – уважения к другому, умения находить компромисс, развития чувства любви и милосердия по отношению к ближним.

Р.Г. Апресян, напротив, считает, что идеологи концепции ненасилия допустили серьезную ошибку, отвергая возможность справедливого урегулирования насильственных конфликтов. Считает, что применение силы допустимо, но в ограниченном количестве, соответственно признает правоту И.А. Ильина в полемике с Л.Н. Толстым. По мнению Р.Г. Апресяна, необходимо сопротивление злу: «Сопротивляться – это значит предпринимать активные усилия – моральные, социальные, политико-правовые, силовые, направленные на создание условий, делающих невозможными чьи-то опасные действия»¹²⁶. В этом смысле взгляд Р.Г. Апресяна близок традиционно христианскому: неумение противостоять злу может вести только ко злу. Р.Г. Апресян подчёркивает тот факт, что даже в христианских конфессиях нет повсеместной поддержки рассматриваемой теории в её абсолютистском варианте. Но это вовсе не означает, что на зло нужно отвечать злом. Чем разрушительнее сила сопротивления насильственным действиям, тем вероятнее, что приходится констатировать факт насилия. То есть критерий ограничения насилия определяется степенью

¹²⁶Апресян Р. Г. «Мне отмщение, Аз воздам». О нормативных контекстах и ассоциациях заповеди «Не противься злому» / Р. Г. Апресян // Этическая мысль : современные исследования. М.: ИФ РАН, 2009. С. 413.

разрушительности действий, производимых в ответ на насильственное посягательство. Практика разрешения конфликтов показывает, что принцип ненасилия эффективен далеко не всегда (хотя ненасильственное сопротивление, по его мнению, часто успешно используется в политических акциях). Как отмечает Апресян, ненасилие может вести ко злу¹²⁷.

О.Ю. Шахова смотрит на практическую реализацию идеала ненасилия в обществе оптимистично. Считает необходимым формирование точного позитивного определения понятия ненасилия. Шахова, одна из немногих исследователей, посвящает современным концепциям ненасилия отдельный параграф своей работы. В диссертации Шаховой, защищенной в 2003 г., в параграфе третьем второй главы проанализированы точки зрения исследователей последнего десятилетия (периода 90-х гг.) XX века: А.А. Гусейнова, Ж. Госа, Р. Холмса и др. Как отмечено выше, краеугольным камнем теории ненасилия является отношение к защите и самозащите. Исследовательница видит в современных концепциях дискуссию о трёх вариантах ответа на насилие: пассивность (смирение), контрнасилие (ответное насилие), активное ненасилие¹²⁸. Активное ненасилие соответствует тому, что называется в данной работе собственно ненасилием, то есть умение найти в себе смелость организовать протест без агрессии, в противовес пассивному, отказу от всякого сопротивления. Однако, подчеркнём, пассивное ненасилие не совпадает со смирением. Напротив, нужна определенная доля смирения для того, чтобы уважительно относиться к противнику, несмотря ни на что, и ответить на его действия без агрессии.

В целом современные исследователи считают реальным и возможным применение ненасилия на практике. Однако, по мнению Шаховой, реализация ненасилия в обществе возможна лишь в некоторых, частных случаях. Культура ненасилия остаётся идеалом, той планкой, к которой надо

¹²⁷ Апресян Р. Г. Этика силы – в противостоянии насилию и агрессии / Р. Г. Апресян // Вопросы философии. №9. 2010. С. 143.

¹²⁸ Шахова О. Ю. Историко-культурологическая роль ненасилия в реализации идеала : дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01. Нижневартовск, 2003. С. 131.

стремиться¹²⁹. С другой стороны, в наше время вновь популярны авторы, относящиеся к теории ненасилия как к утопии. В целом такая точка зрения была характерна для советского времени, её придерживались В.И. Ленин и В.Г. Шаумян. Сегодня к подобным взглядам тяготеет А.В. Перцев.

А.А. Гусейнов, Р.Г. Апресян, А.В. Перцев не только переосмысливают опыт ненасилия, но и создают свои собственные, оригинальные концепции движения к идеалу ненасилия.

Тема становится всё более популярной не только в России, но и на западе. Например, только за первые пять месяцев 2013 года в зарубежных научных журналах опубликованы 15 статей по изучаемой проблеме. Кроме того, появляются организации, придерживающиеся ненасильственных взглядов или использующие ненасильственные технологии.

В первую очередь стоит отметить концепцию Дж. Шарпа. В своей работе «От диктатуры к демократии» (1993 г.) он убедительно доказывает, что с помощью простых ненасильственных методов можно совершить государственный переворот, свергнуть тираническую власть без кровопролития и с минимальными материальными и моральными потерями. Дж. Шарп создаёт детальный алгоритм ненасильственных действий, значительно дополняющий алгоритм, созданный М.Л. Кингом.

Методы ненасильственных действий Шарп описывает в приложении к своей книге, подразделяя их на методы ненасильственного протеста и убеждения, методы отказа от социального сотрудничества, методы отказа от политического и экономического сотрудничества, методы ненасильственного вмешательства. Таким образом, он максимально расширяет спектр возможностей ненасильственного воздействия, распространяя его на самые различные сферы жизни. Кроме того, разбор деталей для ненасильственного протеста отчётливо показывает диалектическую взаимосвязь насилия и

¹²⁹ Шахова О. Ю. Историко-культурологическая роль ненасилия в реализации идеала : дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01. Нижневартовск, 2003. С. 156.

ненасилия. Так, сам по себе отказ может быть насильственным, но, сконструированный с определенной социальной целью и в соответствии с определенной формой, становится ненасильственным. Это может быть отказ от общения, социальный бойкот, общественное неповиновение и т.п. Дж. Шарп предлагает использовать такие оригинальные («хитрые») методы, которых не было в практике М. Ганди и М.Л. Кинга как, например, стремление к заключению в тюрьму, двойной суверенитет и создание параллельного правительства, политически мотивированное изготовление фальшивых денег и др. Методы Дж. Шарпа успешно использовались в современных «цветных революциях». Таким образом, положительная оценка опыта ненасилия, развитие и дополнение классических идей привела его к созданию новой практической ненасильственной методики, актуальной и эффективной в современной политике.

А.В. Перцев, считая идею ненасилия утопией, рассматривает учение и практический опыт непротивления несколько по-иному. Подчеркнем, что он не считает данный опыт успешным. «Уже одно то, что виднейшие представители философии ненасилия погибли насильственной смертью, заставляет поставить вопрос о правомерности термина «философия ненасилия». Почему «философия ненасилия» провоцирует насилие, вплоть до убийства?»¹³⁰. В своих работах он доказывает, что именно ненасильственная деятельность М. Ганди и М.Л. Кинга привела к увеличению агрессии в обществе после их смерти. По сути, это объясняется тем, что лидеры ненасилия на самом деле хотели переделать мир, усовершенствовать его, изжить насилие... Но вот парадокс: насилие они и изживали насилием. А.В. Перцев пишет об этом так: «Человек, избравший философию ненасилия в качестве своей практической философии, неизбежно

¹³⁰ Перцев А. В. От Будды до Дж. Неру: философия ненасилия для конфликтологов // URL: <http://abhidharma.ru/A/Raznoe/0010.pdf>. С. 24

обрекает себя на лишения, страдания и даже, возможно, на смерть. Он – святой, подвижник, мученик, каких единицы...»¹³¹.

Несмотря на то, что каждый шаг Ганди был продуман как ненасильственный, он в конце концов был убит представителем традиционного индуизма, а в Индии с удвоенной силой стали нарастать межрелигиозные распри. Происходит отделение Пакистана от Индии, что приводит к обострению религиозных противоречий. Увеличивается количество столкновений мусульман и индусов, появляется большое количество жертв. Попытаемся рассмотреть подробнее деятельность М. Ганди и М.Л. Кинга с различных сторон, предполагая, как и А.В. Перцев, что их философия – это утопия, и ответить на вопрос о том, чем можно объяснить такой всплеск агрессивности в обществе.

А.В. Перцев и В. Островский в своих статьях приводят убедительные доказательства того, что долго сдерживаемое Ганди скрытое насилие в итоге переходит в открытое и массовое. Возрастание агрессии, произошедшее после смерти Ганди, по их мнению, указывает на противоречивость его деятельности и соответственно опыта ненасилия в целом. По их мнению, Ганди сознательно пытался изменить мир, то есть брал на себя роль пророка, настойчиво насаждая «ненасилие». Но постепенно Ганди смиряет свою гордыню и ведет образ жизни подвижника. Его жизнь становится служением ненасилию, которое он воплотил на практике. Однако, например, фанатичное отношение к вегетарианству у Ганди в некоторой степени можно оценить как насилие. Так, в его автобиографии «Моя жизнь» есть эпизод, где он запрещает пить молоко своему ребёнку даже во время болезни, хотя через главу предупреждает, что больным людям от молока отказываться не стоит. Таким образом, можно увидеть противоречие даже в самой биографии М. Ганди, как и в жизни третьего идеолога ненасилия, М.Л. Кинга, погибшего от

¹³¹ Там же, с. 194

рук расистов. После его смерти происходит всплеск агрессии как со стороны белого, так и со стороны темнокожего населения.

Даже в самом алгоритме Кинга обнаруживается интересное противоречие: ненасилие означает отказ от какого-то ни было насилия по отношению к врагу, соответственно, и от защиты, и от самозащиты, а в систему Кинга включается своеобразная «вежливая» самозащита. Отметим, что её нет у Толстого и даже у Ганди, она появляется именно у Кинга. Но защита и самозащита с использованием исключительно ненасилия даже в случае физического нападения является не достаточной. Как справедливо отмечает А.В. Перцев, Ганди и Кинг невольно становятся жертвами своих врагов. Так происходит потому, что философия ненасилия может отвергать защиту и самозащиту. Так, в алгоритме Кинга вербальная самозащита существует, но исключается физическая агрессия любого рода, даже в случае нападения. Подчеркнем, что, по его мнению, важно не отвечать на нападки противника и принимать страдания как должное¹³².

Важную роль играет не только белый, но и так называемый «чёрный расизм», который так пытался сдерживать Кинг. Были зафиксированы случаи агрессивного поведения афроамериканцев по отношению к белым. «Убийство М.Л. Кинга вызвало волну недовольства и ненависти в черных гетто Америки. Стихийные митинги и демонстрации протеста вылились в яростные стычки с полицией и войсками... За неделю, с 4 по 11 апреля 1968 г., негритянские волнения охватили столько же городов, сколько за весь 1967 г.»¹³³. Каким образом общество, которое обрело права и свободы, вновь заражается насилием? Дело в том, что далеко не все права были отвоеваны при жизни Кинга, а те льготы, которые были приобретены, зачастую оказывались существенно ограниченными. Не удивительно, что следствием этого стал взрыв негативных эмоций темнокожих граждан, агрессии и

¹³² Ненасилие: Философия, этика, политика / А.А. Гусейнов, В.С. Степин, ж. Госс и др., Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Наука, 1993. С. 184.

¹³³ Нитобург Э. Л. Афроамериканцы США : XX век : этноисторический очерк / Э.Л. Нитобург. М.: Наука, 2009. С. 363.

насилия¹³⁴. Этот кратковременный период агрессии пройдет, однако будет повторяться волнообразно.

Подчеркнем, что Ганди и Кинг как духовные вожди нации сумели сдерживать волну насилия, однако их усилий хватило только на определённый период. Ибо «мир чересчур несовершенен, а люди чересчур слабы и испорчены, чтобы всегда удовлетворять требованиям философии ненасилия; по этой причине обычному человеку – не подвижнику и не святому – невозможно руководствоваться принципами ненасилия на практике... Если вдуматься, такое представление о философии ненасилия представляет собой утонченное оправдание насилия»¹³⁵. Наконец, «решение всех моральных проблем» в этике ненасилия «оказывается исключительно авторитарным», «сторонники «философии ненасилия» обычно готовят своих приверженцев к тому, чтобы они «стойко выносили испытания», тем самым «провоцируя насилие со стороны властей»¹³⁶. Так можно объяснить тот факт, что после смерти идеологов ненасилия возникли большие вспышки агрессии. К тому же стоит добавить, что по мнению того же Перцева, и Ганди, и Кинг стали жертвами своих врагов не случайно. Все дело в их виктимной психологии, или психологии жертвы. Однако из выше приведенных фактов не следует, что А.В. Перцев считает этику ненасилия идеализированной философией, которая не может дать положительных результатов, потому что исследователь не отрицает того, что «концепции философов ненасилия могут быть полезны и ценны в той части, в какой они доказывают бесполезность силового решения проблем, неэффективность подавления конфликтов без устранения причин, их вызывающих»¹³⁷. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что агрессия действительно во многом была спровоцирована практикой ненасилия. Но это не умаляет вклада идеологов

¹³⁴ Курлански М. 1968. Год, который потряс мир / Марк Курлански [пер. с англ. А. В. Короленкова, Е. А. Семеновой]. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2008. С. 21.

¹³⁵ Перцев А. В. От Будды до Дж. Неру: философия ненасилия для конфликтологов // URL: <http://abhidharma.ru/A/Raznoe/0010.pdf>. С. 195.

¹³⁶ Там же, с. 200.

¹³⁷ Перцев А. В. От Будды до Дж. Неру: философия ненасилия для конфликтологов // URL: <http://abhidharma.ru/A/Raznoe/0010.pdf>. С. 201.

ненасилия в политику и философию, и в целом их деятельность можно назвать успешной.

Негативно относятся к применению ненасильственных методов в политике некоторые современные зарубежные исследователи, например, В. Мейерс. По его мнению, «ненасилие провоцирует насилие государства и корпораций. Идеология ненасилия создаёт эффекты, обратные тому, что она обещает»¹³⁸. Мейерс глубоко прослеживает глубинные аспекты ненасильственного воздействия в политике и его успеха, которое, по сути, является ничем иным, как скрытым насилием. Фактически Мейерс применяет диалектический подход к проблеме и на этом основывает свою собственную концепцию. На его взгляд, достичь мира и дипломатии в обществе можно, если применить ограничение насилия, которое в итоге станет гораздо эффективнее классического ненасильственного подхода. При этом отметим, что практика идеологов ненасилия (Л.Н. Толстого, М. Ганди, М.Л. Кинга) была устремлена к этой же цели, однако им не удалось добиться ее в полной мере. Однако в современном мире всё происходит именно по тому сценарию, который озвучивает Мейерс. Ибо если целью ненасильственных революций в Индии и Америке являлось установление социальной справедливости, то целью нынешних, «цветных революций» является передел власти, поиск выгоды определённых, заинтересованных в этом сторон. Данная ситуация показывает, что ненасильственные методы можно применять как во благо (освобождение народа), так и для завоевания, даже для создания открытой или скрытой колониальной зависимости. В. Мейерс подчёркивает, что абсолютного ненасилия стоит остерегаться, и продвигает собственную концепцию, выступая за ограничение насилия. Но это ограничение отличается от сопротивления злу силою (И.А. Ильин) и от необходимости противления (Р. Апресян). По мнению В. Мейерса, необходимы оборона и самооборона в их рациональных, строго лимитированных формах. Следует

¹³⁸ Meyers W. Nonviolence and Its Violent Consequences // URL: <http://www.iiipublishing.com/>

согласиться с ним в том, что самооборона обезвреживает агрессию и является более эффективным принципом, особенно когда вызревает до идеи коллективной обороны и защиты родины. Мейерс безусловно прав, утверждая, что при самообороне и коллективной обороне, правильно интерпретированных после тысячелетий экспериментов, можно использовать столько насилия, сколько нужно, чтобы прекратить посягательство. Конечно, таким подходом могут злоупотреблять лицемеры. Римляне использовали самооборону как повод для того, чтобы захватить территорию и править ею¹³⁹. То есть у Мейерса привычное представление о ненасилии существенно видоизменяется: ненасилие – это сознательно ограниченное насилие, и границы его он указывает – есть золотая середина, здравый смысл, когда насилие используется для защиты государства и самообороны, но такое использование не должно быть обманом, лицемерием, не должно быть произведено с целью захвата. А классическая концепция ненасилия, по мнению Мейерса, приводит к насилию.

Точки зрения Р.Г. Апресяна и В. Мейерса схожи и отличаются лишь одним небольшим нюансом. Р.Г. Апресян ратует за ограничение насилия, а В. Мейерс говорит об ограничении, которое в сущности своей и будет являться ненасилием. Соответственно классические концепции ненасилия оцениваются ими негативно. Отрицается ими и радикальный пацифизм.

В центре современной дискуссии по проблеме насилия и ненасилия стоит вопрос о самозащите и защите. А на отказе от защиты и самозащиты основывается крайне пацифистское мировоззрение. В современных работах преобладает осмысление опыта XX века – революций, первой и второй мировых войн, холодной войны, современных военных конфликтов (в Косово, в Чечне, в Ираке, Ливии, Сирии), а также «цветных революций». Этот анализ приводит многих исследователей к абсолютному отрицанию войны, к необходимости доносить до людей различными способами идеи

¹³⁹ Meyers W. Nonviolence and Its Violent Consequences // URL: <http://www.iiipublishing.com/>

ненасильственного сопротивления и дипломатического решения международных конфликтов. Эта точка зрения в основном совпадает со взглядами идеологов этики ненасилия. Не случайно в последние годы появляется большое количество научных статей, посвящённых истории ненасилия и связанной с ней темой пацифизма.

Дэйрил Чарльз в своей статье «Пацифисты или патриоты?»¹⁴⁰ на основе первоисточников, которыми являются писания первых Римских Пап, убедительно доказывает, что раннехристианская церковь признавала именно пацифистскую точку зрения. Он подчёркивает, что свои истоки движение пацифизма берёт именно в доконстантинопольский период. Чарльз также обращается к трудам теологов Тертуллиана и Оригена и подчёркивает, что у них можно найти однозначно негативное отношение к военной службе и строгий запрет для христиан участвовать в ней. Однако после IV века церковь всё более срастается с государством и участие христиан в военной службе является следствием компромисса церковного и государственного институтов. Именно за это Л.Н. Толстой справедливо критиковал церковные порядки; именно на этой почве появляются твёрдые основания для существования абсолютного пацифизма. Государство взяло верх, и документы первых веков существования христианской церкви переписывались и смешивались, так что отыскать истину ученым, богословам и философам сложно. Споры о том, есть ли в Евангелии разрешение на войну и военную службу, продолжаются вплоть до сегодняшнего дня. Отметим, что учения Тертуллиана и Оригена современные православная и католическая церковь признают еретическими. Следовательно, такие взгляды возникают в процессе становления церковного института, но не являются истинными с точки зрения признанных христианскими конфессиями толкований Евангелия на протяжении веков.

¹⁴⁰ Charles J. Daryl. Pacifists, Patriots, or Both? Second Thoughts on Pre-Constantinian Early-Christian Attitudes toward Soldiering and War // Logos: A Journal of Catholic Thought & Culture. Spring 2010. Vol. 13. Issue 2. P.17-55.

Традиция церкви такова, что за образец берется скорее миролюбие, а не пацифизм, допускается защита государства либо человеческой личности от врагов и нападения. Но в своём исследовании Чарльз показывает, что пацифистские воззрения исторически верны.

К идеологии пацифизма примыкает и А. Форчун. Он считает, что даже в ситуациях, напрямую угрожающих жизни человека, нельзя применять ответную жестокость¹⁴¹. По сути, его точка зрения близка толстовской. В своей статье вопрос о защите и самозащите он оставляет открытым, подчёркивая, что нельзя защищаться с помощью физического насилия. Таким образом, он не только положительно оценивает опыт ненасилия, но и отвергает важность защиты как таковой. Но позволим себе с ним не согласиться: он выбирает путь абсолютного ненасилия, который, как отмечают многие другие исследователи, ведёт к ещё большему насилию и агрессии. Кроме того, на основе психологических исследований доказано, что без самозащиты (и физической, и психологической) агрессия в межличностных отношениях только увеличивается, что будет подробнее рассмотрено ниже, в главе второй. То же самое происходит и при отсутствии политической, государственной защиты.

Более объёмно, учитывая самые различные точки зрения, проблемы насилия и ненасилия, войны и мира, защиты и самозащиты рассматривает Д. Кэди. Он пишет о войне как о форме насилия и задаётся вопросом: насколько война морально оправдана? Кэди «обосновывает необходимость нового пацифистского мышления в противоположность господствующему в современных западных обществах уоризму, мышлению, принимающему и даже оправдывающему войну»¹⁴². В своей книге «От уоризма к пацифизму» он создаёт шкалу, по левую сторону которой находится крайняя степень уоризма, а по правую – пацифизма. Он чётко выделяет плюсы и минусы

¹⁴¹ Fortune A. Violence as Self-Sacrifice: Creative Pacifism in a Violent World // Journal of Speculative Philosophy. Vol. 18. No. 3, 2004. P. 184-192.

¹⁴² Кэди Д.Л. От уоризма к пацифизму. Моральный континуум. М.: ИНИОН, 1992. С. 3.

уоризма и пацифизма. По его мнению, природа пацифизма часто воспринимается обществом как исключительно пассивная, однако это не так, что отражено уже в самом термине «пацифизм» («рах + facere» от лат. «делать мир»). Кроме того, существует тенденция сводить весь спектр пацифистских точек зрения к единственной крайней и в самом деле абсурдной форме, абсолютно отрицающей насилие¹⁴³.

На одном конце шкалы Кэди находится реализм – высшая степень уоризма, то есть моральное оправдание войны, вне зависимости от того, что она несет, добро или зло. Далее, в рамках уоризма существуют различные точки зрения, в той или иной степени принимающие войну, которые он объединяет под названием «справедливый уоризм». В своей работе Кэди убедительно доказывает несостоятельность аргументов за войну, в том числе основанных на критериях справедливости либо несправедливости войны. Противоположным краем континуума является абсолютный пацифизм, к которому он относит точки зрения Л. Толстого, И. Канта, М.Л. Кинга, подчеркивая, что такая крайняя форма пацифизма не является особо популярной. «Еще один чёткий шаг в сторону от абсолютного пацифизма – это оправдание в принципе применения силы, которая не вызовет смерть, – например, в целях самозащиты от неспровоцированного физического нападения»¹⁴⁴. Между полюсами размещаются различные разновидности пацифизма.

«Ведь помимо своей крайней формы – абсолютного отрицания войны – некоторые формы пацифизма также выступают за моральное ограничение как на этапе подготовки к войне, так и в ходе её ведения. В рамках пацифизма также уживается целый набор взглядов (континуум), которые отражают разную степень оппозиции войне»¹⁴⁵. Однако конечной целью пацифистов различного толка всегда является мир. По их мнению, война

¹⁴³ Там же, с. 5.

¹⁴⁴ Кэди Д.Л. От уоризма к пацифизму. Моральный континуум. М.: ИНИОН, 1992. С. 13

¹⁴⁵ Там же, С. 10

всегда является большим злом, даже если приносит добро, а именно последнее часто является оправданием для уористов. Кэди условно делит виды пацифизма на две больших группы: те, что находятся правее на шкале, говорят об отсутствии у человечества моральных прав на военные действия и считают войну злом; те, что левее, говорят о результатах войны, отрицая её из-за негативных последствий: «...наиболее слабая форма пацифизма (возможно, на стыке пацифизма и «справедливого уоризма») – это прагматический пацифизм, согласно которому войну нельзя оправдать, потому что она увеличивает нищету»¹⁴⁶.

Мирное сосуществование людей возможно, если видеть прежде всего добрые стороны действительности. Уористы считают такой взгляд утопией; однако пацифисты видят в этом путь к гармонии в обществе и миру во всём мире. Более того, Д.Л. Кэди так же, как и Дж. Шарп, подчёркивает, что есть множество актуальных ненасильственных методов, эффективных для достижения всеобщего мира. Кэди считает, что при рациональном и продуманном подходе всеобщий мир действительно возможен.

И. Чернус, профессор религиоведения из США, занимается проблемой отказа от насилия. Отмечает значимую роль Г. Торо в истории ненасилия. Сравнивает взгляды на установление мира во всём мире Эйзенхауэра и М.Л. Кинга. Ключевыми для понимания их концепций выступают понятия насилия и ненасилия. Эйзенхауэр ратует за вооружение США, укрепление армии, допускает вмешательство в военные конфликты других стран для их урегулирования. Кинг верит в то, что можно создать мирное общество любви («beloved community»), построенное на принципах ненасилия. Кроме того, важно и стремление каждой отдельной личности к миру, которое может произойти благодаря отказу от эгоизма. По Эйзенхауэру, борьба мира против войны будет существовать всегда, а задача государства – оградить людей от войны. «Война, пока она холодная, есть мир. И миру необходима

¹⁴⁶ Там же, с. 15

бесконечная война... Мир в конце концов сдерживает человеческую натуру, добровольный самоконтроль предотвращает эгоистические желания и хаос...»¹⁴⁷. По мнению Чернус, если бы Эйзенхауэр знал о Кинге, он бы счёл его взгляды на построение всеобщего мира нереалистичными. Однако Чернус считает систему Кинга более систематичной. Он подчёркивает, что Кинг прослеживает диалектическое взаимодействие насилия и ненасилия, понимая, что человек от природы не склонен к тому или другому, всё зависит от того, в какую сторону он повернется. Важнейшим шагом к ненасилию является выбор интереса других вместо собственной эгоистической выгоды. То есть от самосовершенствования каждой отдельной личности зависит состояние общества в целом и его существование в мире, либо в войне.

«Однако, кинговское понимание ненасилия предполагает, что мир из общества любви – это не только далекая эсхатологическая цель. Каждый ненасильственный акт делает мир ближе к обществу любви в настоящем»¹⁴⁸. Концепции Эйзенхауэра и Кинга не похожи и в некоторых моментах даже противоположны, однако ценны тем, что представляют собой два практических пути к постоянному миру, так необходимому современному обществу.

Как верно отмечает А.П. Назаретян, результатом отказа от насилия не всегда будет ненасилие и наоборот. Например, современное общество стремится к разоружению и постепенно идет к максимальному уменьшению количества оружия, что порождает возникновение всё более изощренных террористических технологий¹⁴⁹.

Путем подсчётов, А.П. Назаретяну удастся доказать, что на сегодняшний день убийств совершается меньше, чем в прошлом. На протяжении истории уровень насилия постепенно снижается. Данный уровень насилия регулируется обществом и не может быть гармонизирован

¹⁴⁷ Chernus I. President Eisenhower and Dr.King on Peace and Human Nature // Peace and Change. Jan2008. Vol.33. Issue1. P. 124.

¹⁴⁸ Там же, р. 134.

¹⁴⁹ Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации : очерки по эволюционно – исторической психологии. М.: URSS: Издательство ЛКИ, 2008. С. 237.

с помощью природных механизмов, что можно описать с помощью «простой математической модели «волки – зайцы»: с увеличением численности волков на территории сокращается количество зайцев, влекущее за собой массовую гибель волков, лишившихся кормовой базы, что, в свою очередь, обуславливает рост заячьего, а затем и волчьего поголовья и т. д.»¹⁵⁰.

Значит, с одной стороны, в природе и истории есть определенная гармония насилия и ненасилия, стихийная, баланс которой регулируется сам по себе; с другой стороны, эта гармония поддерживается общественной нравственностью, сознательно ограничивающей насилие. Сокращение насилия, согласно Назаретяну, можно назвать путем к ненасилию. Он убедительно доказывает, что в историческом процессе ненасилие эволюционирует и прогресс его обусловлен переходом агрессии в виртуальное русло. «В таком мире ненасилие слабости способно образовать аморфную нежизнеспособную субстанцию, а потенциал самоорганизации обеспечивается ненасилием силы»¹⁵¹. А.П. Назаретян, таким образом, показывает диалектическое единство насилия и ненасилия, получающее выражение во взаимодействии общества и природы.

Единство насилия и ненасилия в природе и обществе с различных сторон рассматривает А.М. Ковалев. А.М. Ковалёв считает, что в обществе существует гармония насилия и ненасилия, добра и зла¹⁵². Он считает, что добро и зло регулируются самой природой. У Ковалева есть мысль о том, что добро и зло взаимодействуют. Однако для гармонии в обществе, как и в природе, необходимо присутствие и насилия, и ненасилия, процесс регулирования которых происходит с помощью природных и общественных механизмов. «В конечном счёте, насилие, сила в природе и обществе – это способ самоутверждения при отсутствии для этого необходимых условий...

¹⁵⁰ Назаретян А.П. Историческая эволюция морали: прогресс или регресс? // Вопросы философии. 1992. №3. С.85.

¹⁵¹ Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации : очерки по эволюционно – исторической психологии. М.: URSS: Издательство ЛКИ, 2008. С. 239.

¹⁵² Ковалев А. М. Способ духовного производства в структуре общества : идеи, размышления, гипотезы. М.: Московский университет, 2001. С. 346.

Неслучайно, что бессилие при определенных условиях может сыграть роковую, отрицательную роль. Вместе с тем и излишняя сила к тому же, если действовать ею неумело, может подавить саму жизнь (сверхсила у животного, атомная бомба у человека)»¹⁵³.

Как считает А.М. Ковалев, Толстой прав в том, что проблему насилия и ненасилия необходимо решать обществу в целом. Однако заблуждается, отрицая существование границ насилия и ненасилия, которые объективно существуют. Но как определить данные границы и в природе, и в обществе? Насилие необходимо для сохранения жизни, то есть для защиты и самозащиты. Насилие, которое используется не с целью защиты и самозащиты, приобретает извращенные формы. Таким образом, определяется предел использования насилия, и соответственно, ограничение насилия возможно и необходимо. Ограничить насилие можно с помощью выстраивания социально справедливого общества, хотя, как верно отмечает А.М. Ковалев, это не сможет исключить его совсем. Насилие и ненасилие нужно рассматривать в целостности, а не в отрыве друг от друга. Прогресс возможен только при взаимодействии двух противоположных начал, которое происходит и в сфере межличностных, и в сфере общественных отношений. На протяжении истории мыслители часто преувеличивали роль насилия (К. Маркс) или ненасилия (Л.Н. Толстой, М. Ганди). Но для урегулирования общественных конфликтов нужно комбинировать насильственные и ненасильственные методы, как считает А.М. Ковалев.

По мнению Ковалева, «убийство человека, покушающегося на жизнь другого человека, нередко бывает не только оправдано, но и полезно для общества»¹⁵⁴. Развитие происходит через противоречие, борьбу, и в то же время противоречие составляет единство. Согласимся с Ковалевым, что насилие можно считать протестом, борьбой. Он делает неожиданные

¹⁵³ Ковалев А. М. Способ духовного производства в структуре общества : идеи, размышления, гипотезы. М.: Московский университет, 2001. С. 359.

¹⁵⁴ Ковалев А. М. Способ духовного производства в структуре общества : идеи, размышления, гипотезы. М.: Московский университет, 2001С. 340.

выводы: тогда ненасилие можно отождествлять с единством. «Однако поскольку в основе лежит единство, то не борьба, не насилие, а именно ненасилие выступает основной тенденцией общества и мироздания. В соответствии с этим и добро связано с укреплением единств и целостности, их консолидацией, тогда как зло ведёт к разобщенности и расколу»¹⁵⁵. Мир не смог бы развиваться, если бы в нём существовало только ненасилие. Концепция А.М. Ковалева является золотой серединой между крайними полюсами абсолютного насилия и абсолютного ненасилия, ибо одно не может существовать без другого и вместе составляет гармонию мира.

Взяв за основу типологию, предложенную Д. Кэди, можно изобразить разнообразие современных концепций, рассмотренных нами, в виде шкалы ненасилия – насилия.

Крайнюю левую точку шкалы идентифицируем с абсолютным ненасилием, а крайнюю правую – с абсолютным насилием. На одном из полюсов находится «непротивление злу силою» Л.Н. Толстого и индийские религиозные учения о невреждении всему живому. В непосредственной близости от полюса – концепции М. Ганди и М.Л. Кинга. Итак, на этом отрезке находится целая ветвь, которая условно в данной работе называется «собственно философией ненасилия». К этой же ветви примыкает теория благоговения перед жизнью А. Швейцера.

На некотором удалении от полюса располагается широкий пласт концепций с выраженным пацифистским уклоном, отрицание защиты и самозащиты (А. Форчун).

Несколько дальше, но ещё в непосредственной близости от крайней точки абсолютного ненасилия, располагается ответвление, включающее взгляды исследователей, которые считают опыт ненасилия достаточно успешным и видят в нем потенциал для эффективного разрешения проблем

¹⁵⁵. Там же, с. 343.

(А.А. Гусейнов, В.С. Степин, Л.Н. Вшивцева, Е.Д. Мелешко, М. Эгути, Н.Г. Пряхин, И.В. Корельский, А. Гжегорчик).

Ближе к середине шкалы располагается теория Дж. Шарпа, допускающего двойственные методы ненасильственного протеста. Здесь же и точка зрения И. Чернус, балансирующая между «обществом любви» (Кинг) и «сдерживанием человеческой природы» (Эйзенхауэр).

Наконец, точно посередине располагается точка зрения Ковалева – гармония насилия и ненасилия. Недалеко от нее, но ближе уже к правому концу шкалы (абсолютному насилию) находится взгляд А.П. Назаретяна, считающего, что ненасилие эволюционирует, регулируясь самой природой, как это ни парадоксально, в том числе с помощью агрессии. Рядом с А.П. Назаретяном поместим точку зрения И.А. Ильина, по мнению которого принуждение и насилие необходимы в некоторых пределах, границы которых он определяет в своей книге «О сопротивлении злу силою».

Далее на отрезке между «золотой серединой» и «абсолютным насилием» разместится ещё множество точек зрения, среди которых выделим взгляды А. Мейерса, А. Перцева, Р. Апресяна. Их мнения можно объединить в формулу «ненасилие равно скрытое насилие».

За ними, максимально близко к правой точке шкалы, располагаются взгляды К. Маркса и В.И. Ленина, сторонников активного применения насилия.

Однако полюс остается незанятым, так как за абсолютное насилие из рациональномыслящих философов не высказывался никто. Таковых быть и не может, ибо, как верно отмечает А.А. Гусейнов, нелогично говорить об «этике насилия». Этика не может быть основана на насилии, тем более на насилии абсолютном. Употребление силы возможно во имя добра, блага, в качестве защиты или самозащиты, но и в таких случаях насилие ограничено. В противном случае, общество в короткий срок уничтожило бы себя само. Абсолютное насилие – такая же утопия, как и абсолютное ненасилие, которое трансформируется в насилие. Если мысленно

перевернуть шкалу, можно увидеть, что точки зрения меняются на противоположные.

Данная схема, конечно, условна, но те, кто исключительно положительно оценивает теорию и практику ненасилия, не берут в расчёт тот факт, что каждый раз опыт ненасилия приводил к развитию агрессии в обществе. Мыслители, выступающие за ограничение насилия, напротив, становятся приверженцами ненасильственного мировоззрения, так как убедительно доказывают, что всеобщий мир достигается с помощью ограничения насилия. Такое ограничение, пусть даже с употреблением агрессии (и возможно, физической) для защиты и самозащиты является прямой дорогой к истинному ненасилию. То же можно сказать о Марксе и Ленине, которые выступают за применение насилия во имя светлого будущего, во благо человечества, для создания благополучных социальных условий, при которых уровень насилия уменьшился бы. То есть взгляды исследователей, размещённые на левом конце шкалы, оказываются на правом и наоборот. Неизменной остаётся только позиция золотой середины, гармонии насилия и ненасилия в природе и обществе. Иными словами, общество движется не к абсолютному ненасилию (являющемуся практически утопией), а к уменьшению уровня, степени насилия. Шкала иллюстрирует диалектическое взаимодействие противоположных начал. С одной стороны абсолютное ненасилие порождает насилие, а с другой – насилие может вести к истинному ненасилию. Парадоксальность явления требует диалектического подхода.

Шкала помогает увидеть, что противоположные начала являются частями целостности, они гармонично взаимодействуют в природе и обществе, человек может лишь сознательно ослабить насилие или использовать его элементы в гуманных целях. Абсолютизация же одного из начал может приводить к опасным последствиям, к результатам, прямо противоположным предполагаемым, а крайняя абсолютизация любого из них приводит к утопии. Однако это не означает, что необходимо отказаться от

концепции ненасилия сейчас. Она по-прежнему является одной из ступеней к нравственному самосовершенствованию личности и шагом к совершенствованию общества и достижению мира между государствами.

Диалектика ненасилия и насилия такова, что невозможно совсем избежать насилия, но можно уменьшить его степень. Поддержим точку зрения сторонников «прагматического ненасилия» (так называют сторонников данных взглядов А.А. Гусейнов). Именно позиция «за уменьшение насилия» (а не утопия абсолютного ненасилия) может дать реальный практический результат. Её поддерживают Р.Г. Апресян, В. Мейерс, А.М. Ковалев. Они же определяют границы применения насилия, которые устанавливаются, в частности, при рассмотрении вопроса о защите и самозащите. Более того, на практике возможен синтез насильственных и ненасильственных методов. При этом для достижения мира и уменьшения конфликтов подойдет богатый инструментарий, исторически созданный в рамках этики ненасилия.

Современные ученые переосмысливают опыт ненасилия, в дополнение к нему создают собственную концепцию, являющуюся продолжением классических наработок (яркий пример – Джин Шарп). В своём практическом варианте теория ненасилия активно используется, и её популярность среди современных мыслителей доказывает её эффективность при рациональном (не в крайних вариантах) использовании в межличностном и общественном взаимодействии, при урегулировании частных и международных конфликтов. Она остаётся эффективным способом достижения независимости той или иной этнической группой.

Итак, в данной главе был прослежен процесс формирования концепции ненасилия на протяжении истории и показаны её основные особенности на различных исторических этапах. Особое внимание было обращено на отечественную традицию. Раскрыто содержание полемики вокруг наследия Л.Н. Толстого с точки зрения её актуальности для современной эпохи, что способствовало выработке гибкой, реалистической позиции. Вскрыты

основные особенности современных концепций ненасилия, обозначены внутренние потенции, тенденции их развития и, таким образом, начат категориальный анализ насилия и ненасилия как фундаментальных способов социального взаимодействия. Показано, что насилие и ненасилие являются диалектически взаимосвязанными, исторически эволюционирующими, фундаментальными принципами человеческого бытия и должны рассматриваться в неразрывной взаимосвязи. Сущность ненасилия не сводится к формальному отсутствию насилия, а раскрывается через положительное содержание категорий сотрудничества, терпимости, солидарности, любви, защиты от посягательств на жизнь, свободу и достоинство человека, народа, человечества. Предложена классификация концепций ненасилия, осуществлён сравнительный анализ классических концепций и современных подходов, для чего разработана специальная шкала.

Таким образом, предпринятый анализ подготовил почву для того, чтобы перейти к рассмотрению диалектики насилия и ненасилия в современном обществе. Она проявляется в современной жизни в различных вариантах, на различных уровнях индивидуального и общественного бытия, во многом обуславливая развитие цивилизации в целом и отдельных стран, ход познания и созидания, соотношение коллективного и индивидуального.

ГЛАВА 2. ДИАЛЕКТИКА НАСИЛИЯ И НЕНАСИЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

2.1. Насилие и ненасилие на уровне социальных отношений

Опираясь на результаты анализа, предпринятого в предыдущей главе, рассмотрим диалектику насилия и ненасилия сначала на уровне социальных отношений, а затем на уровне отношений межличностных. Человеческое бытие – всегда бытие социальное, отношение человека к самому себе, к миру, культуре, культурным ценностям, наконец, к другому «Я» всегда

опосредовано специфическим ансамблем социальных отношений. Вот почему логично начинать именно с них, а, например, не со структуры личности или не с диалога «Я – Ты».

Как было показано в первой главе, веками ненасилие мыслилось, прежде всего, как принцип этический. Впоследствии же на первый план стали выходить и другие аспекты. В результате переосмысления собственно этического принципа ненасилия с позиций социальной философии, то есть в более широком социально-философском ключе, ненасилие следует определить как принцип и, соответственно, идеал, в соответствии с которым функционирование общества должно в максимально возможной степени исключать любые проявления насилия.

Если под принципом понимается некоторое руководящее положение, фундаментальная установка и, соответственно, некоторая существенная особенность явления (в нашем случае – человеческого общества), то под идеалом понимается некоторый образец, цель социального процесса, высшая общественная ценность, эталон высоких личностных качеств, совершенство.

Как известно, научное понятие всегда развертывается в систему категорий. Для того, чтобы раскрыть содержание концептов насилия и ненасилия, необходимо уточнить ряд терминов и выстроить, насколько возможно, более или менее отрефлектированный понятийный аппарат.

Очевидно, ясность понимания сущности ненасилия неразрывно связана с ясностью и отчетливостью понятия насилия и разграничением насилия и принуждения. Прежде всего, само определение насилия нуждается в корректировке.

Обычно дифференцируется насилие физическое и психическое. Одним из наиболее точных представляется определение насилия в российском праве: «Физическое насилие выражается в непосредственном воздействии на организм человека: нанесение побоев, телесных повреждений, истязаний различными способами (в том числе с применением каких-либо предметов и веществ) и т. д. В результате физического насилия потерпевшему могут быть

причинены мучения, нанесен вред здоровью. Психическое насилие заключается в воздействии на психику человека путем запугивания, угроз (в частности, угроз физической расправой), чтобы сломить волю потерпевшего к сопротивлению, к отстаиванию своих прав и интересов»¹⁵⁶.

Несмотря на точность юридического определения, необходимо дать такое определение, которое позволяло бы выйти на уровень философского обобщения. «Насилие (буквально: делание чего-либо через силу, принуждение силой) – общественное отношение, в ходе которого одни индивиды (группы людей) с помощью внешнего принуждения, представляющего угрозу жизни вплоть до ее разрушения, подчиняют себе других, их способности, производительные силы, собственность...»¹⁵⁷. По мнению Маркса, власть всегда связана с насилием, которое существует и в природе, и в обществе. Многие исследователи считают, что власть сама по себе и её возникновение в обществе являются насилием. На нём держится система охраны государства, институт армии. Насилие имеет целью ограничить волю людей и их свободу. На протяжении истории представление о насилии было различным, а соответственно, и представление о ненасилии, потому что их диалектическая взаимосвязь прослеживалась всегда. К сожалению, нет чёткого эмпирического метода или эксперимента, с помощью которого точно можно было бы определить, что является проявлением насилия, а что – ненасилия.

Особая сложность в разработке понятия ненасилия связана как раз с различным толкованием данного термина, с использованием герменевтического метода, который соответственно применяется и в данном исследовании. С целью точного определения граней насилия и ненасилия можно, конечно, привлечь и данные социологических опросов, но и в них в связи с человеческим фактором будет присутствовать существенная доля

¹⁵⁶ Барихин А. Б. Большая юридическая энциклопедия. М.: Книжный мир, 2010. С. 477.

¹⁵⁷ Этика : энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001. С. 303.

субъективного мнения. Ведь одному насилие видится в разговоре на повышенных тонах, а для другого порка не является насилием, а лишь нужным способом воспитания. Понятия о насилии и ненасилии, как уже не раз отмечалось, меняются на протяжении эпох: как минимум, каждые полвека представление меняется. И всё же разграничение насилия, принуждения и ненасилия остается чуть ли не единственным способом прояснения данных понятий.

Если насилие наносит вред, ущерб по отношению к терпящему насилие, то принуждение, напротив, имеет цель принести пользу, пусть даже ценой насилия. Например, диета для больного, воспитание для ребёнка и т. п. Различия насилия и принуждения достаточно точно описаны в уже рассмотренной выше работе И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою». «Противодуховно и противолюбовно не понуждение и пресечение, а злобное насилие; совершая его, человек всегда неправ: и тем, что зол; и тем, что объективировал свою злобу... Понуждение, направленное против злодея, и злобное насилие, против кого бы оно ни было направлено, – не одно и то же; смешение их непредметно, несправедливо, пристрастно и слепо»¹⁵⁸. Духовное принуждение может иметь насильственный порыв: ведь необходимо заставить, принудить себя или другого. Волевое понуждение может даже вести к страданию, но ради блага. Пользу принуждения и возможность его использования наряду с принципом ненасилия отмечает психолог Ю.М. Орлов.

Различия насилия и принуждения, как правило, не выделяются в словарях, более того – «насилие» определяется через «принуждение», что зачастую приводит к путанице и подмене данных понятий. Насилие, как правило, связано с угрозой жизни, за исключением вербального насилия. Однако вербальное насилие тогда является насилием, когда причиняет психологический вред терпящему насилие. В противном случае можно

¹⁵⁸ Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. М.: Айрис-пресс, 2005. С. 73.

говорить о вербальном принуждении. По-прежнему не существует точного определения понятия «принуждение». Одни учёные отождествляют принуждение с насилием, другие – нет. При этом ни в толковых, ни в социологических, ни в политических словарях нет единства в понимании этого термина.

Одно из лучших определений принуждения находим в «Словаре по этике» (под ред. Гусейнова и Кона, 1989 г.): «Принуждение – опирающееся на авторитет и силу власти социального института или лица воздействие на человека или группу людей с целью осуществления требуемых действий, выработки определённых форм поведения, поддержания общественной дисциплины. Принуждение используется как в социальной политике, так и в воспитании прежде всего применительно к людям с отклоняющимся поведением, с неприемлемым для общества образом жизни»¹⁵⁹.

Иногда подчёркивается, что и принуждение может иметь негативную эмоциональную окраску, хотя доминирует более положительное представление о принуждении по сравнению с насилием. Всё зависит от расстановки приоритетов: принуждение – это в первую очередь установление санкций и наказание или вынужденное средство применить силу с целью отвести человека от порока? Второй вариант представляется более уместным и близким к реальной действительности.

Принуждение – это воздействие на волю человека без угрозы для его жизни, возможно, с целью принести его личности пользу. Насилие приводит к разрушению личности, к подрыву социального прогресса, к ограничению свободы и счастья человека, а принуждение – нет. То есть насилие и принуждение можно различить в зависимости от их целей и практических результатов. Принуждение же можно рассматривать как один из моментов диалектического перехода насилия и ненасилия.

¹⁵⁹ Словарь по этике / Под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. М.: Издательство политической литературы, 1989. С. 273.

Но где всё-таки точные границы между насилием и принуждением? Их проведение связано с вопросом об оправдании насилия. «Наиболее широко представлена третья позиция, по отношению к которой первые две являются маргинальными; в соответствии с ней насилие может быть духовно, нравственно оправданно»¹⁶⁰. Следовательно, необходима чёткая градация, что является угрозой для жизни и в каких ситуациях насилие может принести пользу. О такой необходимости пишут многие исследователи, в частности, как уже упоминалось, Р.Г. Апресян. В исключительных случаях насилие может привести к положительному результату в воспитании, типичный пример – отучить ребенка от курения, либо насилие может применяться по отношению к самому себе для искоренения вредных привычек, но как правило в воспитании более эффективным оказывается использование принуждения.

Принуждение постоянно используется и в образовании. Принуждение не связано с угрозой жизни для человека, но может вызывать не очень приятные эмоции для того, кто испытывает принуждение. В том примере, который приводился выше (больной и его лечение) такие эмоции может вызвать горькое лекарство.

Соответственно, можно выделить диалектические пары, в которых конституируются противоположные начала, связанные с исследуемыми понятиями. Такие пары, отражающие диалектическое взаимодействие насилия и ненасилия, существуют в различных сферах: социальной, сфере действий, чувств и эмоций. Можно разбить понятия на две группы: те, что преимущественно связаны с насилием, и те, что связаны с ненасилием.

Стоит выделить пары принуждение – терпящий принуждение, насилие – терпящий насилие. Целесообразно классифицировать также пары эмоциональных проявлений: самоедство (насилие над собой) противопоставляется гармонии с собой, страх – смелости, сарказм – мягкому юмору,

¹⁶⁰Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2006. С. 542.

конфликтность – миролюбию, уныние – оптимизму и т.д. И конечно, нетерпимости противостоят терпимость и толерантность.

Однако эти понятия существенно различаются. Термин «толерантность» используется в последние годы и во многом связан с западным индивидуализмом. Толерантность призвана помирить два «Я» (для сравнения: в английском языке «I» пишется с большой буквы). Но в своей гипертрофированной форме толерантность может привести к вседозволенности¹⁶¹. Быть толерантным – значит не бороться агрессивно и фанатично против чего-то или кого-то, а пытаться дипломатично повлиять на человека или группу людей других взглядов, что в рамках понятия «толерантность» допустимо.

В России же сейчас используются слова и толерантность, и терпимость, причем первый термин до сих пор полностью не прижился в связи с таким двойным стандартом. Терпимость связана с познаваемостью мира, встраиванием в реальную действительность, принятием её и другого человека с терпением и смирением. Толерантность, напротив, можно связать с непознаваемостью мира, искусственностью, иллюзией, исключительностью: я уникален и пусть окружающий мир подстраивается под меня. Для толерантности главное личность и её внешние, формальные характеристики. Доходит до абсурда: например, льготы, которые были даны афроамериканцам благодаря деятельности М.Л. Кинга, стали приводить к конфликтам среди темнокожего и белого населения в Америке (ведь теперь многие слова и действия в отношении афроамериканцев можно истолковать как расистские)¹⁶².

Характеристики данных терминов уточняют их. Подчеркнем, что важно было отметить различия данных понятий в связи с их значимостью для исследования и соотношением с понятием «ненасилие». Понятия «терпимость», «толерантность» и «ненасилие», несомненно, связаны. Авторы

¹⁶¹ Бондырева С. К. Толерантность : (введение в проблему). М.: МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2011. С. 5.

¹⁶² Нитобург Э. Л. О некоторых аспектах расовой проблемы в США на рубеже XX – XXI веков // Новая и новейшая история. 2008. №1. С.69-86.

некоторых словарей даже определяют данный термин как максимально близкий ненасилию: «Толерантность – термин современной философии, означающий воздержание от употребления силы для предотвращения отклонений во мнениях, поведении другого человека или группы людей»¹⁶³.

С одной стороны, все три термина включают в себя значение «уважение и принятие человека других взглядов». С другой – толерантность и терпимость являются более узкими понятиями, чем ненасилие. Они являются понятиями психологическими, в большей степени относящимися к внутреннему миру человека. Однако терпимость в большей степени отражает русский менталитет. Например, климатические особенности России способствовали сплочению людей, нужно было постоянно находить общий язык с соседями в мороз. То есть терпимость всегда являлась вариантом выживания (выживания в жестких условиях, выживания семей, взаимодействия народов). Терпимость показывает глубинные этические основы человека, его совесть. Она естественна, ибо каждому человеку нужно было общаться с разными людьми. Терпимость призывает «заглянуть» в совесть человека и увидеть, умеет ли он быть терпеливым по отношению к другим.

Объединяет данные понятия необходимость отказаться от агрессии, принятия другого образа мышления и поведения и организации диалога в общении различных людей и групп.

Но ненасилие подразумевает отказ от насилия не только по отношению к отдельной личности или группе людей (либо их взглядам и убеждениям), но и отказ от насилия в самых разных сферах жизни и общества одновременно с применением данного принципа на практике. Иначе говоря, ненасилие является значительно более широким понятием, чем толерантность и терпимость. Философия ненасилия может рассматривать те

¹⁶³ Современный философский словарь / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В. Е. Кемеров. М.: Академический проект, 2004. С. 536

же проблемы, что предыдущие два понятия. Но под другим углом исследует весь комплекс проблем, связанных с отрицанием насилия, в целом. Взаимное уважение, взаимное принятие являются частью алгоритма М.Л. Кинга, но, подчеркнём, только частью. Поэтому стоит отметить, что грань между ненасилием, терпимостью и толерантностью достаточно тонкая, но она существует.

Идеал ненасилия – не просто некая теоретическая абстракция, он постоянно проявляется в реальности и отражается в повседневной жизни. Ненасилие можно рассматривать в его практическом проявлении в обществе, культуре, образовании и т. п. Но это проявление может быть различным, поэтому необходимо исследовать ненасилие в каждой сфере ступенчато, что не только поможет увидеть данное понятие полнее, но и отразит диалектическое единство анализируемых противоположных начал.

Наш мир – сложное и противоречивое, но при этом единое целое. Насилие и ненасилие сосуществуют в обществе, проявляясь в различных видах в той или иной сфере нашего бытия. Основным для общества является проявление насилия и ненасилия в структуре власти.

Справедливо утверждать, что проявления насилия не ограничиваются властью. На макроуровне (социум) насилие проявляется в политических, межрасовых, межнациональных конфликтах, революционных столкновениях, войнах и множестве других сфер. А ненасилие, соответственно, в дипломатическом урегулировании различных конфликтов, ненасильственных протестах, пацифистском стремлении к всеобщему миру.

На микроуровне оно проявляется в межличностных взаимоотношениях, о которых речь пойдёт во втором параграфе. Система воспитания, образования и весь процесс социализации человеческой личности частично построены на насилии. Тем не менее, и на данном уровне насилие можно и нужно оправдать: «насилие всегда, в конечном счете, по крайней мере

оправдано, рационализировано любовью к Другому», как верно отмечает К.С. Пигров¹⁶⁴.

Соответственно, можно говорить о двух моделях управления и на макро-, и на микроуровне. Насильственная модель подразумевает авторитарность, жёсткое программирование, деспотизм (власти – по отношению к народу, личности – по отношению к окружающим, педагога – по отношению к ребёнку и т.п.) Ненасильственная предполагает, прежде всего, признание людей на право выбора (выборы в демократической форме правления, достижение консенсуса в политических конфликтах и умение найти компромисс в межличностном общении, способность педагога заинтересовать ребёнка в деятельности). Однако, при определённых обстоятельствах, как будет показано во второй главе данного исследования, эти модели могут меняться ролями вплоть до противоположного – насильственное управление может стать ненасильственным (строгие, жёсткие меры главы государства, ведущие к миру в стране и благосостоянию народа, строгое воспитание поможет сформировать положительные качества ребёнка). С другой стороны, можно жёстко программировать ненасилием (профанация выборов, навязывание выбора с помощью активной социальной рекламы и т.п.), хотя в таком случае ненасилие можно назвать скорее ложным. Насилие и ненасилие могут навязывать СМИ и Интернет, тем самым влияя на протекание социальных процессов.

Более того, то, какую модель выбирает общество в целом, к какому из противоположных полюсов будет она тяготеть, напрямую зависит не только от общества, но и от каждой отдельной личности. Данные противоположные начала скрыты в самих политических режимах. Так, ещё Аристотель и Платон справедливо осуждали тиранию как самый насильственный способ управления обществом. В современной политологии тирании соответствуют тоталитарный и деспотический режимы. Однако и в тоталитаризме есть

¹⁶⁴ Пигров, К. С. Образование и насилие // Образование и насилие: Сб. статей / Под ред. К.С. Пигрова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. С. 8.

ненасильственные задатки, ведь своей целью тирания имеет сдерживание насилия, агрессии в обществе. Этим можно объяснить, например, неоднозначное отношение в истории к личности Сталина. Одни оценивают его деятельность отрицательно, как деспотичную, ограничивающую свободу народа, другие положительно, полагая, что только с помощью железной руки Сталина можно было выиграть Великую Отечественную войну и улучшить положение России того времени. То есть даже в тираническом правлении есть некоторые плюсы. Авторитарный режим мягче, здесь в большей степени сохраняются свободы граждан. Однако и здесь власть ставит целью сдержать таким образом насилие, что в итоге должно привести общество к благу.

И, наконец, демократия – самый ненасильственный из всех режимов. Демократия предоставляет права и свободы народу, в том числе – возможность выбора власти. Но в современном обществе нередко речь идёт о профанации, фальсификации выборов. А если у человека нет возможности выбора, если выбор насаждается ему кем-то сверху (пусть в виде рекламы, продуманной агитации) – это уже вид скрытого насилия. Более того, сама идея демократии, идея свободы может вести к насилию – человеку предоставляется выбор, а значит, свобода и в использовании насилия. Демократия только прикрывается внешней свободой, потому что в основе своей, в глубине, она также имеет целью удержать власть.

Анархию можно считать ненасильственным политическим течением, ведь анархия является отрицанием власти, а следовательно, и всякого насилия. Так, Л.Н. Толстой выступает против института государства как такового, тем самым оказывая влияние на политическое мышление людей на рубеже XIX – начала XX вв. Но именно государство и институт армии призваны сдерживать насилие, оградить границы страны при нападении врагов и упорядочить общество, чтобы не допустить гражданской войны. Как верно отмечают русские религиозные мыслители, например, Н.А. Бердяев, возможно, именно идеи Толстого навеяли пацифистские и анархистские

настроения обществу в период Первой мировой и гражданской войны в России.

Анархию в некотором смысле можно считать утопией, ведь власть всегда будет существовать в той или иной форме, нет государства без власти. Существует точка зрения, что и ненасилие в применении к обществу является ни чем иным как утопией. Дело в том, что ненасилие в его классической форме ратует за абсолютное отсутствие насилия в мире. Однако при ближайшем рассмотрении такой подход, доведенный до абсурда, может оказаться в реальности утопией. Например, сам Ганди, старавшийся проповедовать ненасильственный образ жизни даже в мелочах, не всегда использует ненасилие. Так, из биографии Ганди известно, что силой он заставлял отказаться свою тяжело больную жену от бобовых и соли¹⁶⁵. Невозможно придерживаться идеи ненасилия во всём и невозможно, чтобы каждый верил в эту идею, а значит, не может быть общества ненасилия.

И разве принесло бы постоянное использование принципа ненасилия мир людям? Понятия о защите и самозащите в исследуемой теории отрицаются, однако, если не остановить злодея, это не принесёт добра. Стоит придерживаться взгляда, что правило ненасилия актуально и эффективно в личностных отношениях, однако неприменимо в своем абсолютном эквиваленте к ситуации нападения или войны.

Но при этом подчеркнём, что такой взгляд не исключает возможности успешного применения ненасильственных техник в политике, в борьбе за права граждан.

С помощью ненасилия возможно создать бунт, и хотя протест сам по себе может быть ненасильственным, следствием его часто бывает агрессия.

Протест, даже без кровопролития, может включать в себя насилие: со стороны народа – насилие над волей и решением вышестоящих («мы против власти»), а власть, по своей сути, всегда является именно насилием, без

¹⁶⁵ Ганди М. К. Моя жизнь. М.: Наука, 1969. С. 291.

которого невозможно и создать безопасность государства. Также и сам термин «революция» (а Ганди и Кинг творили именно революцию, пусть и ненасильственную) предполагает прежде всего протест, а значит, в чём-то и насилие.

Переход общества к агрессивному поведению после смерти идеологов ненасилия показывает противоречивую природу насилия и ненасилия. Сама по себе идея ненасилия неразрывно связана со стремлением к миролюбию, добру и любви. Конечно, Ганди и Кинг не могли точно предвидеть того, что произойдет после их смерти, могли только очень примерно спрогнозировать поведение социума. Но в целом Ганди и Кинг ратовали за справедливость. Следовательно, они несли ответственность за свою идею. Но, к сожалению, в наше время проблема ответственности вновь стала перед обществом, использующим в политических целях принцип ненасилия.

Данная проблема особенно ярко проявляется при построении технологии ненасильственных революций. Ученые-геополитики доказали, что ненасильственные революции по сути своей являются ни чем иным, как очередным переделом мира, борьбой сверхдержав за владение природными богатствами и новыми территориями¹⁶⁶. Отметим, что в науке пока не существует единой терминологии для общего обозначения революций данного типа. Их называют «цветными», «бархатными»¹⁶⁷, «оранжевыми» и т. п. При этом некоторые исследователи полагают, что за каждым из этих терминов скрывается революция определённой структуры¹⁶⁸. Кроме того, нет единства и в том, какие именно исторические события причислять к «цветным революциям». Иногда к ним относят даже период перестройки в России¹⁶⁹. К цветным революциям отнесём сербскую революцию, «революцию роз» в Грузии, «оранжевую революцию» на Украине, «тюльпановую революцию» в Киргизии и совокупность революций 2011 г.

¹⁶⁶ Кефели И.Ф. Философия геополитики. СПб.: Петрополис, 2007. 208 с.

¹⁶⁷ Кара-Мурза С. Г. Революции на экспорт. М.: Эксмо : Алгоритм, 2006. С. 55

¹⁶⁸ Там же, с. 4.

¹⁶⁹ Кара-Мурза С. Г. Революции на экспорт. М.: Эксмо : Алгоритм, 2006. С. 100.

на Востоке («Арабская весна»). Подчеркнём, что все эти революции созданы с помощью определённых технологий, которые можно назвать ненасильственными. Соответственно, термин «ненасильственная революция» представляется более точным. Ненасильственная революция – это государственный переворот, осуществлённый без кровопролития с помощью ненасильственных акций протеста и принципов этики ненасилия. Используются такие формы мирного социального протеста, как шествие, демонстрации, забастовки и прочее. Привлекается в первую очередь молодежь, раскручивание революции происходит с помощью интернет-ресурсов и активного муссирования протестных идей в СМИ, социальных сетях. Популярный сайт «Википедия» подразумевает под «цветными революциями» исключительно ненасильственные акции протеста и выделяет ряд их основных черт.

Главным идеологом ненасилия становится Джин Шарп. В своей книге «От диктатуры к демократии» он излагает свою концепцию борьбы с властью, дополняя её длинным перечнем разнообразных практических ненасильственных методов¹⁷⁰ (подробнее о концепции Шарпа было сказано выше). Именно эта книга стала настольной для творцов современных революций в странах СНГ. Такой же высокой была её роль и в революциях 2011 года на ближнем Востоке.

Так, на основе исследований С. Кара-Мурзы и Г. Почепцова можно выделить такие основные черты «цветных («ненасильственных») революций»: игра на чувствах для манипуляции сознанием; множество каналов воздействия на массовое сознание – сочетание текста и образов, музыки и пластики, света и цвета, нацеленность на разрушение прошлого, отрицание старого без предложения взамен концепции нового жизнеустройства; использование чётких разграничений добра и зла, например, «на Украине Ющенко был представлен как сила Добра («борец с

¹⁷⁰ Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Екатеринбург : Ультра.Культура, 2005. 223 с.

режимом»), а Янукович – как сила Зла («ставленник режима Кучмы и Москвы»)»¹⁷¹; противостояние конкурирующих элит. Игра организаторов ненасильственной революции с сознанием масс продолжается через внедрение полярных точек зрения на актуальные проблемы общества. Старый режим оценивается как исключительно отрицательный, а новый, предлагающийся взамен, как положительный. После активной работы, проведённой в интернет-ресурсах и СМИ, люди легко объединяются в группу противников старого режима, не замечая, что организаторы не предлагают им новой эффективной политической программы.

Следовательно, ещё одна характерная черта ненасильственного протеста – отсутствие диалектического мышления. Однако она проявляется только во внешнем фасаде «цветной революции». Внутренняя диалектика насилия и ненасиления продолжает действовать в данном случае, ибо при определенном повороте событий такого рода протест может перейти в насилие, даже в открытое насилие. Сам по себе социальный протест, как отмечается выше, это всегда насилие. Следовательно, парадокс заключается в том, что современная «цветная революция» и является ни чем иным, как скрытым насилием. Во-первых, она изначально нацелена на разжигание агрессии; во-вторых, за такой революцией всегда стоит «заказчик», ищущий свою выгоду, навязывающий своё решение и ничего общего с истинной волей и желаниями народа не имеющий. Если целью ненасильственных революций в Индии и Америке являлось установление социальной справедливости, то целью нынешних «цветных революций» является передел власти, поиск выгоды определённых, заинтересованных в этом сторон. Данная ситуация ещё раз доказывает, что ненасильственные методы можно применять как во благо (освобождение народа), так и для завоевания, даже для создания открытой или скрытой колониальной зависимости. Опыт ненасиления как в первом, так и во втором случае оказался достаточно

¹⁷¹ Кара-Мурза С. Г. Революции на экспорт. М.: Эксмо : Алгоритм, 2006. С. 92.

эффективным. Изучение ненасильственных технологий сегодня актуально вдвойне, ибо со знанием алгоритма ненасильственных действий любой народ, коллектив или личность может как противостоять «цветной революции», так и отстаивать свои гражданские права.

И.В. Замай в своей диссертации намечает ход действий, который может быть использован в борьбе с угрозой ненасильственных революций: противодействие структурам, организующим «цветную революцию»; создание законов, официально ограничивающих вмешательство в жизнь государства данных структур, разработка программы по формированию политического сознания граждан¹⁷².

Но следует отметить, что ненасильственные методы не стоит доводить до крайности. Абсолютное ненасилие с более высокой вероятностью перейдет в насилие, чем умеренное. Ибо гармония данных противоположных начал поддерживается в сложном процессе бытия. Именно их диалектическое взаимодействие рождает эффективность и разностороннюю направленность практических методов ненасильственной революции.

Подобный процесс происходит в межнациональных и расовых отношениях. Конечно, национализм являлся и является явно выраженной агрессией. Но когда другим нациям открываются дополнительные возможности и делаются огромные льготы, это может привести к возрастающей агрессии и национализму в любой стране. Это подтверждает политический опыт последних лет во Франции и России, политика в Америке после Кинга. Благодаря ненасильственным протестам, афроамериканцам удалось отстоять свои права, но положительные изменения в итоге обернулись скрытым расизмом.

В частности, новые проявления расизма не раз будут беспокоить Америку в течение XX века. Нужно подчеркнуть их связь с достижением афроамериканцами льгот и прав, которое отражает противоречивое

¹⁷² Замай, И. В. Ненасилие в политических трансформациях на постсоветском пространстве : дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. М., 2007. С. 151.

взаимодействие насилия и ненасилия в межрасовых отношениях. Самые благие ненасильственные цели, воплощенные в жизнь, могут привести к насилию. Так, через некоторое время после установления льгот, раскрывается их обратная сторона, ведущая к скрытому расизму.

«Новые расисты» не считают темнокожих людьми второго сорта, они убеждённые сторонники гражданских прав. Но в то же время эти люди проявляют все классические симптомы поведения расизма, т.е. относятся к темнокожим иначе, чем к белым <...> Результаты такого подхода могут быть столь же негативными и несправедливыми, как и при «классическом» расизме...»¹⁷³. Примером, по мнению Э.Л. Нитобурга, может быть льготное обучение негров в университетах. Наличие квот, по мнению исследователя, усугубляет скрытый расизм как со стороны белого, так и со стороны чёрного населения.

Но и отсутствие каких бы то ни было льгот, а тем более ущемление прав других национальностей приведёт в конечном итоге к насилию. Уместно предположить, что в этом тонком вопросе хороша золотая середина, которая и будет являться ненасильственным вариантом его решения. Так, известный российский исследователь Александр Дугин приходит к более глобальным выводам: «Американский расизм – и биологический, и экономический – далеко не изжит. Просто он поменял своё качество и из идеологии для внутреннего потребления выплеснулся на внешнюю политику США. Он превратился в расизм геополитический, глобалистский...»¹⁷⁴. На наш взгляд, расизм в США действительно не изжил себя полностью, а приобрел другие формы. Такое положение вещей убедительно показывает диалектическую взаимосвязь насилия и ненасилия в межрасовых и межнациональных отношениях.

Ещё сложнее пара «насилие – ненасилие» проявляется в сфере межконфессиональных отношений. Социальная сложность

¹⁷³ Нитобург Э. Л. Афроамериканцы США : XX век : этноисторический очерк / Э.Л. Нитобург. М.: Наука, 2009. С. 77.

¹⁷⁴ Дугин, А. Обыкновенный расизм // URL: // <http://pravaya.ru/leftright/472/16770>

межконфессиональных отношений обусловлена как раз тем, что каждая религия принимает своё мировоззрение за догматическое. Преувеличение значимости этой системы, желание навязать её остальным может вести к насильственным выпадам по отношению к другим системам, а в крайней форме – к войне и терроризму.

Однако такой жёсткий, насильственный подход свидетельствует о недостаточном знании ненасильственных законов, которые проповедают (в той или иной степени) большинство религий (данную закономерность отмечали Толстой, Ганди и Кинг), либо о неумении практически применить эти законы. Ненасилие и верность своей религии вполне могут уживаться в деятельности одного человека. Свидетельство тому – жизнь Кинга, разработавшего интересные и эффективные методики ненасилия, но до конца оставшегося верным баптистской конфессии. Более того, он сумел привлечь к проводившемуся социальному протесту людей различных взглядов и вероисповеданий. В 50-60-х гг. в США к бастующим присоединялись священники различных конфессий, а белые участвовали в акциях наравне с темнокожими.

Подводные камни кроются и в самом миролюбивом из всех движений – пацифизме. Условно можно выделить два типичных лагеря: за и против. Сторонники пацифизма ратуют за абсолютное ненасилие, выступают против войны во всем мире. Противники утверждают, что любое государство защищено с помощью обороны и армии, а стремление избежать воинской службы напрямую ведет к пассивности и безответственности. А если в стране происходят военные действия, то противники пацифистов могут принять последних за трусов, оправдывающих себя своей идеологией. Здесь не будем рассматривать подробно все многообразие взглядов на пацифизм (подробнее они описаны в главе третьей), а остановимся как раз на этих, крайних точках зрения.

Подчеркнём, что в своих крайних проявлениях оба лагеря могут привести людей как к насилию, так и к ненасилию.

Рассмотрим подробнее случай первый – сторонников пацифизма, причем пацифизма в его крайних вариантах. Позиция людей, не принимающих войну и агрессию сама по себе хороша и несет стремление к любви и миру. Но она, как и в случае с «цветными революциями», может послужить корыстным интересам власть имущих. Обратной стороной ее является также этическое неприятие людей, которые готовы отстаивать свои интересы даже ценой насилия. А ведь эти интересы могут быть и вполне нравственными, благородными: допустим, защита от противника, самозащита, охрана порядка, тем более – защита родной страны в условиях военного нападения.

Второй же лагерь, наоборот, преувеличивает необходимость оборонительных, агрессивных и военных действий, его сторонники до конца не оценили преимуществ ненасильственных методов, которые часто (но не во всём) оказываются более эффективными, чем насильственные. Однако, несмотря на внешне жёсткую концепцию противников пацифизма, она по сути своей выступает как ненасильственная. Ибо истинная цель защиты людей, обороны государства, самозащиты всегда одна – уберечь от насилия, уменьшить количество убитых, не допустить появления невинных жертв. Данный взгляд близок отечественной традиции ненасилия.

Здесь еще раз просматривается переход насилия в ненасилие и обратно. Любая крайность плоха и может обернуться своей противоположной стороной. Об этом пишет К.С. Льюис в своей философской работе «Письма Баламута»: «Я не забыл своего обещания и обдумал, сделать ли подшефного крайним патриотом или крайним пацифистом... Каждая маленькая группа людей, связанная общим интересом, который другие отвергают или игнорируют, постепенно вскармливает тепличное благодушие, конечно – друг к другу»¹⁷⁵.

¹⁷⁵ Льюис К. С. Письма баламута. Баламут предлагает тост / Пер. с англ. Н. Трауберг, Т. Шапошниковой. М.: Гнозис : Прогресс, 1991. С. 40.

Эти размышления Льюиса напрямую связаны со Второй мировой войной. Обратим внимание, что он не оценивает пацифизм исключительно негативно, а подчеркивает, что и во время войны пацифизм может послужить как во благо, так и во вред человеку.

Итак, рассмотрена диалектическая природа пацифизма, которая является лишь отражением реального соотношения исследуемых противоположных начал.

Нечто подобное наблюдается и в экологических проблемах. Стремительное развитие техники сделало человека всемогущим и слабым одновременно. Проблема экологического кризиса муссируется в СМИ, интернет-ресурсах, научных изданиях.

Соответственно, можно говорить об активном насилии человека над природой. Еще в Ветхом завете Бог заповедал человеку быть владыкой природы¹⁷⁶ (15, Быт. 1:28). Однако в Евангелии речь идет не о бездумном правлении, а о том, что человек несёт ответственность за всё живое на нашей планете. Не говорится и о том, что человек должен есть мясо, что ему необходимо для пропитания убивать животных.

Аналогично в других религиозных системах – устанавливается вегетарианство или система постов, воспрещается убийство животных как проявление жестокости. В некоторых восточных религиях (которые рассмотрены выше, в главе первой) уничтожение животного по любой причине является непосильно тяжким грехом, которому нет оправдания.

Выходит, люди с древности знали, что забота о природе является первостепенной обязанностью человека. Но с развитием техники человек всё больше и больше сосредотачивался на том, чтобы облегчить себе работу, и забывал о природе. Более того, вовремя не просчитал, какие опасности несут новые изобретения, что привело к насилию над природой. Можно сказать точнее: человек злоупотребил своей властью. Однако и здесь встречаем

¹⁷⁶ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета, канонические. М.: Российское библейское общество, 2001. С. 2.

парадокс: это насилие вытекает из ограничения насилия. Один из стимулов создания изобретений – защита от диких животных, от стихий, от болезней. То есть защита от природного насилия в итоге привела к технологическому насилию.

Сегодня мыслители бьют тревогу: человек, стремясь изучить природу и властвовать над ней, не только наносит ей непоправимый урон, но и ставит себя самого в опасность самоистребления. Исследованием данной проблемы, в частности, занимаются В.С. Степин и Н.Н. Моисеев. Их объединяет мысль о необходимости поворота современного мира к ненасильственным ценностям, особенно по отношению к природе. Это направление можно назвать экологией ненасилия, подробнее о которой пойдет речь в главе третьей данного исследования.

Активным поиском выхода из этой ситуации сейчас занимаются ненасильственные экологические организации (Гринпис, ЮНЕП, WWF, МСоЭС и другие). История Гринпис началась с воплощения в жизнь идеи о чистом мире, без войны и насилия, о чем говорит изначальное название из двух слов: «green» (англ. «зелёный») плюс «peace» (англ. «мир»), которые впоследствии объединили.

Однако здесь происходит обратный парадоксальный процесс: активисты данных организаций, выступая против использования меха для одежды, вызывают агрессию у любителей меха; отстаивая важность сохранения определенных выгодных для бизнеса территорий, вызывают недовольство предпринимателей. Более того - «Гринпис», претендуя на выражение объективных общечеловеческих интересов, на самом деле защищает интересы определенных транснациональных корпораций, то есть в некоторой степени является заказной организацией.

Поэтому остается открытым вопрос, можно ли назвать данные организации ненасильственными? На наш взгляд, диалектический процесс перехода из насилия в ненасилие в экологической сфере существует и говорить об использовании принципа ненасилия в экологической сфере,

несомненно, необходимо. По всем прогнозам на нас надвигается экологическая катастрофа. В этой ситуации задача человечества – идти по пути уменьшения насилия (но не абсолютного ненасилия, которое является утопией). Необходимо формирование экологической культуры как на духовно-теоретическом, так и на практическом уровне.

На практике достижение ненасилия часто происходит с помощью ограничения насилия. Но нужно учитывать, что природа сама по себе регулирует процессы насилия и ненасилия. Это доказывают исследования А.П. Назаретяна и А.М. Ковалева. Данные противоположные начала являются частями одного целого и пребывают в бытии, стихийно образующая гармонию.

Насилие и ненасилие сосуществует в природе; человек может научиться ими управлять, более того – управлять ненасильственно. Диалектическое единство насилия и ненасилия отражается в природе и во взаимодействии человека с природой. Точно так же оно отражается и в обществе. Взаимодействие насилия и ненасилия проявляется в различных политических режимах, политических взглядах и акциях (пацифистских и антипацифистских), ненасильственных революциях, в межнациональных и межрасовых отношениях, в теоретических основах и практическом функционировании экологических организаций. Диалектика проявляется во всем многообразии социума. Грань между этими понятиями настолько тонкая, что постоянно стирается, ненасилие переходит в насилие (и наоборот). Особенно опасны в этом отношении крайности, которые, как рассмотрено, всегда чреваты «подводными камнями». Поэтому представляется опасным придерживаться взгляда «за абсолютное ненасилие», тем более отвергается противоположный вариант. Процессы насилия – ненасилия в глубине нашего бытия всегда происходят гармонично. Природа всегда расставляет все на свои места. Но при этом не нужно забывать и о человеческой ответственности. Человек сам способен регулировать процесс насилия – ненасилия. В условиях современного мира

необходимо держать курс на уменьшение насилия, умеренно пользуясь эффективными практическими ненасильственными методами, но не переходя на идеалистическую ступень утопии абсолютного ненасилия.

Нужно стараться уменьшать насилие и в межличностных отношениях, ведь совершенствование общества в целом зависит от поступков каждой отдельной личности. Продуманное применение принципа ненасилия может помочь в построении межличностных отношений, речь о которых пойдет в следующем параграфе.

2.2. Насилие и ненасилие на уровне межличностных отношений

Большое значение категории насилия и ненасилия имеют в межличностном общении. Человек, научившийся выстраивать свои отношения с окружающими людьми по ненасильственному принципу, гораздо легче поймёт практическое действие этого принципа в социальных отношениях и наоборот. Именно со знания межличностных ненасильственных законов и методик начинается движение к уменьшению насилия в обществе в целом.

Межличностные и общественные ненасильственные методики зиждутся на одной основе, однако имеют массу нюансов и различий. Их исследованием занимаются психология и педагогика ненасилия. Обе – относительно новые науки, получившие свое развитие только в XX веке. Отметим, что они имеют колоссальное значение для человечества, несмотря на то, что не всегда пользовались высокой популярностью. Однако это говорит о том что их до сих пор не оценили по достоинству.

Проблематика насилия и ненасилия была в центре внимания многих выдающихся ученых, педагогов, психологов: А. Дистервега, И.Ф. Гербарта, З. Фрейда, Э. Фромма, А. Маслоу и др. Вместе с тем, так же постепенно, как

и философия ненасилия, начиная с трудов Витторино да Фельтре, Гуарино да Верона, Я.А. Коменского кристаллизуется особое направление, которое правомерно обозначить как педагогика и психология ненасилия. Это направление становится одним из главнейших конкретно-научных и конкретно-практических источников философии ненасилия.

Большинство исследователей (Н.И. Макарова, Н.В. Наливайко, В.А. Ситаров, В.Г. Маралов) ключевой фигурой в педагогике ненасилия считают Яна Амоса Коменского (1592 – 1670). Высшая цель воспитания, по Коменскому, – воспитать человека так, чтобы он соблюдал христианские десять заповедей. Об этом он пишет в своей знаменитой работе «Лабиринт света и рай сердца». Коменский создаёт учение о пансофии – «своеобразной энциклопедии всех основных сведений о реальном мире в сочетании с изложением основных положений христианского вероучения»¹⁷⁷. Поэтому в его системе объединяются образовательные принципы средневековья и гуманизма, необходимы и умение заинтересовать ученика, и строгое наказание. Иначе говоря, присутствуют насильственные и ненасильственные парадигмы управления. Например, строгого наказания заслуживают такие проступки, как богохульство, упрямство, ложь. В таких случаях допустимо даже наказание розгой. Однако такое наказание допустимо лишь за сознательные проступки¹⁷⁸.

Коменский видит необходимость ненасильственного общения в педагогической деятельности. «Важнейшее качество учителя – вера в ученика, постоянное стремление прийти к нему на помощь. В этом плане интересны суждения Коменского о плохом учителе, который как бы не видит своих учеников, швыряет им задания, как собакам кости и приходит бешенство, когда эти задания не выполняются»¹⁷⁹. У Коменского нет точного определения ненасилия в педагогике, он не использует данный

¹⁷⁷ История образования и педагогической мысли за рубежом и в России : учебное пособие для вузов / И.Н. Андреева, Т. С. Буторина, З. И. Васильева; под ред. З.И. Васильевой. М.: Академия, 2001. С. 11.

¹⁷⁸ Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1982. С. 90.

¹⁷⁹ Коменский Я. А. Лабиринт света и рай сердца / Я. А. Коменский; пер. с чеш. С. Скорвида, В. Корчагина. М.: МИК, 2000. С. 94.

термин, но в его деятельности появляются действительно прогрессивные для того времени ненасильственные методы. Однако необходимость насилия и наказания, хотя и в ограниченном виде, у Коменского остаётся.

У истоков собственно педагогики ненасилия на западе стоит Ж.-Ж. Руссо (1712 – 1778). Руссо считает, что ребёнка необходимо воспитывать на природе, в деревне, в естественных условиях. Для хорошего воспитания нужна свобода и отсутствие насилия. В «Исповеди» он вспоминает свои детские болезненные впечатления от насилия в воспитании и то, каким негативным образом они отразились на его жизни. В романе «Эмиль, или о воспитании» он излагает свою теорию воспитания подробно в художественной форме. Он говорит о необходимости единства умственного и психического развития ребёнка, о важности развития у него самостоятельности. Свобода, отсутствие насилия, уважение к личности ребенка – вот важнейшие правила для воспитания и образования.

Французский историк и литературовед А.М. Шюкэ пишет о Руссо: «Ни одно произведение не наделало столько шума, как «Эмиль». Со всех сторон ему подражали, исправляли, критиковали. Мания учить и наставлять проявлялась в эту эпоху с особенным ожесточением. Дети воспитывались а-la Жан-Жак и предоставлялись природе»¹⁸⁰. Несмотря на ошибки Руссо, главной из которой он считает чрезмерную привязанность воспитания к природе, Шюкэ признаёт, что Руссо сыграл важнейшую роль в мировой педагогике.

Подчеркнем, что именно у Руссо появляется понятие о том, что ребенка не надо ругать, он поймет ошибку сам. Наказание используется только в крайнем случае. Прогресс системы воспитания и образования Руссо проявляется именно в отрицании насилия как такого и его пользы, в критике средневековой системы образования, которая являлась прежде всего принудительной и насильственной.

¹⁸⁰Шюкэ А. М. Ж.-Ж. Руссо / пер. с фр. П. Н. Шараповой. М.: URSS, ЛКИ, 2008. С. 135.

Некоторые аспекты педагогики ненасилия можно найти в трудах русских и зарубежных педагогов – классиков К.Д. Ушинского, В.А. Сухомлинского, П.Ф. Каптерева, П.Д. Юркевича, В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова.

Остановимся подробнее на гуманистической педагогической концепции К.Д. Ушинского (1824 – 1870). Ушинский отмечает, что учитель в первую очередь воспитывает своим примером и чувством такта: «Педагогический такт предполагает ровное обращение воспитателя, ровную жизнь учебного заведения, но не исключает требовательности»¹⁸¹. Он постоянно подчёркивает, что у детей нужно развивать самостоятельность и выносливость. Поэтому так важно следить, чтобы нервная система ребёнка была в порядке. В этих целях Ушинский запрещает: «давать детям чай, кофе, вино, ваниль, всякие пряности – словом всё, что специфически раздражает нервы; раннее излишнее чтение романов, повестей, и особенно на ночь; требует педантически строгого распределения детского дня <...>; требует постоянной смены умственных упражнений телесными, прогулок, купаний и т.п.»¹⁸². Совокупность воспитательных мер такого рода Ушинский называет «здоровой педагогией». Однако вместо порока нужно сформировать добродетель, а иначе можно испортить характер воспитанника. Таким образом, Ушинский на первый план ставит личность учителя и его гуманистическое отношение к ученику, но не отменяет строгости.

Фундамент педагогики ненасилия в России заложил Л.Н. Толстой. Толстой отошел от насильственного подхода в образовании, который царил в то время и был выгоден господствующему классу. До этого было принято за любой проступок наказывать насильственно, образование было построено на принуждении. Толстой отвергает чрезмерную авторитарность и навязывание собственного мнения в воспитании. Он изучает образовательные системы западных стран, специально путешествует с этой

¹⁸¹ Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. М.: Педагогика, 1974. Т.1. С. 291.

¹⁸² Там же, с. 268.

целью. И приходит к выводу: воспитание само по себе насильственно (воспитание основывается на принуждении, приказании), а образование в идеале – ненасильственно. Толстой «жёстко разделяет образование и воспитание, а также теоретическое (неживое) знание и знание, приобретенное через конкретный опыт и необходимое для практической жизни. Образование, где стимулом являются не розги, а интерес ученика, определяется им как свободное»¹⁸³. Он понимает, что во всём мире необходимо создавать новую систему образования, которая будет строиться на добровольном интересе учащихся, а не на принуждении, наказании и слепом копировании информации.

«С самых первых шагов педагогической деятельности Толстой заявляет о себе как педагог-гуманист, признававший право на образование для всех детей. С гуманизмом в образовании он связывал надежды на решение проблемы освобождения личности и общества. Это идея свободного воспитания, которую он разрабатывал всю жизнь. Пусть не им первым она была проговорена в мировой педагогике, – Толстой решал её по-своему», – считает М. Н. Дудина¹⁸⁴. В Яснополянской школе Толстого не было жесткой дисциплины, образовательный процесс был построен на том, чтобы заинтересовать детей. Оригинальность Толстого была в разработке собственной ненасильственной педагогической системы и применении её в России для простого народа. Одна из важнейших черт его системы – это ценностный, аксиологический подход философа. Во главу угла Толстой ставит свободу (полную, но не чрезмерную), любовь и совесть. В Яснополянской школе устанавливается своя, свободная от консервативных правил и предрассудков, новая система. Поражает тот факт, что родители крестьянских детей порой забирали их из школы, так как не принимали этой прогрессивной для своего времени системы без розг, наказаний и постоянного заучивания. Однако постепенно и родители оценили

¹⁸³ Толстой Л. Воспитание в свободе. М.: Карапуз : Творческий центр «Сфера», 2005. С. 12.

¹⁸⁴ Дудина М. Этика свободы и педагогика ненасилия Л. Толстого // Философия ненасилия Л.Н. Толстого: точки зрения. Екатеринбург, 2002. С. 231.

возможности свободного образования: «Недовольство на то, что не бьют и нет чинности в школе, почти совсем уничтожилось, и мне часто случалось наблюдать недоумение родителя, приехавшего в школу за сыном, когда при нём начиналась беготня, возня и борьба»¹⁸⁵.

Однако и в Яснополянской школе Толстого используются наказания в особо исключительных, редких случаях. Например, ученик бьёт других учеников – у него в наказание отобрали доску для рисования. Но подчеркнём, что такие случаи редки, а наказание минимально.

Образование без принуждения помогает проявляться творческим способностям ребёнка. Подчеркнём: Толстой уверен, что любой ребенок одарен, нет неспособных детей, нужно лишь вовремя заметить и развить творческое начало. Творчество для Толстого – это то, с помощью чего развивается ребёнок; в творчестве проявляется свобода и фантазия юного человека. Процесс творчества делает обучение более интересным и занимательным. «Цель школы, по Л.Н. Толстому, – это воспитание творческой, нравственной личности, задача обучения и воспитания – это формирование творческого мышления и нравственного самосознания. «Если ученик в школе, – указывал он, – не научится сам ничего творить, то и в жизни он всегда будет только подражать, копировать». Система образования и должна содействовать гармонии развития учащегося»¹⁸⁶. Таким образом, он подчёркивает, что необходим особый подход, и в своих учебных пособиях он старается воплотить его, в том числе в своей знаменитой «Азбуке». Над «Азбукой» Толстой работал долго, но, несмотря на это, первое её издание было подвергнуто критике. Однако второй, отредактированный её вариант имел успех. «Новая азбука» Толстого «получила широкое признание и на этот раз была рекомендована

¹⁸⁵ Толстой Л.Н. Педагогические сочинения. Москва; Ленинград : Академия педагогических наук, 1948. С. 133.

¹⁸⁶ Брешковская К.Ю. Педагогика ненасилия. Яснополянская школа Л.Н. Толстого // URL: <http://home.tula.net/ltolstoy/165.html>.

Министерством народного просвещения для всех учебных заведений. Она выдержала в дореволюционное время 28 изданий»¹⁸⁷. Азбука популярна по сей день, способствует развитию творческого мышления детей.

Именно через творчество происходит развитие и саморазвитие учащегося. Отсюда вытекает важнейший смысл этики Толстого и этики ненасилия в целом – «в созидании себя человеком, в идее самосовершенствования»¹⁸⁸. Ибо, переставая отвечать злом на зло, человек развивает в себе чувство любви, стремится к большей духовности, к сохранению самых лучших качеств и ценностей.

Идея самосовершенствования особенно актуальна в семье, где примером для ребёнка является родитель. Толстой отмечает, что в процессе воспитания родитель стремится «сделать другого таким же, каков он сам»¹⁸⁹.

Кроме того, Толстой подчёркивает, что воспитание и образование гораздо эффективнее будут проходить в естественных условиях (обучение простому труду, физические упражнения, игры, прогулки на свежем воздухе). Толстой пишет о традиционной школьной системе: «...ребёнок в продолжение ежедневных долгих часов занятий, одуряемый школьной жизнью, оторван на всё это драгоценное по возрасту время от тех необходимых условий развития, которые поставила для него сама природа. Весьма обыкновенно слышать и читать мнение, что домашние условия, грубость родителей, полевые работы, деревенские игры и т. п. суть главные помехи школьному образованию». Но «ребёнок никогда не мог бы выучиться ни различию линий, составляющих различие букв, ни числам, ни способности выражать свои мысли, ежели бы не эти домашние условия»¹⁹⁰. Здесь Толстой продолжает линию Руссо. Эти же мысли есть и у Ушинского.

¹⁸⁷ Толстой Л. Воспитание в свободе. М.: Карапуз : Творческий центр «Сфера», 2005. С. 19.

¹⁸⁸ Дудина М. Этика свободы и педагогика ненасилия Л. Толстого // Философия ненасилия Л.Н. Толстого: точки зрения. Екатеринбург, 2002. С. 233.

¹⁸⁹ Толстой Л. Воспитание в свободе. М.: Карапуз : Творческий центр «Сфера», 2005. С. 41.

¹⁹⁰ Толстой Л.Н. Педагогические сочинения. Москва; Ленинград : Академия педагогических наук, 1948. С. 60.

Однако педагогическая система Толстого является оригинальной и самобытной для своего времени. В центре этой системы – свобода учащегося и его интерес. По-настоящему оценить достижения Толстого педагога, родители и ученики смогут только во второй половине XX – начале XXI века. Сегодня существуют сайты об азбуке Л.Н. Толстого, его яснополянской школе и по педагогике Л.Н. Толстого, развиваются психология и педагогика ненасилия. Но отметим, что оценка педагогических взглядов Л.Н. Толстого никогда не была однозначной. Возможно, одна из причин такого неоднозначного оценивания системы Толстого – то, что ему не удалось в полной мере реализовать данный подход в собственной семье, насколько можно судить из воспоминаний Александры Толстой: «Мать считала, что детей надо учить. Для этого мы жили в Москве. Отец считал, что детей не надо заставлять учиться, а воспитывать в простой, трудовой жизни. Поскольку сами дети хотели бы приобретать знания, они сумели бы это сделать. Тратились большие деньги на преподавателей, учебные заведения, но учиться никто не хотел. Малыши чувствовали несогласие родителей и невольно брали от каждого то, что было понятнее и что больше нравилось»¹⁹¹. Тем не менее, многие из детей Толстого достигли определенных профессиональных высот (Сергей Львович стал композитором, Лев Львович – скульптором, Илья Львович, Татьяна Львовна и Александра Львовна обладали даром слова, сохраняя воспоминания об отце в лекциях, книгах, мемуарах).

Не удивительно, что не только философские, но и педагогические традиции Толстого продолжает М. Ганди. В автобиографии он пишет о своём опыте обучения группы детей (помимо которых Ганди благополучно воспитал еще нескольких своих). В процессе воспитания он пришел к выводу, что с детьми очень важно не гневаться, не отдавать жёстких приказаний, а воспитывать их в первую очередь любовью и своим примером.

¹⁹¹ Толстая А. Л. Дочь. М.: Вагриус, 2000. С. 20.

Он открывает школу в поселении, названном Ганди в честь Толстого «фермой Толстого», где воспитывает детей, подготавливая их к использованию ненасильственных принципов на практике и для социального служения. Отметим, что Ганди создаёт свою школу, но по типу Яснополянской школы. «На ферме Толстого установилось правило – не требовать от ученика того, чего не делает учитель, и поэтому, когда детей просили выполнить какую-нибудь работу, с ними заодно всегда работал учитель. Поэтому дети учились всему с удовольствием»¹⁹². Деятельность для учеников должна стать увлекательной; прежде всего необходимо заинтересовать ребёнка, а не заставить. Внимание нужно уделять и воспитанию, формированию характера учеников, а основой для педагога будет религиозное мировоззрение. Система воспитания Ганди, на наш взгляд, способствовала эффективной социализации личности.

Ганди считал, что «образование – это только инструмент, и его ценность в возможности служить как можно большему числу людей; первостепенное внимание нужно уделять строительству характера, что по своей сути является начальным образованием, религиозное, т.е. этическое, воспитание – одна из главных задач семьи и школы»¹⁹³. Именно религиозно-этические нормы помогают воспитать нравственную личность.

Принцип ненасилия, который Ганди внедрил в практику, основываясь на религиозных теориях Индии, стал фундаментальным в педагогике ненасилия. Помимо него, по Ганди, педагогу необходимо осознавать, что какая-либо черта личности, возможно, еще не сформировалась в ребенке либо не проявляется в нём постоянно, то есть не характеризовать ученика заранее негативно. Такая позиция помогает с любовью и терпением относиться к ученикам¹⁹⁴.

Однако обывательский взгляд, как правило, приписывает педагогике ненасилия (в частности, в описанной позиции) излишнюю мягкость.

¹⁹² Ганди М. К. Моя жизнь. М.: Наука, 1969. С. 299.

¹⁹³ Махатма Ганди / сост. и авт. предисл. В. А. Василенко. М.: Издат. Дом Ш. Амонашвили, 1998. С. 9.

¹⁹⁴ Белухин Д.А. Личностно ориентированная педагогика. М.: [МПСИ], 2005. С. 166.

Конечно, в обывательской точке зрения на педагогику ненасилия есть доля истины, так как иногда и в педагогике насилие необходимо. Жёсткие педагогические меры могут послужить на пользу ученику, например, если нужно отучить ребенка от сквернословия, лжи или курения. Положительный результат, полученный вследствие этих мер, является ненасильственным. Таким образом отражается диалектическая природа исследуемых противоположных начал.

Но нужно учитывать, что данный процесс может произойти в воспитании и с точностью наоборот (излишняя мягкость – ребенок вырастает избалованным, тщеславным, ленивым и т.п.). Понятно, что крайности в воспитании чреваты.

Именно педагогика ненасилия является объективной и гармонично сочетает в себе как ненасильственные, так и насильственные методы воспитания.

Хорошим примером в этом плане является метод Марии Монтессори. Этот метод является ненасильственным, однако некоторые насильственные компоненты присутствуют и в нём, тем самым создаётся диалектическая гармония. Для ребёнка в первую очередь важно отсутствие вербального насилия, критики, оскорблений, нужно строить общение на объяснении материала: «Будьте доброжелательны с ребенком. Как можно меньше говорите ему «не делай», «не мешай», «не надо», «нельзя», «неправильно»... Будет намного лучше подсказывать малышу, помогая при этом добиться идеального результата. Ребенок пролил сок или вытирает стол и не заметил пятна? Не упрекайте малыша. Достаточно сказать: «Ещё одно вот это пятно стереть – и будет идеально чисто!», чтобы маленький ученик смог исправить сам свою ошибку и при этом почувствовать себя не униженным»¹⁹⁵. Этот подход пересекается с известной методикой транзакционного анализа Э. Берна: М. Монтессори строит общение родителя и ребенка с позиции

¹⁹⁵ Дмитриева В. Г. Энциклопедия современных развивающих методик. М.: Эксмо, 2009. С. 17.

Взрослого. Именно общение по принципу Взрослый – Взрослый и является ненасильственным.

Кроме того, подход Монтессори учитывает индивидуальность ребёнка, уникальность каждой личности и при этом формирует трезвую самооценку, так как построен на отсутствии постоянного сравнения детей в сочетании с похвалой и критикой: «Говоря ребёнку «молодец», вы оцениваете не конкретные его поступки, а его личность. Поэтому в будущем, не дождавись похвалы, малыш будет думать, что не оценен не только его труд, но и он сам как личность. Хвалите ребенка за отдельные действия словами: замечательно, хорошо, здорово, прекрасно у тебя получилось, красиво нарисовал, удачный выбрал цвет и т. п.»¹⁹⁶. Такая стратегия является вполне христианской, так как предлагает изначально воспитывать человека так, чтобы судили не его личность, а поступки. А значит, впоследствии он в меньшей степени будет склонен к осуждению окружающих людей. Об этом пишет и психолог Ю.М. Орлов, подробнее о котором будет написано ниже.

Интересен тот факт, что дочь Л.Н. Толстого Татьяна Львовна Сухотина работала по системе М. Монтессори и находила у неё много общего с педагогическими взглядами Льва Николаевича.

Американский исследователь М. Липман занимается проблемами философии, педагогики и психологии ненасилия. Образовательная концепция Липмана построена на диалектическом подходе. Он подчёркивает, что необходимо не категорическое наставление, а формирование у ребёнка способности мыслить, чтобы он сам понял, какой поступок с точки зрения традиционных этических правил желателен в той или иной ситуации¹⁹⁷. Липман считает, что диалог между учениками, их практический опыт и примеры из жизни помогут выработать ученикам стремление к миролюбию и усвоение этических ценностей.

¹⁹⁶ Дмитриева В. Г. Энциклопедия современных развивающих методик. М.: Эксмо, 2009. С. 30.

¹⁹⁷ Юлина Н.С. О педагогической методике обучения миролюбию М. Липмана // Вопросы философии. 1993. №9. С.151-158.

Новые ненасильственные подходы и развитие старых методик находим у современных исследователей педагогики ненасилия Н.И. Макаровой и Н.В. Наливайко, В.А. Ситарова и В.Г. Маралова, Д.А. Белухина и других. В их работах используется популярный сегодня аксиологический подход, основанный на этике ненасилия. «Аксиологическими аспектами педагогики ненасилия являются: во-первых, научно-теоретические знания, на которые можно опереться при решении проблем нравственного воспитания в ненасильственном образовании... Во-вторых, это проблема ценностных установок человека в переломные времена развития общества. С точки зрения педагогики ненасилия, значимы такие ценности, как свобода, добро, но в первую очередь высшая ценность – сам человек»¹⁹⁸. Здесь важно также, что этика ненасилия обучает рациональным личностным взаимоотношениям, способствует поиску понимания и согласия в общении двух личностей. Поэтому к свободе, добру и достоинству необходимо добавить такие ценности, как прощение, любовь, человечность, уважение к другим и самоуважение. Первые четыре ценности логически вытекают из слов Христа в Нагорной проповеди, из принципа «непротивления злу силою», и, как следствие, эти ценности необходимы для уменьшения конфликтов между людьми. Почему же мы прибавляем к ним ещё «самоуважение»? Обратимся вновь к словам Иисуса Христа: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя»¹⁹⁹ (15, Лк 10:27). Сказано «как самого себя», следовательно, не может быть настоящего уважения к другому человеку (в том числе и к врагу) без любви к себе и самоуважения. Этот тезис применимо к этике ненасилия можно проиллюстрировать на простом примере из деятельности М.Л. Кинга. Если бы М.Л. Кинг не призывал своих

¹⁹⁸ Макарова Н.И. Насилие – ненасилие в современном образовании (или педагогика ненасилия как философская проблема) / Н.И. Макарова, Н. В. Наливайко. Новосибирск : Издательство СО РАН, 2004. С.181.

¹⁹⁹ Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета, канонические. М.: Российское библейское общество, 2001. С. 77.

сторонников сохранять чувство собственного достоинства, не заставлял их верить в то, что темнокожие люди ничем не хуже белых и сохранять спокойствие, несмотря на оскорбления, то агрессия бы не утихла и обернулась уже чёрным расизмом. Такие случаи часто встречались среди темнокожего населения ещё при жизни М.Л. Кинга, например, когда в Мемфисе некоторые потребовали, чтобы власть перешла к чёрным²⁰⁰.

Все эти ценности, наряду с творческим подходом к обучению, необходимо прививать через образование. На сегодняшний день в России, как никогда, возрастает необходимость в нравственном воспитании молодёжи и духовном самосовершенствовании каждого человека (в том числе и взрослого). Это связано не только с криминальной обстановкой в стране и угрозой терроризма, но, в первую очередь, с сохранением национального самосознания, ибо «любовь к своему народу неотделима от любви ко всему человечеству»²⁰¹.

Педагогика ненасилия на сегодняшний день развивается и является популярным направлением педагогики в целом. В современной педагогике особенно ценится умение заинтересовать ученика, уважать его свободу и личностный выбор.

Принципы педагогики ненасилия вырабатывались веками. Можно отметить общее у всех педагогов ненасилия от Я.А. Коменского до М. Монтессори: воспитание ребёнка в свободе, естественности, ближе к природе, минимум принуждений и приказов; умение заинтересовать ребёнка в деятельности, а не заставить, научить самостоятельности; предоставление внимания и телесному, и духовному развитию ребёнка, чтобы оно происходило в гармонии.

Сочетание таких простых методов, принципов и подходов делают педагогику ненасилия эффективной. Ненасильственные методы можно также

²⁰⁰ Миллер У.Р. Мартин Лютер Кинг : жизнь, страдания и величие. / Уильям Роберт Миллер; пер. с англ. В. Т. Олейника. М.: Рудомино : Текст, 2004. С. 265.

²⁰¹ Макарова Н.И. Насилие – ненасилие в современном образовании (или педагогика ненасилия как философская проблема) / Н.И. Макарова, Н. В. Наливайко. Новосибирск : Издательство СО РАН, 2004.С. 122.

использовать в самообразовании и самовоспитании. Поэтому с педагогикой ненасилия неразрывно связана психология ненасилия.

Теоретики психологии ненасилия выработали правила ненасильственного межличностного общения и ненасильственного отношения к себе.

Авторитетным психологом, творившим в русле ненасильственной концепции, является Юрий Михайлович Орлов (1928 – 2000 гг.).

Насилие он рассматривает как наименее эффективный способ не только воспитания и общения, но и самосовершенствования. Насилие по отношению к себе (как и по отношению к другим людям) неизбежно порождает насилие. Приведем простой пример: если сегодня я через силу заставляю себя делать утреннюю зарядку, то завтра, а потом послезавтра мне придется приложить к этому еще больше усилий, иначе говоря – насилию. Каков же выход, если я твердо знаю о пользе зарядки по утрам? Ю. М. Орлов предлагает принципиально иной подход: получить наслаждение от зарядки! Необходимо поменять внутреннюю установку «должен» на «хочу», превратить нелюбимую деятельность в любимую, приятную, постоянно доставляющую удовольствие.

Ненасильственный подход он применяет и к сфере общения. Здесь его взгляд не нов, важно то, что он связан с диалектической природой насилия – ненасилия.

Психологи давно заметили, что в других мы не приемлем те черты характера, которые не приемлем в себе; соответственно, мы переносим своё недовольство на других людей и это перерастает в конфликт. Ю.М. Орлов прослеживает этот механизм: мы хотим переделать другого человека – значит, творим насилие над его волей, – следовательно, творим насилие над собой. Та же цепочка может действовать и с обратной стороны. Данный закон распространяется и на обстоятельства: мы сопротивляемся ситуации – обстоятельства сопротивляются нам. В этом отношении психология ненасилия есть некий универсальный закон смирения, принятия

обстоятельств и людей такими, какие они есть. Важно перестать оценивать, особенно негативно, жизненные ситуации и окружающих людей. Именно в оценке кроется насильственный компонент. «Магическое значение имени сохраняется применительно к чертам человека. «Лжец», «лентяй», «предатель», «сильный», «заботливый» влияют не только на носителя имени, который становится более лживым, ленивым, ненадежным или более сильным, заботливым, но и на других, которые начинают обращаться с носителем этих признаков в соответствии со сложившимися стереотипами»²⁰². Так, люди, оценивавшие мальчика Петю как лживого человека, как бы принуждают его быть всегда лжецом. Впоследствии такой взгляд будет способствовать конфликтам между Петей и окружающими. На самом деле «...поведение, обозначаемое словом «лживое», у одного возникает в состоянии угрозы, выступает как способ устранения опасности и диктуется страхом, а у другого – в ситуации, когда возникает возможность предстать в выгодном свете <...> Нетрудно заметить, что за одной и той же чертой, точнее – наименованием, скрываются совершенно различные качества личности»²⁰³. Поэтому легко объяснить, что во всех ситуациях человек не может быть всегда лживым или, напротив, всегда добрым, честным, высоконравственным. Следовательно, ненасильственное отношение можно выразить в суждении: «Петя лжёт и фантазирует, но не всегда». Такой подход сделает отношения спокойнее.

Данный принцип хорошо применять в общении детей и родителей. Орлов приводит множество подобных примеров, в том числе из воспитания собственных детей. Сила воли проявляется прежде всего в умении управлять собственными эмоциями, а не принуждать самого себя.

Однако и насильственная парадигма управления необходима иногда в процессе самовоспитания, то есть по сути самовоспитание основывается на диалектическом подходе (насилие и ненасилие взаимодействуют в процессе

²⁰² Орлов Ю. М. Восхождение к индивидуальности. М.: Просвещение, 1991. С. 16.

²⁰³ Там же, .с. 17.

самовоспитания). Например, Ю.М. Орлов пишет о выработке отрицательного отношения к процессу курения так: «Запишите на магнитофонную ленту своё дыхание, и вы услышите его хриплость... Не огорчайтесь, что эти приемы взяты из арсенала первой, насильственной парадигмы устрашения. Когда враг опасен, не всегда эффективен принцип ненасилия, приходится прибегать и к некоторому прямому подавлению, чтобы усилить отказ от курения... Но первая парадигма не должна быть основной, а лишь вспомогательной тактикой борьбы с пороком»²⁰⁴.

Педагогическая концепция Ю.М. Орлова построена не на полном отсутствии какого-то ни было элемента принуждения в воспитании и самовоспитании, а на том, чтобы специальными психологическими способами превращать необходимое в увлекательное.

Ребёнок, которого постоянно принуждают к чему-либо, может отказываться выполнить данное действие, или делать наоборот, или делать, но с большой неохотой (даже если он этого не показывает). Данный механизм часто срабатывает в нашей жизни, что признают многие психологи, особенно специалисты по педагогике и психологии ненасилия.

О позиции принуждения, авторитарности, проявляющихся по отношению к другим людям, вызванных неприятием себя, подробно пишут В.А. Ситаров и В.Г. Маралов. Самоуважение, наряду с человеческим достоинством, права на которое так эффективно отстаивали М.Л. Кинг, М. Ганди и Л.Н. Толстой, является важнейшей частью психологии ненасилия. В.А. Ситаров и В.Г. Маралов проводят психологический анализ того, каким образом формируются насильственные и ненасильственные механизмы в общении, делают обзор литературы по данной тематике. Так же, как Ю.М. Орлов, они подчеркивают, что альтруистическое поведение является ненасильственным, а эгоцентрическое – насильственным:

²⁰⁴Орлов Ю. М. Восхождение к индивидуальности. М.: Просвещение, 1991. С. 191.

«Преодоление эгоцентризма выступает в качестве важного условия достижения зрелости личности, принятия позиции ненасилия»²⁰⁵.

По мнению Е.Л. Доценко, одна из стратегий межличностной борьбы – использование принуждения, давления на партнёра. Это может быть насилие открытое (подавление) и скрытое (манипуляция). Выход – отказаться от борьбы, то есть переделать борьбу в сотрудничество. Противоположность насилию – переговоры, договор, соглашение²⁰⁶. При этом важно не разрушать, не наносить обиды партнёру, потому что из разрушенного тяжело строить. Самозащита, по мнению Е.Л. Доценко, необходима, но лучший её вид – диалог.

Способы преодоления эгоцентризма и налаживания межличностных отношений с помощью специальных методик, которые считаются ненасильственными, существуют и в классической психологии.

Фундаментальным для психологии ненасилия является транзакционный анализ Эрика Берна (1910 – 1970). Механизм взаимодействия личности с другими людьми, основанный на принятии – непринятии себя достаточно глубоко исследован в его работах «Игры, в которые играют люди» и «Люди, которые играют в игры»²⁰⁷. Берн анализирует причины агрессивного поведения личности – как нападающей, так и защищающейся.

По Берну, в каждом из нас живет Родитель, Взрослый и Ребенок (Дитя). За каждой из этих ролей закреплены определённые функции (Родитель – наставление, приказание, поучение; Взрослый – трезвый рассудок, здравый смысл, Дитя – эмоциональность). Когда два человека вступают в диалог, «родительские» высказывания одного из них оперируют к «Ребёнку» другого, что, как правило, приводит к конфликту, потому что

²⁰⁵ Орлов Ю. М. Восхождение к индивидуальности. М.: Просвещение, 1991. С. 63.

²⁰⁶ Доценко Е. Л. Не будь попугаем, или как защититься от психологического нападения. –Тюмень : ИПК ПК, 1994. 112 с. С. 21.

²⁰⁷ Берн Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы. М.: Лист-Нью, 1997. 335 с.

человек в позиции «Ребёнка» подсознательно вспоминает, как в детстве с ним общались родители. Позиция «Родителя» – это позиция «начальника», позиция приказывающая, т.е. насильственная. Есть множество вариантов пересечения трансакций, но сейчас останавливаться на них не будем, так как это не предмет данной работы. Идеальным Берн считает общение в диалоге с позиций «Взрослый – Взрослый». То есть такое общение, в котором присутствуют негативные, агрессивные эмоции или элементы принуждения, по Берну является неэффективным. Он говорит о вреде насилия и пользе ненасилия в межличностных отношениях. Сюда можно отнести и многих психологов, которые непосредственно не говорят о ненасилии, но так или иначе обращаются к данной концепции. Например, В.А. Ситаров и В.Г. Маралов относят к этому направлению таких известных психологов, как А. Маслоу, К. Роджерс, В. Франкл, Ф. Перлз и др.²⁰⁸.

О ненасилии в межличностном общении пишет и популярный сегодня психолог Михаил Ефимович Литвак, хотя и не называет свои методы ненасильственными. Особенно интересна его концепция по психологической защите – так называемое «психологическое айкидо». Суть «айкидо» заключается в том, чтобы ответить человеку, провоцирующему тебя на конфликт, неагрессивно и спокойно, с позиции «Взрослого».

Пример, как работает айкидо в семье:

«Муж. «Дорогая, не подскажешь ли, где мои запонки?»»

Жена. «Ты уже не маленький, тебе пора знать, где твои запонки».

Ответ мужа: «Да, я не маленький, мне уже давно пора знать, где мои запонки. Но вот видишь, какой я несамостоятельный. Зато ты у меня такая хозяйственная. Ты всё знаешь. Я верю, что и меня ты этому научишь»²⁰⁹.

«Айкидо» нацеливает человека не на борьбу, сопротивление и насилие, а на согласие, смирение, миролюбие, принятие ситуации, окружающих людей и себя самого такими, какие они есть.

²⁰⁸ Ситаров В. Г. Педагогика и психология ненасилия в образовательном процессе / В.А. Ситаров, В.Г. Маралов. М.: Академия, 2000. 212 с.

²⁰⁹ Литвак М. Е. Если хочешь быть счастливым / Михаил Литвак. Ростов-на -Дону : Феникс, 2007. С. 195.

Этот принцип есть и в книге Лилиан Глаас «Вербальная самозащита». Л. Глаас считает, что всем людям необходима самозащита. Согласимся с Л. Глаас – именно наличие психологической самозащиты (а не её отсутствие) способствует ненасильственному межличностному общению. Л. Глаас пишет об этом: «Возможно, ваши знакомые говорят, что просто развернутся и уйдут, потому что считают себя пацифистами... Есть ещё люди, которые разворачиваются и уходят, потому что этому учит их религия. Их с детства научили подставлять другую щёку, если кто-то с ними несправедливо обращается... Но подставить другую щёку – это не значит, что следует получить шлепок и по другой стороне лица. Я, как и многие представители духовенства, считаю, что нужно, наоборот, отвернуть её от врага, чтобы предотвратить вторую пощёчину, и просто идти дальше, не позволяя никому себя оскорблять»²¹⁰. Здесь интересно провести параллель с защитой страны: получается, что самозащита необходима любой личности, также как человечеству государство и наличие вооруженных сил в нем. Защита и самозащита, по сути своей, насильственны, но являются благом для человека и государства. Если их убрать, насилие проникает в душу человека в виде обиды, осуждения или гнева; государство без вооруженных сил будет разрушено при первом нападении, а женщины и дети убиты. Следовательно, защита и самозащита всё-таки необходимы, и такое объяснение защиты и самозащиты соответствует христианскому, в том числе русскому православному взгляду на ненасилие, который описан в главе первой.

Но и в вербальном «военном искусстве» есть свои правила, похожие на правила для военных, которые являются ненасильственными. «Даже если боец лишен каких-либо моральных принципов, вам совершенно необязательно уподобляться и вести себя так же... Не добавляйте ещё и оскорбление к вашей ране, не обременяйте себя ещё и ранами, причиненными ему. Попробуйте утешить себя сознанием того, что «как

²¹⁰ Глаас Л. Вербальная самозащита. М.: АСТ : Астрель, 2008. С. 155.

аукнется, так и откликнется»²¹¹. Также в случае вербального нападения запрещено использовать физическую силу.

Если же принцип самозащиты не применить, накапливается эмоциональная боль и агрессия. То же самое может происходить и в социальном плане: накапливаемая агрессия рано или поздно может обрушиться на жертву (этим можно объяснить тот факт, что Ганди и Кинг становятся жертвами – их убивают).

Следовательно, ненасилие на практике применяется по определенным, похожим законам и схемам как в личных, так и в общественных отношениях. В данном параграфе рассмотрены педагогика и психология ненасилия. Их особенности, как и данного направления в философии, закладываются авторитетными, классическими педагогами и психологами на протяжении нескольких столетий. Однако «психология ненасилия как специфическая отрасль гуманистической психологии возникла и сформировалась в нашей стране только в последние десятилетия XX века»²¹².

Психология ненасилия похожа на ненасильственный протест. И не только специальными методиками, но и тем, что способна сотворить революцию во внутреннем мире каждого. Воспитание и самовоспитание всё чаще строятся на принуждении или даже на насилии. Неудивительно, что неврозы стали очень распространенными заболеваниями²¹³. Вся социальная структура общества и современная культура приводят к тому, что дети вырастают эгоистами, а следовательно, принимают насильственную парадигму общения. В частности, способствует данному процессу капиталистический строй с его постоянной рекламой, культом гедонизма и развлечений, нацеленных прежде всего на эгоистические интересы субъекта. Следовательно, именно в наше время становится особенно актуальной педагогика ненасилия, с помощью которой возможно воспитать в детях такие

²¹¹ Глаас Л. Вербальная самозащита. М.: АСТ : Астрель, 2008. С. 159.

²¹² Ситаров В. Г. Педагогика и психология ненасилия в образовательном процессе / В.А. Ситаров, В.Г. Маралов. М.: Академия, 2000. С. 46.

²¹³ Литвак М. Е. Если хочешь быть счастливым / Михаил Литвак. Ростов-на -Дону : Феникс, 2007. 603 с.

ненасильственные и этически ценные качества, как альтруизм, миролюбие, смирение, тактичность и дипломатичность.

Философские основания, заложенные в педагогику и психологию ненасилия её идеологами, в полной мере получили свое практическое применение и развитие в многочисленных психологических методиках. Знание и распространение данных методик играет огромную роль на пути к уменьшению насилия не только в жизни и сознании отдельной личности (как ячейки общества), но и общества в целом.

2.3. Ненасилие как фактор консолидации общества и социального прогресса

Известны такие идеалы социального прогресса, как увеличение продолжительности жизни, увеличение численности людей, расширение пространств обитания, усложнение социальной организации, духовный рост (включая накопление знаний и умений). Одним из идеалов следует считать также ненасилие как принцип социальных и межличностных отношений.

Мыслители по-разному понимали идеал, существовали даже почти противоположные точки зрения (идеал недостижим, а идеальное общество – утопия или, напротив, к идеалу можно приблизиться в реальности). Существуют различные точки зрения на идеал и на ненасилие как идеал, о которых сказано выше, в главе первой.

Однако можно предположить, что идеал ненасилия достижим до определенного предела и заключается он в ограничении насилия. Именно такой вариант реализации идеала предлагают представители прагматического подхода, о которых уже говорилось (Р.Г. Апресян, В. Мейерс и др.). М. Ганди и М.Л. Кинг, говоря о ненасилии, верили в достижение этого идеала в реальной жизни и желали изменить мир к

лучшему в определенном направлении. Следовательно, ненасилие – идеал прогресса. Это подтверждают исследования А.П. Назаретяна, который приходит к выводу, что ненасилие эволюционирует, сегодня общество движется, несмотря на многочисленные пессимистичные прогнозы, в сторону уменьшения насилия. Несмотря на непрекращающиеся военные конфликты, идеалом для человечества остаётся мирное ненасильственное существование. И в связи со сложностью политических ситуаций и обострением данных конфликтов роль принципа ненасилия только возрастает. Ибо принцип ненасилия, как подчеркнуто в главе второй, проявляется на микро- и макроуровне общества, более того, он выступает на каждом из уровней в качестве объединяющего фактора.

Прежде всего, ненасилие является объединяющим фактором в межрасовых отношениях. Это доказывает эффективность опыта ненасилия. Алгоритм Кинга учитывал особенности отношений различных рас. Как отмечено выше, Кинг всегда подчёркивал, что для успеха в борьбе с расизмом необходимо наличие уважения к своим врагам. С помощью грамотного общения возможно достижение мира даже между враждебными группами людей, что доказывает эффективность деятельности М. Ганди и М.Л. Кинга. «Несмотря на плохое к нам отношение, мы не должны ожесточаться и испытывать ненависть к нашим белым братьям. Как сказал Букер Т. Вашингтон «Пусть никто не доведет вас до такой низости, чтобы вы его ненавидели»²¹⁴, – говорит М.Л. Кинг, подробно объясняя своим сторонникам, как вести себя в ситуациях с противником. При этом Кинг использует в своей деятельности ряд разработанных им ненасильственных принципов, подробнее они описаны в главе первой. Эта же стратегия помогает Кингу выиграть и избежать волны так называемого «чёрного расизма».

²¹⁴ Миллер У.Р. Мартин Лютер Кинг : жизнь, страдания и величие. / Уильям Роберт Миллер; пер. с англ. В. Т. Олейника. М.: Рудомино : Текст, 2004. С. 57.

Ненасильственный протест в межрасовых отношениях нужен прежде всего для того, чтобы отстоять чувство собственного достоинства как отдельной личности, так и группы людей. То есть любовь к себе, самоуважение, самоприятие в этике Кинга культивируются как важнейшая ценность. Но он не забывает напоминать темнокожему населению и об уважении к своим белым врагам. Если бы М.Л. Кинг не призывал своих сторонников сохранять чувство собственного достоинства, не заставлял их верить в то, что темнокожие люди ничем не хуже белых и сохранять спокойствие, несмотря на оскорбления, то агрессия бы не утихла и обернулась уже чёрным расизмом. Такие случаи часто встречались среди темнокожего населения ещё при жизни М.Л. Кинга, например, когда в Мемфисе некоторые потребовали, чтобы власть перешла к чёрным²¹⁵. Алгоритм Кинга продуман до деталей. Именно уважение к различным расам и народам вместе со стремлением вежливо отстаивать свои интересы сделали алгоритм Кинга эффективным. Как показывает история, объединение начиналось с малого: благодаря данной методике, постепенно к сидячим демонстрациям темнокожих присоединялись белые граждане, и с каждым разом их становилось всё больше. Свой алгоритм Кинг строит на основе учения и практической деятельности Ганди, который с помощью идеологии ненасилия сумел объединить различные национальности Индии в борьбе за независимость своего народа.

Таким образом, собственно философия ненасилия исторически вела людей разных рас и национальностей к сотрудничеству и братству, так что её можно считать эффективным способом разрешения конфликтов. Кроме того, на сегодняшний день есть много культурных «ходов», которые способствуют объединению рас. Это не только льготы, права и свободы афроамериканцев, идущие со времен самого Кинга, и освобождение многочисленных

²¹⁵ Миллер У.Р. Мартин Лютер Кинг : жизнь, страдания и величие. / Уильям Роберт Миллер; пер. с англ. В. Т. Олейника. М.: Рудомино : Текст, 2004. С. 265.

угнетенных народов от колониальной зависимости, но и участие людей различных рас в рекламе, кинематографе, музыкальной индустрии и т. п. Также в современном мире популярны мультикультурные центры, созданные для общения людей различных рас и народов.

Сам по себе мультикультурализм становится в современном мире не просто важной частью политики и реальной жизни, но и необходимостью. Сегодня нужно задуматься о сохранении обычаев, особенностей обрядности разных народов, в том числе малых. С одной стороны, должна проводиться политика по сохранению их идентичности, с другой – по объединению и знакомству культур между собой, так как последнее обогащает культуру в целом. Так, джаз является примером диффузии европейской и африканской музыкальной культуры, когда в результате взаимопроникновения африканских ритмов и европейской гармонии появилось новое популярное музыкальное направление. Даже такие мелкие примеры показывают, что объединение рас и народов на ненасильственной основе может быть в итоге полезно человечеству в целом.

Особенно остро стоит проблема урегулирования межнациональных отношений. Одним из вариантов решения данной проблемы является ненасилие. Применить идею ненасилия на практике к этой сфере можно, распространяя информацию о ней в обществе. Алгоритмы, используемые М. Ганди и М.Л. Кингом для достижения независимости индийским народом и темнокожим населением Америки, точно так же подойдут для сглаживания конфликтов в межнациональных отношениях.

Вопросы межнациональных отношений тесно связаны с проблемой миграции. Одним из вариантов ненасильственной работы с лицами различных национальностей и мигрантами является деятельность центров адаптации для мигрантов в крупных городах. Такие центры не только помогают самим мигрантам сориентироваться на новом месте, но и подготавливают местных жителей, настраивая их на толерантное отношение к приезжим.

Важную роль в урегулировании межнациональных отношений играют также объединения диаспор, в рамках которых происходит не только общение людей различных национальностей, но и сохранение традиций народов. В таких центрах и объединениях всегда используются ненасильственные методики, даже если объединение напрямую не провозглашает идеи ненасилия. Ибо сама практическая деятельность по урегулированию и улучшению межнациональных отношений в своей основе связана с принципом ненасилия.

Во все времена были распространены межконфессиональные конфликты. Как отмечено выше, в главе первой, принцип ненасилия есть во всех мировых религиях, однако это не исключило существования религиозных войн. Несмотря на то, что период «крестовых походов» давно прошел, проблема межконфессиональной терпимости и сегодня остаётся актуальной. Отношения мусульманского и христианского мира накалены, среди верующих нередки такие явления, как фарисейство, обрядность, фанатизм. Следовательно, в обществе необходимо формировать веротерпимость через сотрудничество и взаимодействие различных конфессий. Особенно важно, чтобы веротерпимость пропагандировали их духовные лидеры. Отметим, что интересны работы о дипломатических отношениях православной религии с другими конфессиями В. Чаплина. Его позиция, на наш взгляд, это пример веротерпимости. В. Чаплин, дипломатично отстаивая взгляды своей религии, выступает за сохранение дружеских отношений между различными конфессиями. Он воздерживается от резкой критики в адрес иных религиозных систем.

Именно культура уважения к другим конфессиям будет проявлением истинного ненасилия. И это неудивительно, ведь, с одной стороны, в идеале именно религия призвана сдерживать мораль в обществе, препятствовать распространению убийств и насилия. С другой стороны, хотя это может показаться парадоксальным, в некоторые исторические периоды определенные религии вели общество к прогрессу. Например, в тех странах и

в те эпохи, где допускалось анатомирование, стало быстрее развиваться врачебное дело. Благодаря необходимости описывать священные тексты активно развивалась письменность, а следовательно, и филология, философия, богословие, другие гуманитарные науки. С помощью религии развивалось и народное образование – не зря ещё столетие назад большинство школ были воскресными.

Таким образом, разносторонность религии вела к объединению людей в рамках своей конфессии, чему способствуют сами религиозные службы, которые сплачивают группы прихожан. Важную роль играет просвещение и информирование о религиозных ценностях, в том числе ценностях ненасилия. Например, сегодня такое информирование может проводиться в рамках курса религиоведения или светской этики в школах либо через систему религиозных объединений данной конфессии.

Культура межконфессиональных отношений постоянно развивается. Один из вариантов объединения людей различных религиозных взглядов – международное движение фокляров, объединяющее людей вне зависимости от их вероисповедания и способствующее общению. Это движение, появившееся в период Второй мировой войны в Италии и основанное Кьярой Любич, продолжает свое существование сегодня по всему миру, в том числе в России. Самый главный принцип движения – уважение и любовь ко всем людям, вне зависимости от конфессии²¹⁶. В определенном смысле можно предположить, что идеология данного движения близка философии всеединства В.С. Соловьева и экуменизму. Можно говорить о том, что принцип ненасилия воплощается в данном движении на практике.

Немаловажное значение имеют не только права и свободы вероисповедания, установленные государством, но и наличие их реализации в обществе. Например, особенно скользкой темой в последние годы является запрет на ношение хиджаба в светских учреждениях для мусульман.

²¹⁶ Любич К. Размышления / Пер. с итал. А. Рыжевской. М.: Новый градъ, 2008. С. 5.

Риторическим остаётся вопрос, что будет являться ненасильственным подходом по отношению к лицам различной религиозной принадлежности – разрешить носить специфическую религиозную одежду или запретить? С одной стороны, отказ от ношения хиджаба может помочь не выделять ни одну из конфессий в межнациональном государстве и не разжигать тем самым религиозную рознь, с другой – накладывание подобных запретов со стороны государства привлекает внимание общественности к данной проблеме, что может, напротив, способствовать межнациональным конфликтам.

Истинное ненасилие развивает диалог и ведёт к сохранению мира между народами и конфессиями, а на уровне государственных отношений проявляется во взаимодействии различных стран.

Ненасилие как идеал в межгосударственных отношениях – грамотно выстроенное дипломатическое общение и отсутствие войн. Конечно, воплотить в реальной жизни его нельзя, но можно максимально приблизиться к нему. Уважение к другим государствам, к их интересам – это то, на чём строится диалог стран, а следовательно, и международные отношения. Но разве можно совсем избежать войны? Уместно предположить, что воплощение в жизнь абсолютного пацифизма едва ли возможно. Так, по мнению Н.А. Бердяева, война – тяжёлая необходимость²¹⁷, а пацифизм может морально навредить людям, особенно в период военного вторжения. Война как временное явление всегда была и будет существовать. Более того – она имеет и положительные нравственные духовные основы для общества (единение, сплочение народа, усиление национального самосознания), что отмечали В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк. Единственный способ избежать войны – взять за правило всегда регулировать конфликт мирным путем, но из этого правила всегда будут исключения. Поэтому настолько высока роль дипломатии в международных отношениях. Дипломатические

²¹⁷ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: Философское общество СССР, 1990. С. 183.

подходы, выработанные концепцией ненасилия, способствуют объективной оценке сложных политических ситуаций и приводят к разрешению конфликтов, потому что в их основе – стремление уважать обе стороны конфликта и просчитывать детально последствия поступков обеих сторон для поиска компромисса.

И в этой связи огромную значимость приобретает не просто уважение к другой национальности, но и знание обычаев других стран, особенностей менталитета народов, вовлеченных в конфликт. Обладая подобной информацией, можно предположить, какие действия будут способствовать дальнейшему усилению противостояния или положат начало мирному сосуществованию.

Проведенное исследование доказывает, что именно дипломатия ведёт мир по пути дипломатического ненасилия, то есть уменьшения насилия в целом, используя формы диалога и сотрудничества.

Это особенно важно в наше время, ибо теперь насилие, связанное с военными угрозами, может принимать разнообразные формы. В наши дни война может вестись не только с помощью военной техники, но и другими средствами. Как и «цветную революцию», войну можно проводить с помощью СМИ, профанации выборов, воздействия на массы через харизматических лидеров, символы, санкции и т. п. Так, например, ситуация, связанная с Украиной в 2014 году освещалась по-разному на телевидении и в Интернет-источниках: одни и те же факты украинские (а также прозападные) СМИ, сайты и российские истолковывали по-разному, вплоть до прямо противоположных трактовок.

Последние десятилетия информационная война как способ противостояния государств набирает всё большие обороты, и это неудивительно, ведь общество входит в постиндустриальную эпоху, век технологий, когда владеющий информацией в прямом смысле слова владеет миром. За виртуальными военными действиями скрывается борьба за распределение природных ресурсов, а возможно, и передел мира. В условиях,

когда большинство стран имеет ядерное оружие, открытое и масштабное насилие (которое с легкостью может перейти в третью мировую войну) будет сдерживаться, что и предсказывал Ганди в своей статье «Атомная бомба и ахимса»: «Мои американские друзья высказали предположение, что атомная бомба скорее, чем что-либо другое, принесет ахимсу (ненасилие). Следует понимать это так, что ее разрушительная сила вызовет такое отвращение, что весь мир на какое-то время отвернется от насилия... Точно так же и мир вновь вернется к насилию, когда воздействие отвращения ослабнет»²¹⁸.

Хотя есть и другая сторона проблемы. В современном мире насилие не столько ослабевает, сколько принимает другие формы. Всё вышесказанное доказывает, что насилие может быть и информационным. Это своеобразный способ давления на человека – от потока новостей, вызывающего приступ пессимизма, до сознательного искажения фактов для управления народом своей или чужой страны (способ повлиять на жителей другого государства, завоевать голоса избирателей на выборах и т. п.). Кроме того, насилие такого рода формирует зависимость – казалось бы, ничего особенного не происходит, но каждый день общество нуждается (в силу сформировавшейся привычки) в новых фактах с негативной окраской (военные конфликты, аварии, катастрофы разного плана и т. п.).

Но тогда можно говорить и об информационном ненасилии, так как знания о данном принципе могут передаваться по тем же каналам, с помощью СМИ. Они могут быть выражены в материалах, посвященных определенной тематике (о межнациональном, межкультурном, межконфессиональном взаимодействии). Ненасилие может выступить принципом противодействия информационному насилию. И в тоже время можно говорить о ложном информационном ненасилии – например, призывы к «цветным революциям» спешно распространялись в социальных сетях.

Следовательно, насилие в современном мире становится скрытым, а

²¹⁸ Ганди М. К. Моя жизнь. М.: Наука, 1969. С. 567.

истинное ненасилие сложно отделить от маскирующегося ложного, что отражает диалектическое взаимодействие противоположных начал. Только справедливое ненасилие, которое продемонстрировали классические представители данной концепции с помощью своей деятельности, способствует сохранению мира на планете и развитию диалога между культурами. Конечно, ненасилия в этом варианте достичь сложно, однако стремление его реализовать на практике является шансом к достижению ненасилия как идеала. Человек, живущий насилем, утрачивает свою человеческую сущность, возможность гуманистического бытия как такого. Точно так же мир, живущий скрытым насилем и процессом глобализации, разрушается изнутри.

Глобализацию можно считать важнейшим социально-историческим вызовом, с которым связаны новые угрозы, которые возникают сейчас перед лицом всей планеты. Именно с глобализацией в той или иной степени связаны сегодня и опасности военных вторжений, и терроризм, и сепаратизм, принимающий недопустимые варварские формы, международная преступность и, может быть, самое главное – возрастание экономического разрыва между различными регионами планеты, нарастание напряженности, углубление социальной несправедливости. Так называемые развитые страны добиваются успеха отнюдь не благодаря более передовым экономическим или социально-политическим моделям, а с помощью того, что искусственно консервируют отсталость в странах периферийной зоны, экспортируют всевозможные революции, осуществляют идеологический контроль, реализуют меры внеэкономического принуждения, то есть применяют принцип насилия открыто и широко. Учёные пока не выработали единого понятия глобализации. В настоящий момент эта тема активно изучается и можно надеяться, в ближайшее время исследователи придут к консенсусу и сформулируют относительно точное определение этого термина. Например, А. Чумаков даёт такое определение: «Глобализация – процесс универсализации, становления единых для всей планеты Земля структур,

связей и отношений в различных сферах общественной жизни»²¹⁹. Отметим, что в этом процессе ненасилие играет особую роль, ибо именно ненасилие способно стать фактором консолидации в социальных отношениях.

Глобализация сегодня – это явление, способствующее стиранию национальных границ. Результаты процесса неоднозначны. На первый взгляд, преобладают ненасильственные способы глобализации. Если глубже всмотреться в этот процесс, то насаждаются иные ценности, внедряются, навязываются в ущерб значительной части общества (и даже не суть важно, составляет ли эта часть большинство или меньшинство населения). Значение традиционных этнических ценностей умалается или даже стирается, нивелируется самобытность различных общественных культур. Можно ли вообще говорить об этике в условиях глобализации? Сегодня говорят о глобальной этике, глобальном обществе, глобальном сознании, глобальных проблемах, это тема популярна среди исследователей. Но именно в процессе глобализации этика трансформируется и общество всё больше уходит в сторону «универсальных» ценностей, которые на поверку оказываются насаждающимися западными ценностями. Происходит некая универсализация морали, когда, например, все страны, даже исконно мусульманские и христианские, должны толерантно относиться к геям – настолько толерантно, что приветствовать проведение гей-парадов в своей стране. Следовательно, западные «универсальные» ценности внедряются, навязываются в ущерб значительной части общества. Иные ценности насаждаются, то есть здесь присутствует насилие.

В основе современных процессов глобализации находится вестернистская аксиологическая шкала, провоцирующая давление, способствующая насильственному перестраиванию мира по западному образцу. Влияние на ценности сегодня оказывается самыми различными способами, в первую очередь информационными – кино, реклама,

²¹⁹ Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М.: Проспект, 2011. С. 31.

телевидение, начиная с изменений мировоззрения каждого конкретного человека и заканчивая провоцированием политических разногласий внутри самого государства, которые нередко приводят к военным противостояниям (Ливия, Сирия).

Это может быть и провоцированием межнациональной розни, в противовес так называемым традиционным ценностям, которые объединяют народы. Каждой нации необходимо сохранять свои особенности, обычаи, обряды, свойственные ей, свою систему ценностей. Но есть те ценности, которые свойственны всем людям, вне зависимости от национальности, и способствуют объединению – любовь, добро, семья, милосердие, мир. Их можно назвать ценностями этики ненасилия, они способствуют приближению человечества к идеалу. Но так можно говорить только об истинном ненасилии, а не ложном (ложное проявляется в ситуациях, связанных с цветными революциями, подробнее о них сказано выше).

Глобализация, как и ложное ненасилие, может отражать эгоистические интересы отдельных политических групп. В то время как истинное ненасилие является способом смягчения воздействия процесса глобализации на общество. Ибо ненасильственное взаимодействие различных рас, наций, народов оказывается более эффективным для мирного взаимодействия государств. «На современном этапе общественного развития наблюдается активный процесс планетарного объединения всех областей человеческой деятельности, охватывающей производство, технологию, торговлю, культуру, политические и государственные институты, который включает в себя управление мировым финансовым капиталом, мировыми банками»²²⁰. Глобализация как общественное явление имеет диалектическую природу. Это всё время меняющийся, развивающийся процесс, который, с одной стороны, совмещает разнородные группы, а с другой – создаётся в целях или

²²⁰ Дуреева, Н. С. Глобализация как социальное явление. Красноярск : СФУ, 2010. С. 8.

интересах выгоды определенных людей, то есть одновременно их и разъединяет. Таким образом, через процесс глобализации отражается диалектическое взаимодействие насилия и ненасилия.

Глобализация связана с процессом отчуждения, как верно замечают красноярские исследователи И.А. Пфаненштиль, М.П. Яценко, Н.С. Дуреева. В глобализирующемся мире ценности иной культуры насаждаются насильственно, что отражает диалектику исследуемых противоположных начал. Тоже можно сказать и о других сферах, в которых диалектическое взаимодействие происходит через отчуждение. Например, в современном мире экономика зачастую выстраивается как система навязывания своих интересов. Навязчивая реклама призвана способствовать покупаемости продукта и развивать в человеке эгоизм.

В тоже время, нечто подобное бывает и в межличностных отношениях – любовь может превратиться в насилие над любимым человеком.

Власть, которая призвана упорядочивать, а не создавать анархию, с лёгкостью может превратиться в тиранию.

И это неудивительно, ведь при рассмотрении категорий насилия и ненасилия проблема власти всегда была камнем преткновения. Насилие традиционно выступало принципом, консолидирующем общество; в частности, о необходимости господства и подчинения неоднократно писали Платон и Аристотель. Они подчеркивали, что в обществе не должно быть безначалия даже среди домашних животных. Аристотель ставил отношения раба и господина во главу угла, отмечая роль насилия в государственных отношениях. По мнению античных мыслителей, такова власть. И, действительно, насилие – это то, что является основой государства, ибо изначально любой стране необходимо было защищаться от врагов. С другой стороны, в самой идее государства присутствует идеал ненасилия, ибо хорошая оборона имела целью ограничить количество конфликтов между государствами. Однако при определённых обстоятельствах столкновение

обороняющихся стран может перерасти в войну и обернуться насилием. Таким образом, в самой идее государства закладывается диалектическая взаимосвязь исследуемых противоположных начал.

Но, возвращаясь к категориальному анализу, необходимо в который раз подчеркнуть, что категории власти, насилия, принуждения не совпадают по своему содержанию. Власть не сводится к принуждению и тем более – к насилию. Наиболее широкой категорией представляется в этом ряду власть, по крайней мере, в том смысле, в каком понимает её М. Фуко.

Фуко проводит глубинный анализ проблемы власти и насилия. Описывая «Паноптикон» Бентама, который за счёт своей конструкции «производит однородные действия власти»²²¹, он показывает механизмы власти изнутри. В своей книге «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» он подчеркивает стремление власти «театрализовать» воздействие на человека. Но если в древние времена это делалось с помощью пыток, в более близкую нам эпоху – с помощью системы пенитенциарных учреждений, то сегодня в этот процесс включаются и СМИ, и реклама, и интернет с социальными сетями. Власть всегда знала, каким образом можно повернуть рычаг управления народом в своих целях. Однако отличие современных средств власти, только внешне не столь устрашающих, чем древние наказания, в том, что их можно повернуть и в обратную сторону (против существующей власти). Только при умелом расчете данные средства могут содействовать и интересам власти, и интересам народа одновременно, то есть способствовать объединению страны и максимально приближать общество к ненасильственному идеалу.

Именно власть создаёт социальные отношения, социальные институты, в некоторой степени даже структуру личности, желания и потребности людей. В этом смысле власть субстанциальна, пронизывает всё и вся, имманентна любым социальным феноменам. Её можно понимать как силовое

²²¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С. 296.

поле, организующее социальную систему. И лишь в определённых случаях власть выражается в форме принуждения. Это принуждение, в свою очередь, может быть внешним и внутренним, естественным или противоестественным, соответствующим тенденциям социального развития или не соответствующим им, наконец, отвечающим интересам индивида или идущим с ними вразрез. Что же касается категории насилия, то нельзя забывать о её негативных коннотациях. После работ Э. Фромма не может быть сомнений в том, что свобода и счастье человека несовместимы с насилием в какой бы то ни было форме²²². Но насилие не следует путать с силой и даже с принуждением. В этом случае категория ненасилия действительно может трактоваться как конкретный содержательный принцип человеческого бытия, в обязательном порядке предполагающий проявления силы прежде всего в форме усилия, то есть целенаправленного преодоления некоторого препятствия. Степень усилия в случае проявления принципа ненасилия ничуть не меньше, чем в случае проявления насилия, однако категория ненасилия позволяет зафиксировать момент гармонии между ожиданиями общества и ожиданиями индивида, момент их действия в одном общем направлении. Вот почему ненасилие становится фактором консолидации общества. Что касается социального прогресса, то не следует сводить значение ненасилия к конечной точке исторического процесса, так сказать ограничивать его ролью маяка, озаряющего путь человечества, или якоря, не позволяющего обществу потерять фарватер. На самом деле ненасилие выступает в качестве перманентного мотива социальных преобразований, в качестве постоянно применяющегося критерия, который в тоже время выступает мериллом, индикатором правильности курса социальных преобразований. Малейший отход, уклонение от объективного закона, в соответствии с которым человеческое общество должно двигаться в направлении утверждения всё большей степени свободы, отзывается

²²² Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.; Его же. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990. 271 с.

дисгармонией между индивидом и социумом и, следовательно, сигналил о необходимости изменить курс.

Консолидация общества может осуществляться разными путями: авторитарным, демократическим и т. д. Анализ истории общества показывает, что насильственные методы исчерпали себя не только в собственно политическом, экономическом, эколого-геополитическом отношениях (это известно было давно), но и в отношении онтологическом, более того – метафизическом. Ключевая задача философии заключается именно в том, чтобы понять единство конкретно-научных, в частности социально-политических и общеполитических, онтологических аспектов насилия и, соответственно, способов его преодоления. Во-первых, политическая практика является одной из важнейших сфер (хотя далеко не единственной), в которой проявляется общая ориентация человека на достижение целей насильственным путем. В свою очередь, эта практика служит своеобразной школой данной ориентации, её целью, оправданием и т. п. Во-вторых, политическая практика выступает полем конституирования идеалов, отвлеченных идеологических принципов. Ненасилие, равенство, идеалы создаются в этом поле. Это поле политических взаимодействий. В-третьих, именно в политической практике может быть использован ряд ненасильственных техник.

Такие политические техники могут быть использованы и в процессе глобализации. В свою очередь, принцип ненасилия оказывается связанным и с глобализацией, и с отчуждением.

Современными исследователями выделяется также ряд глобальных проблем, важнейшие из которых необходимо перечислить:

«проблема предотвращения войны и сохранения мира;

проблема преодоления разрыва в социально-экономическом развитии различных стран;

обеспечение экологического равновесия во взаимодействии природы и общества;

осуществление контроля над демографическими процессами;
искоренение неграмотности и развитие системы образования;
угроза со стороны международного терроризма и преступности»²²³.

Проведённый анализ показал, что в решение каждой из перечисленных проблем необходимо включить принцип ненасилия. С нашей точки зрения, наиболее эффективным при этом будет использование прагматического подхода.

Проблема терроризма последние годы является особенно острой. Распространение ценностей ненасилия могло бы снизить риск развития терроризма в современном мире. Однако в этом случае особенно важно истинное понимание ненасилия. Истинное ненасилие не может быть сопряжено с корыстной выгодой (а такое мнимое ненасилие отражается в процессе глобализации и «цветных революциях») и не может быть нацелено на причинение физического вреда какому-либо человеку, народу или государству. Истинное ненасилие не провоцирует конфликт, а, напротив, приводит к сплочению людей, урегулированию конфликтных взаимоотношений, сотрудничеству.

Всё противоположное можно сказать о ненасилии «ложном», кроме того, его характеризует та черта, о которой написано выше – фанатизм. Именно фанатизм, с нашей точки зрения, способствует терроризму. Абсолютное ненасилие с легкостью может перейти в фанатизм; любые крайности всегда опасны. В частности, агрессия, возникшая после смерти М. Ганди и М.Л. Кинга, объясняется их чрезмерным упорством в отстаивании идеи ненасилия – пока они были живы, искусственно сдерживали агрессию, накапливаемую народом. Конечно, нельзя сказать, что Ганди и Кинг дошли до фанатизма, но они были на его грани.

Только умение чувствовать золотую середину, которое ведёт к сотрудничеству, ограждает человечество от разрушительных конфликтов.

²²³ Чумаков А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. М.: Проспект, 2011. С. 34.

Поиск данной золотой середины между насилием и ненасилием проходит через исследование их взаимодействия в природе.

Так, уже упомянутые А.П. Назаретян и А.М. Ковалев считают, что насилие и ненасилие гармонично взаимодействуют в обществе.

Отметим, что ещё В.И. Вернадский, создавая своё учение о ноосфере, отмечает, что разумное взаимодействие человека и природы может привести к созданию справедливого общества, то есть к прогрессу.

А.П. Назаретян, говоря об эволюции ненасилия, подчёркивает, что в природе действует правило этологического баланса, то есть «сила инстинктивного торможения внутривидовой агрессии соразмерна физической возможности животного нанести сородичу смертельную рану»²²⁴. Человек нарушил этологический баланс, но необходимость его сохранения привела к возникновению морали – сознательному ограничению убийств. Общество могло бы прийти к самоистреблению, но этого не произошло. Цивилизация XXI века существует только потому, что понимает необходимость уменьшения агрессии, виды которой сегодня значительно изменились. «Страшно представить себе, например, всплеск экспансионизма индустриальной культуры и тоталитарные режимы XX века в сочетании с возродившимися традициями людоедства, поголовного истребления инородцев, донеолитического потребительства»²²⁵.

В процессе исследования Назаретян приходит к выводу, что несмотря на совершенствование орудий убийства, число реальных убийств и агрессии в целом снижается, во многом благодаря развитию и усовершенствованию процесса сублимации, способности человека виртуально выразить агрессию. Представление о насилии и ненасилии менялось на протяжении истории. Например, белые люди, охотившиеся за скальпами индейцев, не считали себя насильниками²²⁶. А сегодня в некоторых странах узаконена эвтаназия. В

²²⁴ Назаретян А.П. Эволюция ненасилия: историческая ретроспектива // Вестник РАН. т.77. №12. С. 1107.

²²⁵ Назаретян А.П. Историческая эволюция морали: прогресс или регресс? // Вопросы философии. 1992. №3. С.90.

²²⁶ Назаретян А.П. Эволюция ненасилия: историческая ретроспектива // Вестник РАН. т.77. №12. С. 1111.

изменении данных представлений отражается диалектическое единство противоположных начал.

Прогресс возможен только при взаимодействии двух этих начал, которое происходит и в сфере межличностных, и в сфере общественных отношений. На протяжении истории мыслители часто преувеличивали роль насилия (К. Маркс) или ненасилия (Л.Н. Толстой, М. Ганди).

Природные процессы, проанализированные А.П. Назаретяном, и вытекающая из этого анализа невозможность отсутствия насилия в природе и возможность самоистребления человека – «все эти процессы <...> есть результат единства и многообразия мира и вытекающего из этого закона сменяемости одних структурных образований другими»²²⁷.

Н.Н. Моисеева можно назвать современным представителем экологии ненасилия. Он выступает за сокращение ядерного вооружения. По его мнению, человечеству необходима новая парадигма развития²²⁸. Биосфера без человека может существовать, а человек без неё – нет²²⁹. В наше время человечество в опасности: для того, чтобы земной цивилизации выжить, необходимо отказаться от насилия и следовать экологическому и нравственному императиву, о которых говорит Н.Н. Моисеев. И здесь главнейшей он считает, следуя христианским традициям, идею спасения – спасения всех, даже нравственно падших. Общество может спастись, лишь объединившись, отказавшись от индивидуализма. Данная идея также относится к ненасильственным. У Н.Н. Моисеева виден диалектический подход: человечество представляет собой систему, которая в процессе развития движется то в сторону насилия, то в сторону ненасилия. Сегодня необходимо повернуть в сторону ненасилия. Для концепции универсального эволюционизма Моисеева важно объединение всего общества перед опасностью экологических угроз. Только так можно предотвратить

²²⁷ Ковалев А. М. Способ духовного производства в структуре общества : идеи, размышления, гипотезы. М.: Московский университет, 2001. С. 351.

²²⁸ Моисеев Н. Н. Размышления о будущем России и мира // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. 2007. №3. С.48.

²²⁹ Моисеев Н. Н. Мир XXI века и христианская традиция // Экология и жизнь. 2003.№1. С. 9.

надвигающийся глобальный экологический кризис. «Экологический императив – совокупность тех ограничений в активной деятельности людей, нарушение которых уже в ближайшие десятилетия может обернуться для человечества самыми катастрофическими последствиями. Условия императива будут меняться по мере развития цивилизации, науки, технологий»²³⁰. Осознание человеком необходимости нравственного отношения к природе можно назвать ненасильственной экологией. Элементы теории ненасилия есть и в концепции Моисеева, хотя сам исследователь в своих работах не употребляет понятие ненасилие и не оценивает связанный с ним практический опыт. Н.Н. Моисеев считает, что сегодня возможно и даже необходимо создать общество, которое отказывается от насилия.

В.С. Стёпин считает, что призывы к ненасилию должны быть мотивированы конкретным историческим опытом. Практическая часть ненасилия доказывает, что данная теория не является эфемерной. На его взгляд, одна из глобальных проблем современности – то, что человечество «становится заложником орудий массового уничтожения, которое оно само же и изобретает»²³¹. Так раскрывается диалектика насилия и ненасилия. Люди изобретают виды защиты в стремлении к миру, желают достижения ненасилия в мире, а в итоге это приводит их к возрастанию насилия. Современный мир является настолько техногенным, что только ненасилие может стать стратегией будущего.

Кроме того, В.С. Стёпин пишет о происходящих экологическом и антропологическом кризисах. Преодолеть кризисы можно только с помощью изменений нравственных ценностей человечества. «Выход состоит не в отказе от научно-технического развития, а в придании ему гуманистического измерения, что, в свою очередь, ставит проблему нового

²³⁰ Петров А. А. Никита Николаевич Моисеев: судьба страны в судьбе ученого. М.: АНО «Журнал «Экология и жизнь», 2011. С. 134.

²³¹ Стёпин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. С. 94.

типа научной рациональности, включающей в себя в явном виде гуманистические ориентиры и ценности»²³².

Ценность ненасилия подтверждают современные исследования саморазвивающихся систем. Каждая из таких систем имеет точки бифуркации, которые на определенном этапе характеризуются необратимостью процессов. «Поэтому в деятельности с саморазвивающимися «синергетическими» системами особую роль начинают играть знания запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия»²³³. Одним из таких запретов и является принцип ненасилия.

Но при исследовании проблемы насилия и ненасилия в природе, неизбежно возникает вопрос: агрессивен ли человек от природы? Психологию агрессии исследует К. Лоренц (1903 – 1989). По его мнению, человек склонен к жестокости, но любовь может победить агрессию²³⁴. Движение человечества к любви и ненасилию необходимо сегодня как никогда, ибо сейчас происходит много процессов, угрожающих гибелью нынешней культуре и цивилизации. Несмотря на осознанную необходимость уменьшения насилия, Лоренц подчеркивает, что и в самой природе существует регуляция насилия и ненасилия: «нередко случается, что пожирающий вид приносит пожираемому явную пользу»²³⁵.

Противоположный взгляд находим у П.А. Кропоткина. Его учение о взаимопомощи можно назвать ненасильственным.

По мнению Кропоткина, взаимопомощь даёт большую силу, чем агрессия: «Действительно, муравей процветает, хотя и не обладает ни одной из тех «защитительных» черт, без которых не может обойтись ни одно из животных, ведущих одинокую жизнь... муравьи, несмотря на их

²³² Там же, с. 100.

²³³ Ненасилие: Философия, этика, политика / А.А. Гусейнов, В.С. Степин, Ж. Госс и др., Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Наука, 1993. С. 17.

²³⁴ Лоренц К. Агрессия (так называемое Зло) // Вопросы философии. 1992. №3. С. 37.

²³⁵ Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Вопросы философии. 1992. №3. С. 41.

многочисленность, не подвергаются сильному истреблению птицами и даже муравьями и внушают ужас насекомым, гораздо более сильным, чем они сами»²³⁶. Процесс объединения такого рода происходит и в обществе на протяжении всей истории, начиная со средневековой и деревенской общины до клубов и союзов в современном обществе. Человеку присуще чувство солидарности, хотя из этого правила бывают исключения, зависящие, несомненно, от индивидуального воспитания отдельной личности. И сегодня коллективная деятельность, зачастую основанная на взаимопомощи, имеет большое значение. Особенно активизируется чувство солидарности при надвигающихся стихийных угрозах – наводнениях, землетрясениях, военных вторжениях и т. п. Именно взаимная помощь становится главным фактором эволюции. Само государство основано на взаимной помощи, объединении людей: «В конце концов, стремление людей ко взаимной помощи разрушило железные законы государства; оно проявилось снова и утвердилось в бесконечном разнообразии всевозможных сообществ, которые и стремятся теперь охватить все проявления жизни, овладеть всем, что потребно для человеческой жизни и для заполнения трат, обусловленных жизнью»²³⁷.

Благодаря сплоченности и помощи развиваются самые различные сферы жизни людей: наука, искусство, военное дело, политика и др. Даже если в центре развития какой-либо сферы стоит талантливая (а может быть, гениальная, харизматичная) личность, всё равно её функционирование становится возможным благодаря деятельности всего коллектива. А следовательно, ненасилие способствует объединению людей и движет человеческим прогрессом. То, что сегодня принцип ненасилия является такой популярной темой исследований, ещё раз свидетельствует о том, насколько он необходим современному миру. Будущее мира не может строиться по принципу борьбы, ибо опасность взаимоистребления человечества слишком велика. «... Главную роль в этическом прогрессе человека играла взаимная

²³⁶ Крopotкин, П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2011. С. 27.

²³⁷ Там же, с. 241.

помощь, а не взаимная борьба. В широком распространении принципа взаимной помощи, даже и в настоящее время, мы также видим лучший задаток еще более возвышенной дальнейшей эволюции человеческого рода»²³⁸.

Возвращаясь к концепции А.П. Назаретяна, можно сказать, что он, несмотря ни на что, даёт позитивный прогноз: ненасилие эволюционирует, а насилие уменьшается, заменяется виртуальными формами (сублимируется) и в целом количество насилия в процентном отношении не растёт.

Таким образом, ненасилие в различных социальных отношениях способствует объединению людей и, более того, объединению государства.

Ослабление отношений господства и подчинения в обществе казалось ослаблением единства общества как такового, поскольку государство и многие другие институты не мыслились организованными на добровольных началах. Не случайно, когда, например, Маркс, Энгельс, и многие другие специалисты, отечественные мыслители (Бакунин, Кропоткин), когда пишут об обществе будущего, склоняются к тому, что в этом обществе вообще не будет никакого государства. Между тем современная социально-философская мысль, прогнозируя будущее человечества и связывая его с осуществлением идеалов свободы, равенства, гармонии, братства, не настаивает на том, что в этом будущем государство будет упразднено. Аналогичная эволюция представлений касается и других социальных институтов. Следовательно, устройство традиционных социальных институтов мыслится иначе, а именно основанным на принципах ненасильственного взаимодействия между людьми.

Итак, в главе второй показано, что практика ненасилия ведёт к диалогу и сотрудничеству, сглаживает конфликты в межнациональных, межрасовых, межконфессиональных отношениях. С другой стороны, это тот же механизм, который работает на уровне межличностных отношений. Диалектика

²³⁸ Кропоткин, П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Самообразование, 2011. С. 245.

насилия и ненасилия гармонично проявляется в природе и обществе. Но диалектика данных противоположных начал такова, что при ней имеет место саморегуляция, а значит, в наших силах уменьшить количество насилия в мире. На наш взгляд, прагматический подход является особенно эффективным способом решения глобальных проблем. Будет ли общество использовать его на практике, зависит от действий и идей каждой отдельной личности. Будущее – за прагматическим ненасилием, которое функционирует в диалектике коллективного и индивидуального. Казалось бы, насилие по определению исключает гармонию, поэтому следовало бы говорить, например, о гармонии принуждения и ненасильственных форм взаимодействия. Однако дело в том, что не следует метафизически противопоставлять реальность человеческого бытия, пронизанную формами насилия со всем его негативным содержанием, светлому идеалу ненасилия. Идеал создается, развивается, реализуется в обществе, в котором преобладает именно насилие, а не просто сила или принуждение. Вот почему, признавая исключительную трудность решения задачи корректного словоупотребления, приходится останавливаться именно на гармонии насилия и ненасилия, а не на гармонии различных аспектов ненасилия, которое уже само по себе включает как элементы принуждения, так и элементы свободы. Приукрашивать реальность не следует.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ненасилие – понятие изначально этическое. В рамках же данного исследования собственно этический принцип переосмысливается в более широком социально-философском ключе. В частности, проводятся параллели между конкретными способами разрешения проблем и способом бытия-человека-в-мире вообще, поведение личности поднимается до уровня политического принципа, а идеал межличностных отношений – до уровня идеала общественно-исторического развития: функционирование и развитие общества должно в максимально возможной степени исключать любые проявления насилия.

Насилие и ненасилие являются диалектически взаимосвязанными, исторически эволюционирующими началами человеческого бытия, которые следует рассматривать в неразрывном единстве. Применение силы, ограничение, принуждение неотъемлемы от всякой целеполагающей деятельности, имманентны производству, познанию, управлению, воспитанию. В чем тогда смысл императива ненасилия? Смысл заключается в вечном стремлении к преодолению, искоренению насилия, поскольку осознаётся связь между ним и человеческим страданием, физическим или моральным.

Идеал ненасилия обогащается, видоизменяется на протяжении истории. Сущность ненасилия не сводится к абстрактному, формальному отсутствию насилия, а раскрывается через положительное содержание категорий сотрудничества, терпимости, солидарности, любви, свободы, равенства и, конечно, подразумевает активное сопротивление проявлениям насилия. Роль, значение принципа ненасилия в истории общества возрастает. Он становится фактором консолидации общества и фактором социального прогресса.

К конкретно-содержательному, неформальному пониманию сущности ненасилия цивилизация приходит постепенно. Огромный вклад в процесс духовного взросления человечества внесли не только восточные этико-философские учения, авраамические религии, европейская философия, но и отечественная философская традиция, которая по всему миру нашла достойных продолжателей и в XIX, и в XX веке. Собственно философия ненасилия разрабатывается в произведениях Л.Н. Толстого, а затем М. Ганди и М.Л. Кинга, которые продемонстрировали практическую эффективность теории. Сегодня концепция ненасилия продолжает активно разрабатываться и в нашей стране, и за рубежом.

Одни считают теорию ненасилия практически неприменимой, называют ее утопией, другие – весьма перспективной, третьи рассматривают в качестве этического идеала. Выдвигаются новые концепции, базирующиеся на классической теории ненасилия и опыте её практической реализации, но являющиеся оригинальными разработками (Дж. Шарп, В. Мейерс, А.П. Назаретян, А.М. Ковалев). Дискуссии представляются содержательными и в высшей степени плодотворными.

Взаимосвязь насилия и ненасилия как принципов существования проявляется в процессе функционирования любых политических режимов, в политических акциях и взглядах (пацифистских и антипацифистских), в так называемых ненасильственных революциях, в динамике межнациональных и межрасовых отношений, в работе экологических организаций. На микроуровне взаимосвязь находит выражение в межличностных отношениях и в структуре самой личности. В общении, педагогике, самовоспитании необходимо использовать и насильственную стратегию, и ненасильственную, но с явным преимуществом последней. Защита и самозащита необходимы и в межличностных отношениях, однако они не должны быть выражены слишком агрессивно, нужно всегда помнить об уважении к оппоненту. Ю.М. Орлов отмечает существование насильственной и ненасильственной парадигмы управления в различных сферах жизни. Насильственная модель

подразумевает авторитарность, жёсткое программирование, деспотизм, а ненасильственная предоставляет людям право на выбор. Однако, как проиллюстрировано с помощью шкалы «насилие – ненасилие», данные парадигмы являются достаточно амбивалентными и требуют в высшей степени внимательного, диалектического подхода. То, какая модель будет доминировать, напрямую зависит не только от общества в целом, но и от каждой отдельной личности. Таким образом, диалектика насилия и ненасилия получает выражение в диалектике коллективного и индивидуального.

Насильственную парадигму управления необходимо сознательно ограничивать. Как показывает проведённый анализ, в природе и обществе нет насилия и ненасилия в чистом виде, они взаимодействуют и сосуществуют. Тяготение к крайностям опасно и может привести к противоположным результатам (например, пацифизм может спровоцировать войну). Поэтому, на наш взгляд, нельзя переходить на идеалистическую ступень абсолютного ненасилия. Однако нельзя отрицать и того факта, что исторический опыт доказал эффективность ненасильственных методов в политике.

Современная интерпретация сущности ненасилия актуальна и сама по себе представляет предмет отдельных исследований. Другую задачу составляет непрерывная корректировка понятий насилия и ненасилия, отвечающая задачам эпохи, особенно в связи с реалиями глобализации, распространением цветных революций, эскалации конфликтов, острой стоящей проблемой межнациональных отношений, наконец, перед лицом угрозы экологической катастрофы, угрозы, требующей предельной мобилизации человечества и, как следствие, поддержания, укрепления системы принуждения.

Проведенный анализ доказал, что именно ненасилие в различных социальных отношениях способствует объединению людей и, более того, объединению государств, ведёт к диалогу и сотрудничеству.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Августин, А. Исповедь / Аврелий Августин; пер. с лат. – М. : Канон+, 1997. – 462 с.
2. Августин, А. Творения: в 4 т. / А. Августин. – СПб. : Алетейя; Киев: Уцимм-Пресс, 1998. – Т.3. – 594 с.
3. Августин: pro et contra: Личность и идейное наследие блаженного Августина в оценке русских мыслителей и исследователей / Рос. акад. образования, Сев.-Зап. Отделение, РХГИ, сост., коммент. Р.В. Светлов; сост., предисл., коммент. В.Л. Селивестров.– СПб.: РХГИ, 2003. – 974 с.
4. Апресян, Р.Г. «Мне отмщение, Аз воздам». О нормативных контекстах и ассоциациях заповеди «Не противься злему» / Р.Г. Апресян // Этическая мысль : современные исследования. – М.: ИФ РАН, 2009. – С. 391-415.
5. Апресян, Р.Г. Этика силы – в противостоянии насилию и агрессии / Р.Г. Апресян // Вопросы философии. – №9. – 2010. – С. 143-153.
6. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель; пер. с древнегреч. – М. : Мысль, 1983. – Т.4. – 830 с.
7. Белухин, Д.А. Личностно ориентированная педагогика : учебное пособие / Д.А. Белухин ; Рос. акад. образования, Моск. психол.-соц. ин-т. – М. : [МПСИ], 2005. – 448 с.
8. Бердяев, Н.А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого / Н. А. Бердяев // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / Сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К.Г. Исупова. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. – С. 243-264.

9. Бердяев, Н.А. Избранные труды. / Н.А. Бердяев; автор вступ. ст. Т.А. Филиппова; сост., авт. коммент. : Т.А. Филиппова, П.Н. Братов. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 647 с.
10. Бердяев, Н.А. Кошмар злого добра // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / И.А. Ильин; сост., предисловие и комментарий Ю.Т. Лисицы. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 370-385.
11. Бердяев, Н.А. Л. Толстой в русской революции / Н.А. Бердяев // Духовная трагедия Л. Толстого – М.: Отчий дом, 1995. – С. 281-288.
12. Бердяев, Н.А. Собрание сочинений / Н.А. Бердяев. – Париж: YMCA-PRESS, 1989.– 1989. – Т.3. Типы религиозной мысли в России. – 714 с.
13. Бердяев, Н.А. : pro et contra : антология : в 2 кн. / Рус. Христиан. Гуманит. ин-т. СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 1994. – Кн. 1 / Отв. ред. Д.К. Бурлака. – 572 с.
14. Бердяев, Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Николай Бердяев. – М. : Философское общество СССР, 1990. – 240 с.
15. Берковиц, Л. Агрессия: причины, последствия и контроль/ Л. Берковиц. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2007. – 510 с.
16. Берн, Э. Игры, в которые играют люди: психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры: психология человеческой судьбы / Э. Берн. – М. : Лист-Нью, 1997. – 335 с.
17. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового завета, канонические. – М. : Российское библейское общество, 2001. – 1230 с.
18. Большая юридическая энциклопедия / авт.-сост. А.Б. Барихин. – М. : Книжный мир, 2010. – 960 с.
19. Бондырева, С.К. Толерантность : (введение в проблему) / С.К. Бондырева. – М.: МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2011. – 239 с.
20. Брешковская К.Ю Педагогика ненасилия. Яснополянская школа Л.Н. Толстого [Электронный ресурс] / Сайт «Л.Н. Толстой и культура

ненасилия в контексте современного образования». - Электрон. дан. - Режим доступа: <http://home.tula.net/ltolstoy/165.html/> Загл. с экрана.

21. Булгаков, С.Н. Избранное / С.Н. Булгаков. – М. : РОССПЭН, 2010. – 736 с.

22. Булгаков, С.Н. Простота и опрощение / С.Н. Булгаков // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / Сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К.Г. Исупова. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт. – С. 274-299.

23. Булгаков, С.Н. Сочинения : в 2 т. / С.Н. Булгаков. – М.: Наука, 1993. – Т.2: Избранные статьи. – 751 с.

24. Бхагавадгита. Пер. с санскрита, исслед. и примеч. В.С. Семенцова. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 256 с.

25. Варшавский, С. «О противлении злу» / С. Варшавский // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин; сост., предисловие и комментарий Ю.Т. Лисицы. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 271-273.

26. Вернадский В.И. Избранные труды / В.И. Вернадский ; [сост., автор вступ. ст. и коммент. Г.П. Аксенов]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 744 с.

27. Вшивцева, Л.Н. Ненасилие в культуре современного российского общества : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13/ Вшивцева Людмила Николаевна. – Ставрополь, 2008. – 158 с.

28. Габидулин Р.С. Нравственно-религиозная философия Л. Толстого и гуманистическая мысль центральной Азии / Р. Габидулин, Н. Туктибаев. – Москва; Архангельск : МИУ, 2002. – 88 с.

29. Ганди, М.К. Моя жизнь / М.К. Ганди; Пер. с англ. А. М. Вязьминой и др.; Авт. вступ. ст. Р.А. Ульяновский ; Отв. ред. Р.А. Ульяновский; Академия наук СССР. Ин-т востоковедения (Москва), Академия наук СССР. – М. : Наука, 1969. – 612 с.

30. Герье, В.И. Блаженный Августин / Николай Герье. – М. : Алгоритм : ЭКСМО, 2003. – 636 с.
31. Гжегорчик, А. Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия / А. Гжегорчик // Вопросы философии, 1992. №3. С. 54-65.
32. Глаас, Л. Вербальная самозащита / Лириан Глаас; [пер. с англ. А. Полякова]. – М. : АСТ : Астрель, 2008. – 333 с.
33. Гладков Б.И. Толкование Евангелия / Б.И. Гладков. – М. : Столица, 1991. – 718 с.
34. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1991. – Т.2. – 732 с.
35. Горев, А. Махатма Ганди / А. Горев. – М. : Международные отношения, 1989. – 376 с.
36. Грей, Д. Марс и Венера в будни и праздники / Д. Грей; [пер. Т. Матц]. – М. : Новости, 1997. – 301 с.
37. Григорьев, А.Б. Вера и Верность: очерки из истории отношений Русской Православной Церкви и Российской армии / А.Б. Григорьев. – Жуковский; Москва : Кучково поле, 2005. – 471 с.
38. Гроций, Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Гуго Гроций; пер с лат. А.Л. Сакетти; [предисл. А. Желудков]. – М.: Ладомир, 1994. – 867 с.
39. Гусейнов, А.А. Великие моралисты / А.А. Гусейнов. – М. : Республика, 1995. – 351 с.
40. Гусейнов, А.А. Ненасилие как правда жизни // Опыт ненасилия в XX столетии : Социально-этические очерки / Под ред. Р.Г. Апресяна. – М.: Аслан, 1996. – С. 236-265.
41. Гусейнов, А.А. Понятия насилия и ненасилия / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – 1994. – №6. – С. 35–41.
42. Гусейнов, А.А. Этика ненасилия / А.А. Гусейнов // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С.72-81.

43. Девяткин, С. В. Искусство сатяграхи / С.В. Девяткин // Опыт ненасилия в XX столетии : Социально-этические очерки / Под ред. Р. Г. Апресяна. – М.: Аслан, 1996. – С. 16-66.
44. Демидова, Е.В. И.А. Ильин о противлении злу / Е.В. Демидова // Опыт ненасилия в XX столетии : Социально-этические очерки / Под ред. Р. Г. Апресяна. – М.: Аслан, 1996. – С. 265-281.
45. Декарт, Р. Сочинения: в 2 т. / Рене Декарт; перевод; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М. : Мысль, 1989. – Т.1. – 654 с.
46. Дмитриев, А.В. Насилие: социополитический анализ / А.В. Дмитриев, И. Ю. Залысин. – М. : РОССПЭН, 2000. – 328 с.
47. Дмитриева, В.Г. Энциклопедия современных развивающих методик / В.Г. Дмитриева. – М. : Эксмо, 2009. – 271 с.
48. Долгий, А. Г. Антропологический смысл полемики о природе добра и зла в русской духовно-философской традиции : Л. Н. Толстой, И. А. Ильин, Н. О. Лосский : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Долгий Артем Геннадьевич. – СПб., 2009. – 153 с.
49. Дугин, А. Обыкновенный расизм. [Электронный ресурс]. - Электрон. дан. – Режим доступа: <http://pravaya.ru/leftright/472/16770>
50. Дуреева, Н. С. Глобализация как социальное явление / Н.С. Дуреева. – Красноярск : СФУ, 2010. – 119 с.
51. Духовная трагедия Л. Толстого – М.: Отчий дом, 1995. – 320 с.
52. Дудина, М. Этика свободы и педагогика ненасилия Л. Толстого / М. Дудина // Философия ненасилия Л.Н. Толстого: точки зрения : коллектив. моногр. / [редкол. А.А. Гусейнов, Б.В. Емельянов]. –Екатеринбург : Изд-во Урал. ун- та, 2002. – С.231-245.
53. Доценко, Е. Л. Не будь попугаем, или как защититься от психологического нападения / Е.Л. Доценко. – Тюмень : ИПК ПК, 1994. – 112 с.
54. Жан-Жак Руссо : pro et contra : идеи Жан-Жака Руссо в восприятии и оценке русских мыслителей и исследователей (1752-1917) :

антология / Рос. акад. наук, Сев.-Зап. отд-ние, Рус. христиан. гуманист. акад. – СПб. : РХГА, 2005. – 829 с.

55. Жданкин, В. А. Ценностное и праксиологическое содержание концептов «насилие» и «ненасилие» в современной социальной философии : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Жданкин Владимир Александрович. – Воронеж, 2010. – 134 с.

56. Жирар Р. Насилие и священное / Рене Жирар; [пер. с фр. Г. Дашевского]. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 400 с.

57. Замай, И.В. Ненасилие в политических трансформациях на постсоветском пространстве : дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Замай Игорь Валерьевич. – М., 2007. – 167 с.

58. Занин, С.В. Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское просвещение XVIII века / С.В. Занин. – СПб. : Мирь, 2007. – 534 с.

59. Зимбули, А.Е. Агрессия: человеческая природа или смертный грех? // Образование и насилие: Сб. статей / Под ред. К.С. Пигрова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – С. 116-122.

60. Ильин, И.А. Духовный смысл войны // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / И.А. Ильин; сост., предисловие и комментарий Ю.Т. Лисицы. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 239-266.

61. Ильин, И.А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин; сост., предисловие и комментарий Ю.Т. Лисицы. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 576 с.

62. Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека / И.А. Ильин. – СПб.: Наука, 1994. – 541 с.

63. История образования и педагогической мысли за рубежом и в России : учебное пособие для вузов / И.Н. Андреева, Т.С. Буторина, З.И. Васильева; под ред. З.И. Васильевой. – М.: Академия, 2001. – 416 с.

64. История этических учений: учебник для студентов высших учебных заведений обучающихся по направлению подготовки и специальности «Философия» / Под ред. А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2003. – 911 с.

65. Исупов К.Г. Чары троянского наследия : Лев Толстой в пространствах приязни и неприятия // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / Сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К.Г. Исупова. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. – С. 7-33.
66. Кант И. «К вечному миру» И. Канта / ред., пер., предисл. А. Гулыга. – М.: Московский рабочий, 1989. – 75 с.
67. Капто А.С. От культуры войны к культуре мира / Александр Капто. – М.: Республика, 2002. – 431 с.
68. Капто А.С. Философия мира: истоки, тенденции, перспективы /А.С. Капто. – М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
69. Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике : учебное пособие по дисциплине «Политология» / Б.Г. Капустин. – М.: МГУ : КДУ, 2004. – 495 с.
70. Кара-Мурза С.Г. Революции на экспорт / Сергей Кара-Мурза. –М.: Эксмо : Алгоритм, 2006. – 525с.
71. Кессиди Ф.Х. Сократ / Ф. Х. Кессиди. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. – 319 с.
72. Кефели И.Ф. Философия геополитики. – СПб.: Петрополис, 2007. – 208 с.
73. Кинг М.Л. Паломничество к ненасилию / М.Л. Кинг // Ненасилие: Философия, этика, политика / А.А. Гусейнов, В.С. Степин, Ж. Госс и др., Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: Наука, 1993. – С. 175-187.
74. Киселев В. С. Ненасильственный опыт движения за гражданские права в США (50-60-е годы) / В.С. Киселев // Опыт ненасилия в XX столетии : Социально-этические очерки / Под ред. Р. Г. Апресяна. – М.: Аслан, 1996. – С. 66-98.
75. Ковалев А.М. Способ духовного производства в структуре общества : идеи, размышления, гипотезы / А.М. Ковалев. – М.: Московский университет, 2001. – 387 с.

76. Кольцов М. Омоложенное Евангелие // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин; сост., предисловие и комментарий Ю.Т. Лисицы. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 282-284.
77. Коменский, Я.А. Избранные педагогические сочинения : в двух томах / Я.А. Коменский; под ред. А. И. Пискунова. – М.: Педагогика, 1982. – Т.1. – 656 с.
78. Коменский, Я.А. Лабиринт света и рай сердца / Я. А. Коменский; пер. с чеш. С. Скорвида, В. Корчагина. – М.: МИК, 2000. – 319 с.
79. Конт-Спонвиль, А. Философский словарь / Пер. с фр. Е.В. Головиной. – М., Этерна, 2012. – 752 с.
80. Конфуций. Изречения. Книга песен и гимнов / Конфуций [пер. с кит. и примеч. И. Семеновко и А. Штукина]. – М.: АСТ : Хранитель, 2007. – 446 с.
81. Корельский, И.В. Ненасилие как политическая технология решения конфликтов : Зарубежный опыт и традиции : дис. ... кандидата политических наук : 23.00.04 / Корельский Игорь Владимирович. – М., 2001. – 243 с.
82. Краснов, П. Н. Душа Армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооружённой силы / П. Н. Краснов. – М.: Русский путь, 1997. – 155 с.
83. Кропоткин, П. А. Взаимопомощь как фактор эволюции / П.А. Кропоткин. – М.: Самообразование, 2011. – 256 с.
84. Ксенофонт. Апология Сократа и другие сочинения / Ксенофонт [сост. Н. Саркитов; пер. с древнегреч. С. Соболевского, С. Ошерова]. М.: Терра-книжный клуб, 2009. – 575 с.
85. Кузык, Б. Н. Индия – Россия: стратегия партнерства в XXI веке / Б.Н. Кузык, Т.Л. Шаумян. – М.: Институт экономических стратегий: Институт востоковедения РАН, 2009. – 1223 с.
86. Кураев, А. Мои ошибки / Диакон Андрей Кураев. – Красноярск : [КаСС], 2008. – 92 с.

87. Курлански, М. 1968. Год, который потряс мир / Марк Курлански [пер. с англ. А. В. Короленкова, Е.А. Семеновой]. – М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2008. – 541 с.
88. Куфакова, Н. Д. Вопросы войны и мира в русском православном богословии : Спецкурс / Н.Д. Куфакова, Л.З. Немировская. – М.: МГУ, 1989. – 89 с.
89. Кэди, Д. Л. От уоризма к пацифизму. Моральный континуум / Д. Л. Кэди. – М.: ИНИОН, 1992.– 23 с.
90. Лао-Цзы. Дао дэ цзин : Книга о пути и его Силе / Лао Цзы; [введ. Джона Болдока; пер. с кит. Дж. Макдональда; пер. с англ. А. Костенко]. – М.: София, 2012. – 127 с.
91. Лао-Цзы. Книга о пути и добродетели (Даодэцзин) / Лаоцзы, [сост., пер. с древнекитайского и нем., предисл., коммент. И. И. Семененко]. – М.: Терра-Книжный клуб, 2008. – 528 с.
92. Лейбниц, Г. В. Сочинения : в 4 т / Г. В. Лейбниц; автор вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов; пер. с франц. и лат. К. Истомина и Ф. Смирнова.– М.: Мысль, 1989. – Т.4. – 556 с.
93. Ленин, В.И. Статьи о Толстом / В.И. Ленин. – М.: Художественная литература, 1988. – 159 с.
94. Литвак, М.Е. Если хочешь быть счастливым / Михаил Литвак. – Ростов-на -Дону : Феникс, 2007. – 603 с.
95. Лоренц, К. Агрессия (так называемое Зло) / К. Лоренц // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С.5-39.
96. Лоренц, К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / К. Лоренц // Вопросы философии. 1992. – №3. – С.39-54.
97. Лосев, А. Ф. Платон. Аристотель / А. Ф. Лосев, А.А. Тахо-Годи. – М.: Молодая гвардия, 2000. – 392 с.
98. Лосский, Н. О. Бог и мировое зло : сборник / Н.О. Лосский. – М.: Республика, 1994. – 432 с.

99. Льюис, К. С. Письма баламута. Баламут предлагает тост / К.С. Льюис; Пер. с англ. Н. Трауберг, Т. Шапошниковой. – М.: Гнозис : Прогресс, 1991. – 172 с.
100. Любич, К. Размышления / Кьяра Любич; [пер. с итал. А. Рыжевской]. – М.: Новый градЪ, 2008. – 112 с.
101. Макарова, Н.И. Насилие – ненасилие в современном образовании (или педагогика ненасилия как философская проблема) / Н.И. Макарова, Н. В. Наливайко. – Новосибирск : Издательство СО РАН, 2004. – 264 с.
102. Макарова, Н. И. Проблемы насилия-ненасилия в отечественном образовании : Социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Нина Ивановна Макарова. – Новосибирск, 2003. – 209 с.
103. Маркс К. Капитал : критика политической экономии : [перевод с немецкого, французского, английского] / соч. Карла Маркса изд. под ред. Фридриха Энгельса. – Москва, Эксмо, 2011. – Т. 1, кн. 1. – 1196 с.
104. Маслов, А.А. «Я ничего не скрываю от вас» (Предисл.) / Алексей Маслов // Конфуций. Суждения и беседы / А. А. Маслов. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2006. – С. 5–142.
105. Маслоу, А. Мотивация и личность / Абрахам Маслоу; [пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина]. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 351 с.
106. Махатма Ганди / сост. и авт. предисл. В. А. Василенко. – М.: Издат. Дом Ш. Амонашвили, 1998. – 220 с.
107. Мелешко, Е.Д. Философия непротивления Л.Н. Толстого : Систематическое учение и духовный опыт : диссертация доктора филос. наук : 09.00.05 / Мелешко Елена Дмитриевна. – М., 1999. – 378 с.
108. Мелешко, Е.Д. Христианская этика Л. Н. Толстого / Е.Д. Мелешко. М.: Наука, 2006. – 308 с.
109. Мень, А. Русская религиозная философия : лекции / протоиерей Александр Мень ; [ред. текста М. Насонова]. – М.: Фонд Александра Меня, 2003. – 279 с.

110. Миллер, У.Р. Мартин Лютер Кинг : жизнь, страдания и величие. / Уильям Роберт Миллер; пер. с англ. В. Т. Олейника. – М.: Рудомино : Текст, 2004. – 286 с.
111. Мир / Реассе: альтернативы войне от античности до конца Второй мировой войны / отв. ред. Ч. Чэтфилд, Р. М. Илюхина. – М.: Наука, 1993. – 348 с.
112. Моисеев Н. Н. Избранные труды : [в 2 томах] / Н.Н. Моисеев. –М.: Тайдекс Ко, 2003. – [Т. 2]: Междисциплинарные исследования глобальных проблем: публицистика и общественные проблемы. – 264 с.
113. Моисеев Н. Н. Размышления о будущем России и мира / Н. Н. Моисеев // Вестник Московского университета. Сер. 12, Политические науки. 2007. – №3. – С.48-57.
114. Моисеев Н.Н. Мир XXI века и христианская традиция / Н. Н. Моисеев // Экология и жизнь. – 2003. – №1. – С.6-10.
115. Монтессори, М. Помоги мне сделать это самому : Статьи, советы, рекомендации / М. Монтессори. – М.: Карапуз, 2002. – 272 с.
116. Москалькова Т. Н. Противодействие злу в русской религиозной философии / Т. Н. Москалькова. – М.: Проспект, 1999. – 125 с.
117. Назаретян, А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации : очерки по эволюционно – исторической психологии / А.П. Назаретян. – М.: URSS: Издательство ЛКИ, 2008. – 256 с.
118. Назаретян, А. П. Историческая эволюция морали: прогресс или регресс? / А. П. Назаретян // Вопросы философии. – 1992. – №3. – С.82-103.
119. Назаретян, А.П. Эволюция ненасилия: историческая ретроспектива / А.П. Назаретян // Вестник РАН. – 2007. – т.77. – №12. – С.1107-1117.
120. Наир, К. Высокий стандарт лидерства: Уроки из жизни Ганди / К. Наир. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 160 с.
121. Немецкая классическая философия : [сборник] / сост. и вступ. ст. В. В. Шкоды. – М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 2000. – Т. 1: Право и свобода. –784 с.

122. Ненасилие: Философия, этика, политика / А.А. Гусейнов, В.С. Степин, Ж. Госс и др., Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: Наука, 1993. –186 с.
123. Ненасильственные движения и философия ненасилия: состояние, трудности, перспективы (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1992. – №8 – С.3-30.
124. Нибур, Р. Христос и культура : избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура / Ричард Нибур; Сост. Гуревич П. С. , Левит С. Я.; Пер. с англ. – М.: Юристъ, 1996. – 575 с.
125. Нитобург, Э.Л. Афроамериканцы США : XX век : этноисторический очерк / Э.Л. Нитобург. – М.: Наука, 2009. – 583 с.
126. Нитобург, Э.Л. О некоторых аспектах расовой проблемы в США на рубеже XX – XXI веков / Э.Л. Нитобург // Новая и новейшая история. – 2008. – №1. – С.69-86.
127. Орлов, Ю.М. Восхождение к индивидуальности : книга для учителя / Ю.М. Орлов. – М. : Просвещение, 1991. – 287 с.
128. Орлов, Ю.М. Стыд. Зависть / Ю.М. Орлов. – М.: Слайдинг, 2005.– 96 с.
129. Островский В. В. Махатма Ганди: Голодающий Микки Маус / В.В. Островский // СоТворение мира : [сборник / авт. проекта Дмитрий Травин]. – СПб.: Мидгард, 2005. – С. 62-76.
130. Пасманник Д. Черно-белое // Ильин И.А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин; сост., предисловие и комментарий Ю.Т. Лисицы. – М.: Айрис-пресс, 2005. – С. 279-282.
131. Пейдж Г. Общество без убийства: возможно ли это? / Гленн Д. Пейдж; [пер. с англ. А. Г. Старцевой]. – СПб.: СПбГУ, 2005. – 186 с.
132. Перцев А.В. От Будды до Дж. Неру: философия ненасилия для конфликтологов [Электронный ресурс] / А.В. Перцев. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://abhidharma.ru/A/Raznoe/0010.pdf>. / Загл. с экрана – 202 с.

133. Петров А.А. Никита Николаевич Моисеев: судьба страны в судьбе ученого / А.А. Петров. – М.: Журнал «Экология и жизнь», 2011. – 152 с.
134. Пигров, К. С. Образование и насилие / К. С. Пигров // Образование и насилие: Сб. статей / Под ред. К.С. Пигрова. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – С. 7-13.
135. Платон. Собрание сочинений : в 4 т / Платон; пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1990. – Т.1. – 862 с.
136. Почепцов Г. Революция. Сом. Основы протестной инженерии / Г. Почепцов; [предисл. Д. Корчинский]. – М.: Европа, 2005. – 520 с.
137. Прокофьев, А.В. Этика силы – в противостоянии этике ненасилия и наедине с собой / А. В. Прокофьев // Постигая добро : сборник статей : к 60-летию Рубена Грантовича Апресяна / Федер. гос. бюджет учреждение науки Ин-т философии Рос. акад. наук; [отв. ред. и сост. О. В. Артемьева, А. В. Прокофьев]. – М. : Альфа-М, 2013. – С. 266-290.
138. Пряхин, Н. Г. Философия ненасилия : история и современность : социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Николай Геннадьевич Пряхин. – СПб., 2006. – 187 с.
139. Пфаненштиль, И. А. Современные процессы глобализации и геополитические последствия : социально-философское осмысление : монография / И. А. Пфаненштиль; М-во образования и науки Рос. Федерации, Сиб. Федерал. ун-т. – Красноярск, СФУ, 2013. – 351 с.
140. Радхакришнан, С. Индийская философия [перевод] / С. Радхакришнан; [вступ. ст. Е.П. Островская, В.И. Рудой]. – М.: Академический проект : Альма Матер, 2008. – 1007 с.
141. Розанов, В.В. Еще о гр. Л.Н. Толстом и его учении о непротавлении злу // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / Сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К.Г. Исупова. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. – С. 264-274.

142. Розанов, В.В. Религия. Философия. Культура : Сборник / Василий Васильевич Розанов; Сост. А.Н. Николюкина. – М.: Республика, 1992. – 399 с.
143. Розанов, В.В. В.В. Розанов : сборник : в 2 т / [сост. и примеч. Е.В. Баранова]. – М. : Правда, 1990. – Т .1 – 636 с.
144. Розанов, В. В. Об отлучении гр. Л. Н. Толстого от Церкви // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / Сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К.Г. Исупова. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. – С. 423-426.
145. Русские философы о войне : [сборник], [сост. И. С. Даниленко]. – М.: Жуковский : Кучково поле, 2005. – 495 с.
146. Русское богословие в европейском контексте. С.Н. Булгаков и западно-философская мысль / [под ред. Владимира Поруса]. – М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 376 с.
147. Руссо, Ж.-Ж. Исповедь / Жан-Жак Руссо; [полн. пер. с фр. под ред. Н.А. Бердяева, О. С. Вайнер].– М.: Захаров, 2004. – 700 с.
148. Савицкий, А.Н. Этика ненасилия в преподавании боевых искусств в системе подготовки работников Федеральной службы исполнения наказаний : дис. кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Савицкий Алексей Николаевич. – СПб., 2008. – 212 с.
149. Сенека Л.А. Философские трактаты / Л.А. Сенека; пер. с лат, вступ. ст. и коммент. Т. Ю. Бородай. – СПб.: Алетейя, 2000. – 398 с.
150. Сериков А. Е. Ненасильственные методы в экологическом движении (на примере деятельности Гринпис) // Опыт ненасилия в XX столетии : Социально-этические очерки. / Под ред. Р. Г. Апресяна. М.: Аслан, 1996. – С. 98-124.

151. Ситаров, В.Г. Педагогика и психология ненасилия в образовательном процессе / В.А. Ситаров, В.Г. Маралов. – М.: Академия, 2000. – 212 с.
152. Скорик Е.Ф. Концепция ненасилия Л. Н. Толстого : история и современность : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Скорик Евгений Федорович. – М., 1992. – 198 с.
153. Словарь по этике / Под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. – М.: Издательство политической литературы, 1989. – 447 с.
154. Современный философский словарь / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В.Е. Кемерова. – М.: Академический проект, 2004. – 862 с.
155. Соловьёв В.С. Избранное / В. С. Соловьёв. – М. : Советская Россия, 1990. – 491 с.
156. Соловьёв, В.С. Избранное / В.С. Соловьёв; [сост., автор вступ. ст. и коммент. С.Б. Роцинский]. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 792 с.
157. Стёпин, В.С. Цивилизация и культура / Вячеслав Степин. – СПб.: СПбГУП, 2011. – 407 с.
158. Сытин, А.Г. Никита Николаевич Моисеев как политический мыслитель / А.Г. Сытин // Вестник Московского университета. – Сер. 12, Политические науки. – 2007 – №3 – С.58-59.
159. Толстая, А.Л. Дочь / Александра Толстая. – М.: Вагриус, 2000. – 572 с.
160. Толстой, Л. Воспитание в свободе : педагогические статьи и заметки, тексты для детей / Л.Н. Толстой; [сост. М.В. Богуславский, В.Е. Сумнительный]. – М.: Карапуз : Творческий центр «Сфера», 2005. – 240 с.
161. Толстой, Л.Н. Евангелие Толстого : избранные религиозно-философские произведения / Л.Н. Толстой. – М.: Новости, 1992. – 448 с.
162. Толстой Л.Н. Не могу молчать / Л.Н. Толстой. – М.: Сов. Россия, 1985. – 528с.

163. Толстой Л. О Лаоцзы // Лао-Цзы. Книга о пути и добродетели (Даодэцин) / Лаоцзы, [сост., пер. с древнекитайского и нем., предисл., коммент. И. И. Семененко]. – М.: Terra-Книжный клуб, 2008. – С. 319-347.
164. Толстой Л.Н. Педагогические сочинения / Л. Н. Толстой. – Москва; Ленинград : Академия педагогических наук, 1948. – 399 с.
165. Толстой Л.Н. Путь жизни : сборник / Л.Н. Толстой. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
166. Толстой, Л.Н. Религия и нравственность / Л.Н. Толстой // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / Сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К.Г. Исупова. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. – С. 33 – 54.
167. Торо Г.Д. О гражданском неповиновении [Электронный ресурс] / Электрон. дан. – Режим доступа: <http://inliberty.ru/library/classic/508/> – Загл. с экрана
168. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. / К. Д. Ушинский. – М.: Педагогика, 1974. – Т.1. – 584 с.
169. Федоров Н.Ф. Собрание сочинений : в 4 т. / Н. Ф. Федоров. –М.: Прогресс, 1995. – Т.2. – 544 с.
170. Федоров Н.Ф. Что такое добро? / Н.Ф. Федоров // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / Сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К.Г. Исупова. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. – С. 188-192.
171. Философия войны : Сборник / Под общ. ред. А.Б. Григорьева. –М.: Анкил-воин, 1995. – 240 с.
172. Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2006. – 1072 с.

173. Философия: энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
174. Франк, С.Л. Непрочитанное...: статьи, письма, воспоминания / Семен Франк; [сост. и предисл.: А.А. Гапоненков, Ю.П. Сенокосов]. – М.: Московская школа политических исследований, 2001. – 590 с.
175. Франк, С.Л. Нравственное учение Л.Н. Толстого (К 80-летнему юбилею Толстого 28 августа 1908 г.) / С.Л. Франк // Л.Н. Толстой: Pro et contra. Личность и творчество Льва Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / Сост., вступ. ст., коммент. и библиогр. К.Г. Исупова. – СПб. : Русский христианский гуманитарный институт, 2000. – С. 299 -309.
176. Франкл, В. Человек в поисках смысла: [сборник] : перевод с английского и немецкого / В. Франкл; общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева; вступ. ст. Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
177. Фрейд З. Неудобства культуры/ Зигмунд Фрейд; [пер. с нем., ст., послесл., примеч. Рудольфа Додельцева]. – СПб.: Азбука-классика 2010. –
178. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
179. Фромм, Э. Бегство от свободы : перевод с английского / Эрих Фромм. – М.: Прогресс, 1990. – 272 с.
180. Фуко, М. Использование удовольствий / Мишель Фуко; [пер. В. Каплуна]. – М.: Академический проект, 2004. – Т. 2: История сексуальности. – 432 с.
181. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / Мишель Фуко; Перевод И.К. Стаф. – СПб.: Университетская книга, 1997. –576 с.
182. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко; ред.: И. Борисова. – М.: Ad Marginem, 1999. – 479.
183. Хайтун, С.Д. Социум против человека : законы социальной эволюции / С. Д. Хайтун. – М. : URSS : КомКнига, 2010. – 333 с.

184. Холмс, Р. Презумпция несправедливости войны // Постигая добро : сборник статей : к 60-летию Рубена Грантовича Апресяна / Федер. гос. бюджет учреждение науки Ин-т философии Рос. акад. наук; [отв. ред. и сост. О.В. Артемьева, А. В. Прокофьев]. – М. : Альфа-М, 2013. – С.311-326.
185. Чаплин, В. Церковь в России: обстоятельства места и времени : статьи, выступления, интервью / протоиерей Всеволод Чаплин. – М.: Издательский совет русской православной церкви : Арета, 2008. – 311 с.
186. Чёрные американцы в истории США (1917 – 1985 гг.) : в 2 томах / [редкол.: Р.Ф. Иванов (отв. ред.) и др.] – М.: Мысль, 1986. – Т. 2: 1917-1985. – 293 с.
187. Чумаков, А.Н. Глобализация. Контурь целостного мира : монография / А. Н. Чумаков; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: Проспект, 2011. – 432 с.
188. Шалимова, Т.П. Насилие и ненасилие в условиях деполяризации гендерных идеалов : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05 / Шалимова Татьяна Георгиевна. – Саранск, 2004. – 200 с.
189. Шарп, Дж. От диктатуры к демократии / Джин Шарп. – Екатеринбург : Ультра.Культура, 2005. – 223 с.
190. Шахова, О. Ю. Историко-культурологическая роль ненасилия в реализации идеала : дис. ... кандидата культурологии : 24.00.01 / Шахова Ольга Юрьевна. – Нижневартовск, 2003. – 169 с.
191. Швейцер, А. Размышления о философии Лаоцзы // Лао-Цзы. Книга о пути и добродетели (Даодэцзин) / Лаоцзы, сост., [пер. с древнекитайского и нем., предисл., коммент. И.И. Семененко]. – М.: Терра-Книжный клуб, 2008. – С. 358-371.
192. Швейцер, А. Благоговение перед жизнью : сборник работ / Альберт Швейцер; пер с нем. ; сост. и послесл. А.А. Гусейнова; общ. ред. А.А. Гусейнова, М.Г. Селезнева. – М. : Прогресс, 1992. – 572 с.
193. Шестов, Л. Избранные сочинения / Л. Шестов. – М. : Ренессанс, 1993. – 512 с.

194. Шюкэ, А.М. Ж.-Ж. Руссо / А.М. Шюкэ; пер. с фр. П.Н. Шараповой. – М.: URSS, ЛКИ, 2008. – 196 с.
195. Эгути М. Учение Л. Н. Толстого о непротивлении злу и его влияние на общественную мысль в Японии : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05 / Эгути Мицуру. – М., 2001. – 127 с.
196. Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя / Эразм Роттердамский; [пер. с лат. и коммент. А.В. Тарасовой]. – М.: Мысль, 2010. – 366 с.
197. Этика : энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М. : Гардарики, 2001. – 671 с.
198. Этическая мысль. Рос. акад. наук, Ин-т философии; Выпуск 9 / [отв. ред. А.А. Гусейнов]. – М.: ИФ РАН, 2009. – 209 с.
199. Этическая мысль : современные исследования / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [сост. О. В. Артемьева, ред. А.А. Гусейнов]. – М.: Прогресс-традиция, 2009. – 479 с.
200. Этическая мысль : научно – публицистические чтения / Общ. ред. А.А. Гусейнова. – М.: Республика, 1992. – 1991. – 446 с.
201. Юлина Н.С. О педагогической методике обучения миролюбию М. Липмана / Н.С. Юлина // Вопросы философии. – 1993. №9. –С.151-158.
202. Юрлов Ф.Н. Насилие и несправедливость в условиях глобализации. / Ф.Н. Юрлов // В Индию духа...: сборник статей, посвященный 70-летию Ростислава Борисовича Рыбакова / Рос. Акад. наук, Ин-т востоковедения. – М.: Восточная литература РАН, 2008. –С.462-479.
203. Юрлова Е. С. От неприкасаемых к далитам. Очерки истории, идеологии, политики / Е. С. Юрлова. – М.: ИВ РАН, 2003. – 393 с.
204. Юрлова Е.С. От Махатмы Ганди к Мартину Лютеру Кингу: борьба против кастовой дискриминации в Индии и расизма в Америке / Е.С. Юрлова // В Индию духа...: сборник статей, посвященный 70-летию Ростислава Борисовича Рыбакова / Рос. Акад. наук, Ин-т востоковедения. – М.: Восточная литература РАН, 2008. – С.479-528.

205. Яценко, М.П. Аксиологические аспекты истории в эпоху глобализации : монография / М.П. Яценко. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. – 324 с.
206. Alexis-Baker A. Violence, Nonviolence and the Temple Incident in John 2:13-15. *Biblical Interpretation*. – 2012. – Vol. 20. – Issue ½. – P. 73-96.
207. Charles J. Daryl. Pacifists, Patriots, or Both? Second Thoughts on Pre-Constantinian Early-Christian Attitudes toward Soldiering and War // *Logos: A Journal of Catholic Thought & Culture*. – Spring 2010. – Vol. 13. – Issue 2. – P.17-55.
208. Chernus I. President Eisenhower and Dr.King on Peace and Human Nature // *Peace and Change*. – Jan2008. – Vol.33. – Issue1. – P.114-140.
209. Fortune A. Violence as Self-Sacrifice: Creative Pacifism in a Violent World // *Journal of Speculative Philosophy*. – Vol. 18. – No. 3, 2004. – P. 184-192.
210. Gerber H. J. The Road to Nonviolence // *America*. – October2010. – Vol. 203. – Issue 10. – P. 18-20.
211. Meyers W. Nonviolence and Its Violent Consequences. // URL: <http://www.iiipublishing.com/>